

Информационная продукция для аудитории старше шестнадцати лет
(согласно Федеральному закону № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Сергей Платон

ТЕАТРАЛЬНЫЕ КАВЕРЗЫ

повесть

1

Да не собирался он быть актером. В детском саду ему очень хотелось стать ассенизатором. Именно ассенизатором в детском саду – молодым хохотливым парнем, лихо подкатывающем раз в неделю к забору садика на грандиозной пузатой машине.

Хотелось так же заразительно смеяться над живописно развешанными по сетке забора детсадовцами, обзывать их карапузней, размашистым жестом двигать разноцветные рычажки и чудесным образом выволакивать из-под цистерны гибкий хобот сизой трубы, превращая машину в недовольно урчащего серого слона на четырех колесах.

Маленький Егор долго не мог запомнить мудреное название вожденной профессии, а потому, когда его спрашивали, кем станет, когда вырастет, звонко заявлял:

– Говновозом!

2

Ни о каком творчестве в детстве и юности не мечтал. Да он, похоже, и не мечтал никогда. На редкость удачная, спокойная школа быстро наладила хорошие отношения с точными науками, аккуратно оградив от обычных юношеских безобразий и драм. Все необходимые жизненные прививки были поставлены вовремя, так что болезни роста случались редко, протекали мягонько, а чаще всего вообще не случались. Счастливчик, у него были приличные учителя. Бывает же такое.

Лакомую радость познания он испытал в пятом классе и с тех пор не тяготился никаким обучением, даже стремился к нему, легко побеждая природную праздность. Обнаружив в себе интерес к изучению мира «через себя», пробовал думать о себе и людях, о себе и пространствах, о себе и явлениях. Думать понравилось.

Всех пятиклашек с весны перевели во вторую смену. Егорке теперь доставалась целая половина дня с утра до начала уроков! Тратилась «целая половина» на домашние задания, на Крапивина и Дюма, на Бажова, Свифта и Гофмана, на всякие неторопливые раздумья, на тортики и конфеты в процессе чтения, и на томатный сок вместо обеда.

Мама ловко, ненавязчиво выстраивала читательскую программу отпрыска. Вслед за мифами Древней Греции он проглатывал волшебные русские сказки Афанасьева, впечатлялся записками императрицы Екатерины Великой или княгини Дашковой, а после Сабатини и Дефо брался за потрясающие поморские были Шергина и Писахова.

С этих-то самых, запредельных книжных высот изумленный читатель и шлепнулся обратно в комнату, наполненную белым едким туманом резиновой гари. У входной двери истошно орал звонок. Кеды! Прежде чем взяться за книгу, он выучил уроки, выстирал новенькие китайские кеды и поставил их немного подсушиться в духовку газовой плиты. Подсушил!

Егор мигом распахнул сотрясаемую стуком дверь, ринулся на кухню, выключил газ и начал раскрывать окно. Вбежавший вслед за ним сосед из девятой квартиры, девятиклассник Паша, метнулся к раковине, зачем-то набрал полную кастрюлю холодной воды и плеснул на раскаленное духовочное стекло. Брызги, пополам со стеклянными осколками и паром, взорвались эффектным гейзером. На решетке догорал фантастический резиновый пирог с выжившими в огне ярко-красными тлеющими шнурками. Оба засмотрелись на колоритное зрелище.

– Так кем ты, говоришь, мечтал быть в детстве? Пожарником? Или пекарем? – начинал веселиться Пашка. – Мечты сбываются!

– Ассенизатором, – отвечал Егор, кое-как подавляя смешливые ноты.

– Кем?

– Ассенизатором, – уже озорно смеялся незадачливый пекарь-поджигатель.

– Ну, нет. С этим делом ты давай без меня. А ты зачем их туда запихал?

– Сушил.

– Высушил?

– Высушил.

– Молодец! – с деланной серьезностью похвалил Павел, отправляясь в комнату открывать окна.

Он с увлечением разглядывал разложенные по всем диванам, креслам, столам и стульям книги, учебники, тетради и ручки. Особенно заинтересовался учебником истории, открытым на последней странице.

– Учишься?

– К урокам готовлюсь, – смутился Егор.

– Молодчина, – искренне и уважительно проговорил старшеклассник, – герой и молодец! Может быть, расскажешь?

– Что?

– Все, что выучил. Как на уроке.

– Тебе?

- А чем я хуже твоих тупеньких одноклассников?

- Они не тупенькие, - обиделся Егор.

- Ладно, ладно, прости. Так расскажешь?

- Хорошо.

Собравшись с мыслями и духом, набрав полную грудь воздуха, Егор звучно протараторил сегодняшний и завтрашний параграфы по истории, потом задание по географии, потом показал решения задач, подкрепляя их необходимыми комментариями. Павел оказался слушателем благодарным, терпеливым, благожелательным, ни разу не перебил. Егор ожидал похвалы.

- Да, - через большую паузу заговорил Паша, - вроде все здорово, да что-то не так. Слушай, а ты не мог бы все то же самое рассказать еще раз, но только уже мне?

- Как это?

- Да так, просто. Без выражения. Садись поближе и рассказывай. Не декламируй, не ори, не тужься, не пыжься. Понимаешь? Без зубрежки. Но только так же быстро, а то я опоздаю на тренировку. Попробуем?

- Хорошо.

Проба оказалась удачной. На сей раз начинающий риторик говорил не вообще, а живо рассказывал хорошему живому человеку что-то новое, искренне делился узнанным. Тужиться и пыжиться, оказывается, намного трудней, чем

просто рассказывать. В школу он тогда отправился в летних сандалиях, сочтя невозможным совершать весенний поход за знаниями под громыхание тяжелых зимних ботинок, несколько подморозил ноги, заработал насморк и четыре самые памятные свои пятерки.

3

Егор вырос в человека домашнего, ежедневно завтракающего, часто смотрящего телевизор, гуляющего только ранними вечерами, редко мастурбирующего, много читающего. Университетские успехи воспринимал спокойно, успехами не считал и никаких восторгов по поводу наладившейся у него чистоплотной, системной, предсказуемой жизни не испытывал.

Он был красив, но, как водится, об этом не знал; был высок и легок. Лицо, волосы, ладони, тело и, казалось бы, незначительные, а в самом-то деле, очень важные составляющие прекрасного визуального образа – пластика, одежда, голос, запах, – как выражаются искусствоведы, безукоризненно и гармонично сочетались в нем «по массам».

Никто из близких так и не удосужился рассмотреть тело двадцатилетнего Егора, примеряя на него антично-скульптурные идеалы мужской

красоты, и уж, тем более, рассказать о результатах этих примерок. А впрочем, не было у них никакой возможности для рассматривания телесных нюансов. Он всегда был одет.

Одна из крепчайших семейных традиций нашего большинства народонаселения – разгуживание парня по дому в трусах – воспринималась им как что-то неприличное, диковатое, странное. Каждое утро, помимо белья, надевал домашние джинсы и футболку, перед выходом из дома переодевался, вернувшись домой опять возвращался в домашнее, и только перед сном обнажался. Переодевания эти происходили в обязательном одиночестве, никаких наблюдателей не предусматривалось.

Но когда бы сопоставление состоялось, тут же обнаружилось бы очевидное отличие – удлинённые пропорции и сдержанная графика в тех местах, где у Давида и других мраморных ребят, излишне перекаченных, по мнению большинства девушек нашего века, располагается груда мышц. Егорова красота тоже была атлетична, но если ее и называть атлетикой, то очень легкой, даже элегантной.

Нет, никакой подиумной рафинированности, женоподобной грации или гламурной бисексуальности в этом атлетизме не было. Красив он был по-мужски, вернее будет сказать, по-юношески. Из подобных «вечных молодых людей» по-

лучаются красивые старики, редкость по нынешним временам неимоверная.

Стандартная мужская старость скверна, корява, безобразна. В этом он уверился еще в детстве, поскольку уже тогда начал внимательно смотреть за людьми и размышлять о людях.

Оттенки тлена проявляются в образе молодого мужчины на пороге зрелости и остаются с ним навсегда, как пара пожелтевших веток в кроне юного дерева ранней весной. Поначалу они лишь подчеркивают силу и свежесть. Но с годами, порой очень быстро, становятся основными чертами мужского портрета. Не ветки, конечно же, оттенки. Их не принято декорировать, скрывать или стесняться, многие ими даже гордятся.

Долгое ухаживание за собственным внешним видом и, уж тем более, многочисленные приемы дамской борьбы с некрасивостью почитаются у мужчин делом постыдным. Нормальный парень никогда не станет маскировать мимические морщины. Мыться, бриться, причесываться – вполне достаточная формула эстетизации современного мужского облика.

Ну и, конечно же, парфюм. Редкий мужчина обходится без любимого запаха, причем окружающие этого запаха никогда не почувствуют, поскольку не для них этот запах, а для собствен-

ных позитивных ощущений. Брызнул утром на кадык – весь день ощущаешь.

Мнение окружающих об актуальности модельерных изысков и портняжных премудростей в мужском костюме тоже учитывается в последнюю очередь. Модные тенденции и нарядная одежда – это для артистов, женщин и педерастов. Именно в таком порядке. Масса мужчин в этом смысле тщательно и точно следует стилю неряшливой, удобной простоты. Следовал ему и Егор, быстро разобравшись в гендерных ритуалах своего времени и нюансах внешней атрибутики, отличающих мужчину нормального.

В домашнем зеркале Егор видел довольно симпатичное, но среднее лицо: русые волосы, ровные брови, светло-синие глаза, прямой некрупный нос, тонкие губы, острый подбородок, высокая шея. Ничего особенного. Своих больших, миндалевидных, чуть раскосых глаз, придающих лицу трогательное лисье обаяние, не замечал.

Зеркала почти всегда привирают. В них мы видим отражение, а не себя. Кому-то они незаслуженно подрисовывают пару-другую плюсовых черт, и человек начинает считать себя безусловным красавцем, а у кого-то снимают лишние, по их мнению, объемы или краски.

Зеркальные подвохи рано формируют наше отношение к своему лицу, и мы упрямо отбираем из тысячи личных фото десятков наиболее

«удачных» портретов, хоть в чем-то похожих на привычное отражение. А ведь оно зависит не столько от зеркального перевертыша «правоналево», сколько от освещения пространства, в котором располагается зеркало и отражаемый объект, да еще от ракурса просмотра. Попробуйте перенести лампочку чуть выше или ниже, склонив голову набок, – из-за зеркального стекла на вас тут же посмотрит другой человек.

На самом деле Егор был красив чрезвычайно.

Фронтально, в профиль, во всех возможных ракурсах-полуракурсах его лицо оставалось неизменно прекрасным. Киношники называют такие лица киногоиничными. Созревающие девочки вырезают их из модельных журналов и вклеивают в свои смешные дневники. Обычные мужчины (причем, всех возрастов) относятся к ним настороженно, ведь это редкость, а значит необычность, а значит – «не наш». Хоть и упрямата такая подозрительность глубоко в подсознание, но на реальные отношения с красавчиками влияет постоянно.

Большинство обыкновенных мужчин прекрасны чем угодно, да только не визуальным обликом. Их краткая миловидность, ежели она вообще существовала, остается в глубинах юности. Лет этак с пятнадцати они стремительно меняются, становясь кургузыми, грушевидными,

мошлатыми, пузатыми, кривыми, мешковатыми, пельменеподобными, рыхлыми, плешивыми или мохнатыми, оставаясь при этом сильными, выносливыми, добрыми, активными, волевыми, умными. Это почему-то называется возмужанием.

Мировое устройство в этом смысле понятно, вопросы остаются к замыслу мира. Ясно, что «с лица воду не пить» и «женщина любит ушами», но почему не сделать так, чтоб все отличные мужские качества находили бы зримое отражение в лице, одежде, теле?

– Мужская часть человечества в массе своей уродлива и нелепа, – бормотал озадаченный Егор, наблюдая по телеку очередной репортаж с очередного модного венчания очередной красавицы и чудовища. Мысли о телесной близости, предстоящей молодоженам брачной ночью, ужасали. После таких впечатлений он подолгу смотрел в зеркало, предполагая, как же сам начнет дурнеть.

И с гигиеной-то все у него было нормально, и с одеждой, и с учебой, и с любовными похождениями. Но чего-то существенного не хватало. Жизнь походила на вкусный обильный обед, поданный вдогонку не менее вкусному обильному завтраку. Даже самые изысканные лакомства в такой ситуации сытый желудок не порадуют. Очень хотелось свежих впечатлений,

сочных ощущений, прекрасных неожиданностей, ошеломляющих событий.

Ничто произошедшее в последние годы до уровня событий не дотягивало. Монотонный банальный быт, ровное следование уверенным курсом в сторону тихой гавани какого-нибудь карьерного успеха и только время от времени туманное предчувствие перемен. Каких? Когда?

4

Артиста из него вылепила любовь. Как-то криво в этот раз все у него сложилось с этой странной любовью. Гейша была искренней, славной, давно ожидаемой, а вот ведь – повисла на нем как липкий водянистый снег, пригнувший вчера и так изогнутые городские деревья к блестящим медным проводам, остановив неуклюжие туши троллейбусов.

Очень странное чувство непосильной и даже нудноватой тяжести тормозило привычные бравурные ритмы беззаботных собутыльных встреч с веселыми однокурсниками, отвлекало от прекрасной книжной зауми и не давало наслаждаться одинокими вечерними уборками в блистательно чистой, собственноручно выдраенной и собственноразлично вылизанной квартире.

Раньше с любовью ничего подобного не происходило. Взгляд – улыбка – неловкий диалог – встреча – близость – прогулки – легонькая болтовня – легонькое расставание. Прелесть что такое! И никаких драматических переживаний. Погуляли, полюбили, разлюбились. Он, конечно же, предполагал счастливую семейную историю, когда вместе и навсегда, но пока получалось рядом и ненадолго.

Впереди была целая жизнь, и он ничуть не сомневался в том, что будет нормально любим, сам станет нормально любящим, выкормит нормальных детенышей и все будет хорошо. Кроме любви у человека есть ведь еще масса важных предназначений. Любовь – дело нехитрое; дружба-то или карьера посложнее будут. Тем более в юности, когда целый мир требует от тебя постижения. Или все-таки юность требует срочного постижения целого мира, надеясь быстренько разобраться в человеческих предназначениях?

Подрастая, младенец стремительно постигает объемы кровати, комнаты, дома. Разобравшись с двором, ребенок тут же раздвигает пространство собственной реальности в границы соседних улиц, площадей, незнакомых районов и дальних городских окраин. Расширение мира возможно только в его личном присутствии.

Изучив и присвоив свой город, подросток начинает тянуться в другие города, регионы, страны, континенты. Книжные путешествия этих стремлений не утоляют, память настойчиво переносит экзотические литературные события в знакомые с детства места. Под дуэль благородного героя отводится соседний пустырь, королевский замок располагается в парке культуры и отдыха, а несчастная барышня тонет в обмелевшем городском пруду у радиозавода.

Юноша торопится сам, собственными ногами, глазами, носом ощутить и впитать в себя круговую панораму мира. Не каждому удастся вовремя пройти необычными дорогами, посмотреть на диковинные жилища других людей, уловить запахи иных земель. Многие застревают на уровне города. Где родился – там и пригодился. А дальше все в обратном порядке. Город – район – улица – двор – дом – комната – кровать и возвращение туда, откуда явился в этот мир. Поэтому и спешит молодой человек набрать мировых впечатлений.

Ах, как по-разному звучит одна и та же фраза, какие разительные смыслы транслирует!

– Мама, я пошел гулять! – кричал десятилетний Егор в сторону кухни и, не дожидаясь ответа, несся во двор.

Ответ настигал на вылете из подъезда:

– Чтобы в девять был дома!

– Мама, я пошел гулять. Буду завтра, – говорил Егор двадцатилетний, отпихивая от себя мамины руки, поправляющие ворот куртки. – Пока, пока!

– Погуляй, сыночек. Пока.

5

Крепкий и громкий металлический лифт поднял его тогда на пятый этаж. Он ехал выносить мусор из квартиры, которую совсем недавно откусила университетская приятельница Светка. Грезился прекрасный вечер, в течение которого было необходимо не только весело разгрести завалы барахла прежних жильцов и сочинить безумные варианты ремонта, но еще, как говорится, и-и-и...

Зараза она все-таки. Стяжать такое жилье в самом центре! Да еще в таком доме. Завидовал. Прежде всего, наличие мамы – командира жилотдела. Только такие крепкие мамы дают такие крепкие, сухие и очень довоенные дома с высокими потолками. Тогда он еще не знал, что и его мама уже почти сподобила сыночку крохотную уютную квартирку в панельной пятиэтажке на окраине. Квартиры, оказывается, здорово походят на мам.

Напитанный светло-желтой завистью, крутил медный барашек механического звонка, топал по паркету (крепкий!) и разливался восторгами в сторону микродерева, прилепившегося напротив кухонного окна прямо на крыше, прямо над кривым переулком.

Надувшись кофе из случайной кастрюльки и насидевшись на широком подоконнике (мебели-то еще не было), они заглянули в огромный куб комнаты, в центре которого сияла мусорная куча. Светлая и солнечная, она состояла из каких-то тетрадей, бумаг и невероятного количества распухших детских альбомов для рисования. Поначалу показалось, что именно из нее на стены, потолок и за окошко лился нестерпимо желтый пыльный свет.

Жмурились и листали.

Вот тут долгое, подробное удовольствие археологов и мусорщиков резко потревожил образ бывшей хозяйки. Они вдруг осознали, что прикоснулись к праху чужой жизни, и заоглядывались по сторонам. В комнате будто появился кто-то третий. Хозяйка? Стало ясно, что это она всю жизнь аккуратно подклеивала в альбомы и тетрадки тысячи газетных вырезок, снабжая каждую рифмованными словами. Неловко. Вот уже час они ковырялись в пожелтевших останках жизни недавно умершего человека.

Стихи были необычными, малосовершенными; каждому листочку – картиночка. Суетливые наследники не вывезли только их. Может потому, что малосовершенные? Как та кривая береза над переулком, уже почувствовавшая весну и обляпавшаяся жиденькой зеленкой нелепых липких листиков.

Однако же, весна тогда оказалась гораздо сильнее неловкостей и мистических образов. Присутствие простой весенней Светки приятно щекотало самолюбие, пробуждало виртуозное красноречие, рождало тысячи остроумных шуточек и наивно-задушевных бесед в кругу таких же юных, но пока еще беспарных друзей, гордо именующих себя собутыльничками.

Постоянно выпивать что-то алкогольное считалось в их кругу необходимым. Совсем непьющий студент непонятен, неинтересен, подозрителен. С точки зрения большинства однокурсников жизнь такого «пассажира» уныла и лишена сотни естественных радостей.

Егор, Серега, Виталик и Вадик любили соблаговещивать на четверых. Но разве это выпивка? Соображения недавних школьников хватало только на самый доступный сегмент алкогольного рынка. Несколько дешевых, быстро выветривающихся коктейлей, несколько банок светлого пива «на личность», несколько рюмок водочки или коньячища «на харюшку» – вот, соб-

ственно говоря, и вся незамысловатая винная карта двадцатилетних гуляк. О сочетании напитков никто из них никогда не задумывался, легко перемешивая в миксерах своих крепких и плоских желудков всякую суррогатную дрянь.

Микс получался эффектным и ярким. Он позволял немного пошуметь, слегка побезобразничать на вахте, пошляться по соседним общежитским комнатам, смотреть в ночник, зацепить там свежих девчонок, полночи увлеченно спорить о ситуации на курсе и о каком-нибудь тривиальном нюансе профессии, что поутру подтверждал нуднейший семинар, этому нюансу посвященный.

Последний год повелось зависать у Егора. Общага находилась далеко от клуба, а егоркин дом вот он, рядышком. Три «однокомнатных» приятеля, с самого первого курса в любой момент великодушно предоставлявшие ему свое тесное общежитское владение на три койки, по выражению Виталика, «для отправления естественных физиологических надобностей молодого растущего организма», чувствовали себя в его доме как дома.

Одессит Виталий Шток шутил постоянно и со зверским серьёзом. Множа сарафанную славу об остроумии своих земляков, парень мыслил остротами. Не проходило и десяти минут, чтоб рядом с ним не раздавался взрыв хохота, за что

преподы сурово карали его изгнанием с лекций. Егор все порывался за ним записывать, даже блокнотики специальные заводил, но потом бросил. Записывать надо ведь не только фразу, но и контекст, ситуацию, в которой она произнесена, интонацию. На бумаге от сотни виталькиных острот не оставалось почти ни одной достойной увековечивания. Но некоторые были просто шедеврально.

Как-то, собираясь на лекции после очередного загула, и внимательно разглядывая процесс натягивания Егором шерстяных кальсон поверх плавок, Виталик отечески произнес:

– Молодец, Егорушка! Чтобы спускательный аппарат хорошо работал, мальчик его должен в тепле содержать.

На вопрос, есть ли у него крем от клещей, Шток угощал пацанов, собирающих сумку для загородного пикника, фразочкой: «у меня только от прыщей». Посетив кабинет стоматолога, докладывал, что санация показала «период полураспада».

Чаще всего шуточки Штока касались популярной половой тематики.

«Егорино горе» – это о забытом впопыхах на самом видном месте, использованном презервативе. «Всю сантехнику простудит» – о слишком легкой одетой девице, дефилирующей в короткой юбке по зимнему бульвару. «Сразу начала меня

хватать за места общего пользования» – о своей очередной страстной подружке. Случались и уж совсем пионерские глупости. Вместо утреннего приветствия он тыкал пальцем Егору в грудь: «вот Егор», а потом в джинсовый гульфик: «и егоркин бугор».

Внятно дружили в их «узком кругу ограниченных людей», скорей всего, только Серега и Вадик. Оба крупные, длинноногие, и как многие большие люди, простоватые, наивные, добрые. Из Костромской области они привезли в университетский муравейник уникальную для безбашенных студенческих сообществ крепкую уверенную надежность, проявляющуюся в ровных отношениях даже с самыми закидонисными одноклассниками и сквальжными профессорами. Шток обзывал ребят жеребцами-производителями костромской породы, дразнил генофондом нации, требовал не расходовать попусту семенную жидкость.

– Это вон Егорке позволительно иногда полимонить Дуню Кулакову одинокими зимними вечерами, а вы обязаны брызгать прицельно и результативно, – корчил серьезную рожу Виталик, – чтобы в маленькой избенке у зачуханной бабенки народились жеребенки! Здешние девы таких коней с яйцами никогда не видывали, любая даст. Так что, парни, расчехляйте стволы и спасайте отечество. Презики вам теперь ни к чему,

можете мне сдавать. Будете побеждать смертность рождаемостью. Информатики, блин, хреновы! Я бы вам диплом уже сегодня выдал, но только по одной дисциплине, по кинематике; красный такой, толстый и длинный!

После подобных тирад тощей Виталик с удовольствием получал от Вадика звонкую затрецину, безуспешно пытался вынуть приготовленный к прогулке стратегический запас презервативов из нагрудного кармана серегинной джинсовки, червяком извивался под усевшимися на него друзьями, приминался подушками и пискляво вопил на всю общагу о бандитском наезде понаехавших хулиганов-лимитчиков, удушающих самую перспективную интеллектуальную единицу математического факультета. В разных вариациях подобная разминка перед тусовкой повторялась постоянно.

Настоящая дружба костромичей вызывала зависть. Таким верным друзьям положено жениться на сестрах. Как же они тосковали друг без дружки, с каким восторгом встречались, вместе постигая неподъемную программу обучения пополам с примитивной наукой студенческих развлечух. Всякий день выдумывали себе множество общих дел, вовлекая в них новых подруг и остальных членов небольшого общежитского кружка.

Егор ни с кем не дружил, он ждал друга. Вроде бы и с коммуникативностью все у него было в порядочке, и круги общения множились, а вот не находился никак человек, которому бы Егор Сергеевич Ланов был бы точно так же еже-часно важен, нужен, интересен. Как же так?

После каникул все неотвеченные вопросы растворились в потоке незапомнившихся событий. Из всего года он хорошо запомнил лишь один потрясающий разговор в своем доме. Всего за одну ночь кружок юных информатиков умудрился досыта наобщаться. Как потом выяснилось, на всю оставшуюся жизнь.

Собирались сначала, как обычно перед каникулами, вчетвером потаскаться по клубам, но гламурный бардак настолько всем осточертел, что решили просто посидеть и попить у Егора. Вечер сразу увел общение от бездумной болтовни. Говорили о родителях, о родных городах, о стране, о детстве, о любовных победах и поражениях, о мечтах и надеждах, о дружбе, о том, как они важны друг для друга и какие прекрасные перспективы связаны с этой дружбой. Дом наполнила откровенная серьезная значимость.

Егор припомнил милый пионерлагерь «Космос», в который до четырнадцати лет мама отправляла его на все лето, и немного рассказал о тех солнечных временах. Совсем забытая атмосфера исповедальных наивных рассказов

про ребячьи секретики ненадолго вернулась во взрослую жизнь.

6

С пионерским детством ему тоже повезло. Лагерь был стареньким, небольшим (семь отрядов), наполовину заросшим сосновым лесом и каким-то многоуровневым. Деревянные корпуса, спортплощадки, бассейн, клуб, столовая, баня и ритуальная площадь для торжественных линеек, обозначенная высоченным флагштоком с красным флагом, соединялись деревянными мостками и ступенями. Строители разместили домики на нескольких разновысоких холмах так, что фундамент главного корпуса приходился вровень крыше клуба. Между корабельными соснами, в узловатых корнях, лежали навалы огромных валунов и виднелись зигзаги скальных выступов. По камням часто носились юркие зеленые ящерицы.

Три смены пролетали в небольшом количестве обязательных в той стране официальных пионерских мероприятий и невероятном числе нормальных детских дел – концертов, рыбалок, купаний, спортивных состязаний, дискотек, турниров на подушках, измазывании спящих девочек зубной пастой, убеганий с тихого часа, про-

гулок за территорией, дружб и любовью. Коллектив молодых воспитателей и вожатых смотрел на естественные шалости пионеров сквозь пальцы, сам повсеместно нарушая режим.

Подрастающему Егору нравились пионерские ритуалы и детская советская атрибутика, добавляющие в картинку отроческого бытия краски театрализованной патетики. Он с наслаждением отутюживал алый галстук, наряжался в белые высокие гольфы, широкие синие шорты, слепящую снежным крахмалом рубашку с нашивкой на рукаве в виде пионерского костра, и с особенным шиком пристраивал на макушку атласный прямоугольник красной пилотки. Форма приобщала к заманчиво важному, сильному, хорошему. Он чувствовал себя козявочной, но уже частью пока малопонятного понятия «прогрессивное человечество», радостно выкрикивал ритмы речевок, шагая в строю, искренне салютовал флагу и старательно орал песню о старом барабанщике, не особенно вникая в ее смысл.

Именно в лагере Егорку научили популярной игре под названием «спичка». Сложных игровых основ она не содержала, служа простым поводом вдоволь пооткровенничать и, ощущая в центре груди теплое удовольствие, прямо пообщаться о чем-то главном. Все садились рядом, зажигали спичку и быстро передавали ее по кругу. Тот, на ком она гасла, должен был честно, как на

духу, рассказать что-то важное, посвятить в тайну, ответить на любой вопрос. Выяснилось, что и ребята прекрасно о ней знают.

7

- Ну что, пионеры? Вспомним лагерное детство? - предложил Егор.

Сергей сразу уронил не успевшую разгореться спичку. Пришлось под большим секретом рассказать о почти написанном черновике его первой книги, которую уже читала кафедра. Удивительнейшим образом, самые вменяемые профессора не только высоко оценили его мышления, но даже добавили немного своих, и теперь заставляют перешагнуть через два курса экстерном, чтобы остаться в аспирантуре. Почти все говорят, что его книжонка - зрелая и емкая кандидатская.

Виталик саркастично поведал о своих гомосексуальных опытах и о том, что скоро женится, в связи с чем придется бросить университет, но он еще поборется с судьбой. Оказывается, у Штока в Одессе должен был родиться ребенок. Будущего папашу тут же весело отправили за водкой.

Егор поведал о своем первом полете, случившимся в лагере, когда они сбежали с дружкойм

с тихого часа и махнули купаться на речку. Рассказал, как, накупавшись до посинения, валялись на раскаленном асфальте заброшенного шоссе и беззаботно болтали о всяческой ерунде. Как здорово, что они тогда удрали от этих!

8

С каким же упоением, оказывается, можно объедаться разными кислыми и сладкими ягодами в лесу, а затем целый час не вылезать из ледяной речки. И никаких тебе воспитателей-вожатых-физруков! Разговор с другом получался совершенно легоньким, немного наивным (этомуто было всего двенадцать), но очень-очень приятным. Где-то в груди чувствовалось горячее удовольствие. Примерно там, где кончаются ребра. И дело было не в асфальтовой сковородке, на которую они плюхнули свои абсолютно голые, покрытые гусиной кожей, мокрые тела.

Он давно уже заметил, что когда происходит что-то хорошее, в этом самом... (как же оно называется?), в этом подреберье (кажется, так) всегда разливается жар. Примерно такой же, какой исходил от серого мягкого асфальта, пропекающего тело насквозь. Примерно такой же, какой с утра выливал на них солнечный шарик. Яркое спящее тепло погружало в удивительно

умиротворенное, но при этом не сонное состояние. Говорить перестали. Смирно лежали, восторженно разглядывая огромное синее небо с редкими пятнами белых облаков.

Егор тихо соврал, что жариться на асфальте научил его папка, хотя не помнил отца. Фантазия нарисовала недопроявленные образы гигантского мужского тела с непомерно длинными сильными руками, часто отрывающими от земли и поднимающими ввысь, царапающей колкости небритого подбородка на вымышленном лице, легкого одеколонного запаха и ласковой силы ладоней. Наплел с три короба про кисти отцовских рук с тонкими пальцами и прозрачным волосяным пухом на фалангах, вытирающие нос. Изобрел аккуратные овалы выпуклых ногтей, тормозящие затылок и вычесывающие забившийся в брови речной песок. Сочинил неразрешимый детский вопрос: почему это на папиных руках растет точно такой же белесый лесок волосков, как и у него на бровях и макушке? При этом продемонстрировал с ухмылкой собственные запястья, подернутые густым белобрысым пухом.

Опять замолчали. Он раскинул руки в стороны, прижав ладони к асфальту, на секунду закрыл глаза, а когда раскрыл – мир перевернулся. Чудесный перевертыш не удивил и не испугал. Егор летел, держа легкий мир на плечах, а под

ним плескались синие волны бывшего неба в пенных барашках бывших белых облаков. Настоящее море он видел только в журналах и кино, поэтому то, что воспринимали глаза, и было истинным морем, смыкающемся на линии горизонта с зеленым лесным небом.

Мир возвратился на место под оглушающий скрежет тормозов и грубый крик:

- Ах вы, сучата! Я вам сейчас все жопы надеру!

Над ними нависла кабина еле успевшей затормозить высоченной фуры. Зацепив уже высохшие трусы и комок одежды, ловко уворачиваясь от опасно размахивающего монтировкой коренастого мужика, они сиганули в сторону леса. Вслед понеслись залпы ругательств. Такой отборной брани и многоступенчатой матерщины ни до, ни после той истории, услышать не доводилось.

9

Результаты летней ночи откровений оказались неожиданными. Университетский кружок четырех молодых мужчин, перерастающих юность, начал стремительно рассыпаться. Шток через полгода женился, бросил обучение и переселился домой. Серега и Вадик тоже поженились

с интервалом в две недели. Не на сестрах, конечно же, на хороших подругах.

Нынешней весной редко захаживающие егоровы собутыльнички часто скучали, книжки валялись на стеллаже, а поспешно расклеенные после зимы окна уже третью неделю безбожно сквозили. Впрочем, кто из них скучал, сквозил и валялся, надо еще посмотреть. Главное, что сам он как-то подрастерялся в своем размеренном уютном мире. Ощущение тихой гармонии последних лет потихонечку таяло, как теплый мартовский снег. Вот ведь.

С Гейшей было хорошо, только виделись редко. За кулисами и в примерках ночников звали ее Гешка. Дурацкое имечко с мусорным налетом, как впрочем, и кулисы всех ночных клубов, в которых они с Гейшей бывали. Он так и не запомнил ее реального имени. Лариса? Лиза? Алиса? Училась, кажется, в юридическом.

Пока «звезда» гримировалась, Егор слонялся по клубным танцполам, курилкам и сортирам, робко разглядывая разгоряченных пацанов-аниматоров в легких кислотно-пляжных костюмах. При внимательном рассмотрении выяснялось, что многие из них гораздо старше Егора. Ничего себе пацаны. Дядьки тридцатилетние с довольно потертыми рожами, а отойдешь на метр – юнцы.

Как же странны, все-таки, эти эстрадники. Может быть у драматических, цирковых или киношных как-то иначе? Ничего себе профессия, всю жизнь болтаться в кулисах, наряжаться в мишуру, надменно демонстрировать себя на служебном входе, загадочно курить, выдавливать из горла фальшивый хохот, и только время от времени выскакивать за спину более или менее известного певца, подогревая и так уже разогретый горячительным зал.

Он любил актеров и почитал многие роли кинозвезд непостижимо прекрасными, удивительными, потрясающими, гениальными. Но разгадать предназначение миллиона обычных артистов не мог. Знаменитый актер и неизвестный артист – разные профессии. В очередной раз придя к этому выводу, Егор прекращал размышления об актерстве.

Гейша работала стрип, и как только вскипала фонограмма ее номера, он несся к площадке. На сцене происходило что-то грандиозное и необыкновенно красивое. Экспрессия желания, вскипающая страсть, жажда и поиск удовлетворения были настолько ясны и убедительны, что неповоротливым охранникам приходилось сильно потеть, отгоняя публику от авансцены.

Егор прислонялся спиной к колонне и любил. Всем собой. До головокружения и слез он чувствовал этот жар.

Почти физическое ощущение странного обладания не шло ни в какое сравнение с их реальными квартирными встречами. Домашняя близость получалась короткой и суетливой, после чего дикое количество времени приходилось тратить на выдворение говорливой Гешки из квартиры. Уж очень ей хотелось быть с ним постоянно. Поэтому и поджидала его после лекций, и звонила в неурочные часы, и о любви говорила все время. Он же все время терпеть ее рядом не желал. А видеться хотелось.

С удовольствием, активно и цепко, она вновь штурмовала бытовые ритмы нерешительного Егора, прибавляя им весомую порцию мешанской тривиальности, как будто не замечая, что именно шумная уборка-готовка-стирка пополам с подробными рассказами о том, кто и как из парней ее подруг занашивает белье (мой-то не занашивает, молодец!) выводили его из себя. В результате краткого скандала, теперь уже Егор выводил упирающуюся Гешку из дома, провожал до остановки, и отправлял ночевать в общагу. Он был уверен в том, что уводит ее навсегда. Но встречаться хотелось.

После очередного выпроваживания виделись только на нейтральных территориях - в клубах, на прогулках, в гостях и киношках. На этих территориях Гейша вела себя пристойно.

Ничего японского в щуплой рыжей девочке не было. Разве что фанатичная любовь к никому не известной рок-группе с труднопроизносимым названием из Поднебесной империи. Четыре маленьких япончика играли вполне американский хард, ничего этнического. Национальный колорит присутствовал только на плакатах и обложках CD-дисков гейшиной коллекции. Придумывая первый стриповый номер и клубный псевдоним, она долго не раздумывала. Назвалась японской Гейшей. Интересно, а бывают ли не японские гейши?

Парни таких девчонок дразнят поганочками. Ладная, но не идеальная фигурка была по жизни упакована в черные джинсы с цепями и кожаную косуху, кривенькие ножки с трудом передвигали массивными Камелотами, прекрасные густые волосы перетягивала темная бандана в белых черепах. Каракатица, право слово. Как ее, всю увешанную рюкзаками, шарфами, клепаными браслетами и острыми кольцами, пускали на лекции, непонятно. Переодевалась, наверное.

При этом забрызганное пятнышками веснушек узкое лицо, крупные голубые глаза с длинными ресницами, тонкая высокая шея, тоненькие льняные спирали завитков на затылке, умопомрачительный золотистый пушок над верхней губой и напевное мягкое журчание речи

перекрывали корявости идиотских нарядов. Егор очень любил ее рассматривать.

10

Летом Гейша потащила его в театр, какие-то ее друзья играли там кое-то шоу. Егор долго не мог взять в толк, почему не спектакль, и зачем играть шоу где-то еще кроме ночного клуба, но пошел с удовольствием. Оба они не бывали в театрах со школьных времен. Смутные детские воспоминания о маленьких тетеньках, изображающих Буратино и других сказочных мальчиков, ясности в понимание этого искусства не добавляли. Похоже, пришла пора разобраться с ним серьезно.

На ведущей к театру горбатой улочке стоял гвалт. Заливистый собачий лай, звонкий скулеж и пронзительный визг разносился по всем соседним кварталам. Идущие навстречу прохожие улыбались.

– Не иначе как собачья свадьба, – сказал Егор, – надо бы обойти ее аккуратней.

Гейша вцепилась в его рукав и тихо прошипела:

– Давай не пойдем, искусают. Меня один раз покусали в первом классе сильно. Я залезла на стройку, а там собака со щенками сидела. Я их

гладила, собака мне руки лизала, так было здорово. А потом прибежал пес, наверное, папа этих щенков, и начал кусаться, гадина. Давай не пойдем...

- Пойдем, пойдем. Надо же посмотреть, что там происходит. Если что, развернемся.

Приблизившись, они заулыбались так же, как и другие прохожие, поскольку увидели зачинщика переполоха. Им оказался небольшой щенок-подросток, загнавший в угол крупную крысу. Это он один шумел на весь район, как будто свора бешенных борзых. Крыса заняла круговую оборону, и сдаваться не собиралась. Какая же она была огромная! Чуть-чуть поменьше щенка. А этот сучий детеныш кусать ее даже не пробовал. Он старался показать свою удивительную находку как можно большему количеству людей. Как же оглушительно он гавкал, подскакивая к очередному человеку и рассказывая о крысе. Люди усмехались, о чем-то с ним говорили, и он был рад стараться. Он то подлетал к перепуганной тетке с рюкзаком, сам пугался ее визга, то метался опять к крысе. Настала очередь Егора и Гейши, к ним понесся, собака.

- Ты чего это разорался, дурак? - крикнул Егор, стараясь отыскать в своем голосе низкие, властные, но при этом отеческие ноты. Получилось немного по-мальчишески, голос его оказался для этой задачи несколько высоковат.

- Тяф! – так же по-мальчишески отозвался щенок и, усевшись, склонил голову набок.

- Чего тяф, сукин сын? – хохотал Егор.

- Гаф! – продолжил общение щенок и улыбнулся. Похоже, ему понравился веселый длинный парень и маленькая девушка, не желающая слезать с дорожного ограждения.

Отклеивание орущей девушки от светофора – задача сложная, но интересная. Тем более, когда в помощниках у тебя вертлявый гавкающий щенок. Очень эффективна щекотка. Крики ужаса при ее применении сменяются веселыми воплями «дурак!» и ослаблением цепких объятий светофорного основания. Уже через минуту Гейша висела кверху попой на егоровом плече, а крыса гордым конкурным галопом покидала место сражения. В несколько прыжков она пересекла проезжую часть, хмуро оглянулась на шумную человеко-собачью компанию, может быть и сплонула презрительно по-своему, по крысячи, прежде чем зашагать пешком к гаражам.

Поход в театр продолжился. Щен, как начал его называть Егор, оказался попутчиком симпатичным и вменяемым. Лай прекратил, как только его об этом внятно попросили, терпеливо улыбнулся в ответ на потрепывание ушей, озорно лизнул гейшину руку во время знакомства, чем окончательно очаровал, расположил, примирил. Он преспокойненько шел рядом с Егором, время

от времени тычась мордой в колено, как бы проверяя, не исчез ли его новый человеческий друг; иногда забегал вперед, дожидался, и насмешливо игнорировал гейшину трескотню, состоящую из доброй сотни нелепых вопросов. Какая уже, в конце концов, разница, породистый он или нет, сколько ему месяцев от роду, где ночует, хочет ли он у них жить и зачем так машет хвостом? Он их выбрал, он ведь теперь с ними. Вернее, с ним, с другом. Егор все это прекрасно понимал и весело подмигивал.

Щенка оставили в театральном дворе у мусорных контейнеров. Тот покорно согласился ждать и не орать. Знал, сучонок, что у людей есть такие места, куда собак не пускают. Егор выходил несколько раз покурить до начала и убедительно просил не убегать. Собачонок восторженно поделился новым открытием, – по крышке бака прогуливалась черная глянцевая ворона, презрительно его не замечавшая.

Шоу называлось «Кабаре ТЕАТР». Бедные зрители! Ни к варьете, ни к кабаре, ни к какому другому зрелищному жанру это беспомощное, тошнотворное действо отношения не имело. Гейша очень верно обругала его «Шоу РВОТНЫЙ ПОРОШОК».

Семеро немолодых разнофактурных актрис в боа и перьях, будто курицы, стремительно теряющие пух от каждого взмаха, косо-

лапо поприкидывались под артисток балета «Лидо» (хорошо хоть груди не обнажили), не твердо зафиксировались в финальной мизансцене пролога и, не дождавшись аплодисментов, под топот собственных ног, поплелись за кулисы, перекрывая путь рвущемуся на сцену конференсье.

Невысокий юноша-пупс конферировал бездарно, кротко тужился, очевидно стесняясь своего жирноватого тела, втиснутого в не по размеру узкий официантский смокинг. Обильно потел, путал падежи, забывал слова, педалировал невнятным говорком чужие, заранее заготовленные, унылые шутки и мощно фальшивил в интонациях. Короче, врал совсем не убедительно, без огонька.

Номера между его выходами сначала смешили самонадеянной придурковатостью, но вскоре начали ужасать зал потрясающе нагленьким провинциальным апломбом, вульгарной самодетельностью и блеклыми сатиновыми костюмам с новогодними блестками.

Кто-то в зале тихо посвистывал, кто-то уже пробирался к выходу, кто-то громко вступал в остроумные диалоги с незадачливым ведущим, насмехаясь над собственным простодушием, позволившим купиться на волшебное слово «кабаре», покупая билеты. Большинство досиживало до антракта.

Егор скучал. Он уже пересчитал все прожектора и разобрался в очень симпатичной организации сценического пространства, понял, как работает машинерия, где сидит осветитель, где звуковик. Горемычным комедиантам не удалось держать зал. Рассеянно наблюдая, как коротконогие русские мужчины корчат из себя элегантных зарубежных артистов, он придумывал, где разместить место для Щеника дома, чем его угостить сегодня, чем кормить каждый день; решал, как часто будет с ним гулять и где купит ошейник с поводком.

Так ведь именно такого ясного, преданного, искреннего друга он и разыскивал среди людей последние годы! Да еще такого, чтоб всегда был рядышком. Что же это за судьба-то у него совсем бестолковая, щедро предлагающая на роли друзей великолепных, интересных, милых, но – приятелей, а вместо любимой – десяток стоворчивых любовниц? Надо же.

В театре ему понравилось все, кроме происходящего на сцене. От скуки начал раздумывать о мужских типажах. Пожалуй, все мужчины делятся всего на два типа – Мальчиши и Крепыши. Первые всю жизнь тянутся ввысь, вторые крепко стоят на земле и расширяются. Как ни тужился, третьего типажа так и не нашел.

Мальчиш мечтает о далеких путешествиях, чудесных приключениях, благородных победах.

Крепыш добивается шикарных игрушек, реальных удовольствий, сладкой еды. Вектор желаний находит зримое выражение в направленности телесного роста – вверх или вширь. Получается так. Должна же выражать внешняя форма глубинную суть, как же иначе? Вот и сложилось очевидное деление всех мужчин на две базовых группы, остальное – вариации и подчеркивающие правило исключения.

Коренастые мужики деловиты, сообразительны, действенны, натуральны. Они никогда не станут создавать что-то эфемерное, утонченно-возвышенное, их стихия – борьба за реальные блага. Живут Крепыши «по горизонтали», триумфально победив в ранней юности интеллектуальное и духовное волевым. Объем бедер красноречив, крепкая широкая задница и весомый балласт грузных ног выдают принадлежность к мужицкой породе. Активная жизненная позиция гарантирует телесное благополучие, творчество им ни к чему. Пропорция трех человеческих начал – ум, чувство, воля – перекошена в их организмах в сторону последнего. Центр тяжести у мужиков – ниже пояса. Сообразительны, но не умны. Чувственны, но не духовны.

Мальчишки же продолжают упрямо расти всю оставшуюся жизнь по вертикали; размышляют, переживают, мечтают. Даже если не удивляют человечество грандиозными прозрениями

или творческими откровениями, просто уравнивают мир.

Противостояние животного и человеческого – вот о чем призван поведать театр, как и любое другое искусство. Не забавлять безалаберно сляпанными развлечениями, а рассказывать нам о нас. Рассказывать ярко, емко, интересно, потрясающе.

«Так, стоп машина! Что-то ты совсем запутался, Ваше благородие!» – приостановил поток мыслей Егор и засмеялся, удивив дремлющую на плече Гейшу, наверное, подумавшую, что насмешил его корявый юморок очередного как бы комического номера.

– Тебе что, эта блевотина нравится? – недоумевала Гейша.

– Да нет, я о своем. Размышлялку размышляю интересенькую, вечером расскажу, – рассеянно шепнул в ее сторону Егор, возвращаясь к раздумьям.

«Никуда не годится твоя стройная классификация стройности фактур. Про театр – верно, а куда прикажешь подевать великих коренастых коротышек Льва Толстого, Арама Хачатуряна, Евгения Леонова? Эти грандиозные карапузы поднимались в такие заоблачные высоты, до которых ни тебе, ни уж, тем более, туповатым спортсменам, бравым солдатикам, балетным солистам или аморфным заводным манекенам для

подиумной одежды, не дотянуться никогда. По твоей логике получается, что каждому более-менее высокому мужчине суждено являть миру благородные помыслы, философские идеи и возвышенные чувства? Чушь какая-то. Пушкин со своим кривоногим обезьянством и нелепый недомерок Чаплин вообще никуда не вписываются. Ни черта внутреннего внешние мужские черты не выражают и, как правило, наоборот, тщательно маскируют суть».

Последний вывод обрадовал, как и финал злополучного шоу. Хотя он запросто еще целый час просидел бы в уютном зальчике, напрягая извилины. Сцена от мыслей не отвлекала.

«Успокойся, пожалуйста, возвышенный мыслитель-тугодум! Ты, конечно же, мужчина длинный, но умишка тебе твой рост не прибавляет!» – веселил себя Егор, покидая зрительный зал.

11

Щена у мусорки не было. С контейнера на контейнер элегантно перепрыгивала знакомая ворона, время от времени роняя из клюва неизвестно зачем ей понадобившуюся драную меховую шапку.

Егор с Гейшей намотали несколько кругов по району, разыскивая потерявшегося щенка. Примерно на третьем встретили расходящихся по домам актеров, оказавшихся в жизни очень милыми и симпатичными людьми. Гейшины друзья сбежали еще в первом акте, так что помочь не могли. Две актрисы на служебном входе поначалу немножко позвездили (Мы автографы не даем!), но, поняв суть проблемы, ненадолго присоединились к поискам, прозорливо подсказав еще одно место для розыска – рынок.

В вещевой части полупустого рынка подошли к развалу белья, футболок, чулок, колготок и носков. Пакующая тюки восточная тетка тут же запричитала низким голосом:

– Труссы, мужчина! Труссы!

Егор моментально смутился, но продолжил изучать не столько обильное содержимое аляпистого лотка, сколько его сложную, многоступенчатую организацию. Щен мог соорудить себе в этом лабиринте место ночлега.

– Труссы, труссы, мужчина! – продолжала голосить торговка.

Из-за занавеса разноцветных рейтузов, разнокалиберных бюстгальтеров и кальсон на свет появилась еще одна продавщица, точно скопированная с первой, но только русская народная. Гейша взялась выбирать ему боксеры, под низкие рулады:

- Трусы, носки, девАчка! Трусы! Трусы!
Носки, трусы, мужчина!

Пока ступшевавшийся Егор, неловко улыбаясь, трогал товар, вторая торговка резко остановила нудные песни восточной зазывалы:

- Э, подожди, щас понюхают...

В овощной ряд затесалась букинистическая палатка, на задворках которой высилась груда ящиков и пустых коробок – отличное укрытие от ветра с дождем. Краснолицый дед в выпуклых роговых очках с перевязанными изолентой дужками продал им несколько редких, ни разу не читанных книг, и очень удивился отказу от приобретения вместо реализованного утром собрания Бунина полного собрания сочинений Дудина в отличном состоянии. Все же по тридцать рублей!

Модная рыночная молодежь занималась мерчендайзингом в арбузном ряду. Одетые в турецкие кожаные штаны и черные жилетки, такие же темные черноволосые парни сооружали затейливые пирамиды из арбузов, хурмы, персиков, яблок, винограда, ловко завешивая над своим витринным произведением медленно опускающееся, жирное облако дихлофоса из баллончика.

«Так вот почему на этом рынке не бывает мух. Пакостники. Фиг я здесь буду покупать!» – пообещал себе Егор.

Щеник не находился. Поиск решили возобновить завтра с утра, а по дороге домой поссо-

рились. Гейша опрометчиво предложила наплевать на этого песика и купить другого. Егор развернул ее в сторону остановки, сплавил в общагу и, вернувшись в одинокую стерильность дома, разрыдался как мальчик, поняв, что Щен уже не найдется. В память о маленьком друге провидение оставило ему пару шикарных трусов, пять хороших книжек и теплые вязаные носки. Спасибо.

Полутру, кое-как умывшись и не позавтракав, побежал опять разыскивать Щена. Бесплезно. У театра, как и предполагал, встретился с Гейшей. Помирились как всегда сразу, не вдаваясь в подробности вчерашней размолвки.

Мимо них, к театральному подъезду, построившись парами, плелись нестройные вереницы запинаящихся на каждом шагу непоседливых первоклашек и прочей мелкоты младшего школьного возраста. Вот-вот уже должна была начаться «Дюймовочка». Не стовариваясь, побрели вслед за мелюзгой.

В рядовом детском утреннике они увидели настоящий театр. Это был спектакль! Чудесный, завораживающий, тонкий. Егору все больше и больше нравилось изумительное искусство из пыли, фанеры, раскрашенных тряпок, разрисованных людей, диковинных предметов, разноцветного света и необычных звуков.

Сцена рассказала историю о том, как милая невинная девушка, беззаботно произрастающая в оранжерее дворцовой жизни, вдруг открывает для себя изнанку придворных интриг, сталкивается с уродливыми условностями существования и гаденькими характерами домашних, уже давно пристроивших ее в жены какому-то, блин, королю эльфов. Хрупкую, непорочную деву такая коварность, знамо дело, не устраивает, и она сбегает из дворца во внешний мир. А мир оказывается не менее уродлив, сплошные подонки, мерзавцы, да моральные инвалиды. Так бы она, видимо, и сгинула среди карикатурных гадин, если бы тот самый эльфовой король (существо тоже невинное и бесполое, неизвестно каким образом выживающее в своем собственном дворце) не обрвался у нее на пути. Два сапога – пара! Делаем вывод – нехрена было никуда бегать, их же и так собирались женить. Тревожило только одно, как же эта сублильная парочка выживет? Во дворце-то у невестушки тоже ведь мерзость сплошная.

Вопросы Егор адресовал не актерам, а скорей всего, режиссеру или автору пьесы, что-то ошибочное было заложено в основу прекрасно сыгранной истории. Вчерашние артисты не то что бы удивили, они потрясли. Нынешняя их работа не шла ни в какое сравнение с тошнотвор-

ным кабаре, даже пупс-конференсье пребывал на своем месте и был просто великолепен. Чудеса.

Гейша согласилась с тем, что спектакль хорош. Не понравилась ей только главная героиня, потому что слишком уж инфантильная, отвратительно милая и приторно нежная. С первого взгляда невлюбила Гейша юную артистку, да и созданный образ тоже, Дерьмовочкой все норвила обозвать. «Знала бы ты, как часто на нееходишь внешне и во многих своих проявлениях!» – внутренне ерничал Егор, но вслух произносил только свои аналитические размышления о пьесе и спектакле. Гейша слушала тихо, изредка вворачивая в паузы егорова красноречия робкие изречения собственных замечаний, по-детсадовски выпучив восхищенные глаза, ни разу не перебив. Такая форма диалога ему понравилась. Видеться стали часто и почти без конфликтов.

12

За год удалось посмотреть как минимум сотню спектаклей, драматических, детских, гастрольных, музыкальных, балетных, отменяя ставший привычным, почти ежевечерний, поход в театр только на время сессий.

Встречались вечером в кассах, по пути в гейшин клуб обсуждали увиденное, Егор ехал

домой додумывать впечатления и дочитывать книги нудного дядьки Станиславского (детский писатель из него никакой!) или великолепного племянника великого дяди Чехова. Продолжали разговор среди ночи, перемежая его кратеньким сексом, легоньким ужином и заклеиванием пластырем телесного цвета, естественных для любой стиптизерши, свеженьких ссадин и синяков на гейшином теле. Он крепко прирастал и к театру, и к Гейше.

Откровенничал смело, велеречиво, со вкусом, ни капельки не стесняясь рассказывать, как подставляет на место коротконогих дурачков себя, умного и длинноногого. Какой же он все-таки везучий, ему позволено масштабно думать, осознавать, мыслить; у большинства эта способность отнимается еще в детстве и заменяется плоской сообразительностью. Сразу присваивал очевидные удачи увиденных на сцене ролей, находя оригинальные приемы быстрого исправления проколов, шероховатостей, срывов.

А еще, он с упоением упражнялся в колоритном изложении дневных наблюдений за необычными людьми и ситуациями в городе. Вот об этом и нужно играть так же точно, как оно происходит! Привирал, конечно же, прибавляя тривиальным обстоятельствам немножко более драматичные, с его точки зрения, темы, черты, события, такие, чтобы можно было запросто в театре

показать. От этих драматургических выдумок на базе реальных жизненных картинок его бросало то в дрожь, то в хохот. Гейша заражалась «рассказками» на раз, восторгалась вообще-то обычными, но такими прикольными в аранжировках Егора историями и могла полночи выклянчивать продолжения сериала занимательных повествований.

Если уложить самые любимые их диалоги того периода в единый разговор, получится живописный коллаж милых житейских эскизов с резкими переменами времен года, атмосферных условий, действующих лиц и мест действия.

- Началось еще в метро. Я думал, что тресну от хохота! – интригующе зыркал Егор. – Представляешь, на станции в последний момент успевает заскочить дедок, вылитая дыня на ножках, хватается за поручень, рожа серьезная, круглая, пухлые щеки ходуном ходят, отдышаться от кросса пытается. И тут как пукнет! Вернее даже не пукнул он, а громыхнул раскатисто на весь пустой вагон протяжно и зычно, будто бы в саксофон дунул.

- Ты был один? – весело выпрашивала Гейша.

- Да в том-то и дело, что нет. Рядышком пара девчонок сидела, губы правила, тоже из клубешника твоего возвращались, поди. Дедок так элегантно к ним поворачивается и говорит,

как в анекдоте: «нервы совсем никуда не годятся». Что тут началось! Эти профурсетки косметички свои на полвагона рассыпали, ржали так, что на четвереньки свалились. Так и прохотали они всю дорогу, по вагону ползая, а больше всех потешался нервный дедушка. Представляешь?

- Прикольно!

- Выхожу потом в рассветный город, а там – тишина, машин почти нет, воздух чистенький, солнце желтушное. Не проснулся еще наш термитник. Фонари горят бесполезные, метелью лицо царапает, снежок в рукава задувает. Только я миру порадовался, и тут – бац! Из подъезда на детскую площадку выпуливается мальчуган в трениках драных на коленках, валенки на нем высоченные и шапка-ушанка огромная, а больше ничего и нет. Носится по сугробам, снег зачерпывает и скулит как щенок одно слово: «мама».

- Ну и что?

- Как что? Представляешь, что там у них могло натвориться? На лице у него, как приклеенная, маска горя несусветного. Ребенок же. Может, она просто к соседке поднялась, а этот не вовремя проснулся и ринулся разыскивать, бедолага.

- И что?

- Да бабуля за ним вышла, в пальто закутала, успокоила, домой увела.

- Вот видишь, как все здорово, а ты драматизировал!

- А вдруг заболела мама? И не будет ее больше у него никогда?

- Да ну тебя, сам же говорил, к соседке поднялась.

- Да. Скорей всего, к соседке, - соглашался Егор и мрачно вато задумывался.

Потом тряс головой, как пес после купания, отгонял неприятные мысли и продолжал:

- А еще я сколлекционировал красавицу в разных кроссовках, тормозного гардеробщика, скорбный дуэт, танцующих в луже бомжа и бомжиху, бабку с балалайкой у магазина, батюшку на перекуре, мента, избивающего колонны в метро, юного вуайериста на пляже, троллейбусного диджея и нашу вахтершу, Красную шапочку.

- Гигант! - хвалила Гейша, втискиваясь на подушку под его рукой, закутывала тела в прохладный кокон из одеяла и пледа, расчесывала острыми ноготками егоровы брови, тормошила затылок, подтыкала края пледа им под бока, и настраивалась слушать.

- Девушкина красота поразила меня в самое сердце, даже забыл, куда ехал, - многозначительно начинал Егор, - такая фемина составит честь любому мужчине. С ней и в кровати пова-

ляться приятно, и на светском рауте посветить. Не то, что с некоторыми.

- Гадина! Что случилось-то с ней?

- Случилось, наверное. Стоит на остановке такая красота неземная, идеально одетая, в безупречной прическе, а глаза у нее измученные. Смотрит на домогающихся общественного транспорта старух, и не видит никого. На левой ноге - коротенький белый кроссовок, на правой - высокий оранжевый. И наплевать ей абсолютно на хихиканье кургузых теток, знает прекрасно, что обулась неправильно, но не это ее занимает. Переживала она, понимаешь? Что-то скверное переживала.

- А потом?

- А потом я поперся на пляж перед лекциями и увидел там счастливого человека.

- Нет, подожди, а с красавицей-то что случилось?

- Осталась на остановке.

- И все?

- Тебе мало? Может быть с ней, наоборот, чего-то не случилось. А может, тяготило ее как раз то, что не случалось с ней чего-то важного никогда?

- Нервная дура какая-то.

- Зато ты у меня очень выдержанная, - раздражался Егор.

- Ну ладно, а на пляже чего? – увертывалась от скандала Гейша.

- Все происходило вокруг женской выжималки, – ляпал Егор и смеялся, – лучше говорить переодевалки, как ты считаешь?

- Кабинки для переодеваний, балда! – весело поправляла Гейша.

- Точно! Спасибо, коллега! Итак. Улегся я, жарюсь, и чувствую краем глаза...

- Глазами не чувствуют, они для того, чтобы видеть!

- Некоторые шибко уж очень образованные филологи скоро в свою любимую общагу поедут, если опять перебивать будут!

- Молчу, молчу.

- Итак. Чувствую, что на периферии обзора что-то происходит. Присматриваюсь. А вокруг кабинки пацан лет тринадцати трется, дохлый такой, в идиотских семейниках. В стенке кабинки какой-то урод, понимаешь ли, дырищу приличную проковырял, а этот, значит, подзыривает. Такого упоительного восторга и брызжущей радости на лицах людей я давно не видал. Ну, правильно, в койку к тебе ему рановато, в клубы тоже не пускают. Где же он тебя еще увидит голой?

- Дурак!

- Дурак. В смысле он – дурак. А я вот не сразу понял, что это клиника.

– Его хоть застучали?

– Стучали его девки, стучали в прямом смысле слова. Один парень за ним по всему пляжу носился. Только отгонят, а этот опять за свое. И опять восторг на лице, и опять блаженство. Между прочим, наслаждение он не только лицом выражал. Есть в организме у мальчиков такая предательская штуковина, которую очень хорошо заметно, когда они испытывают удовольствие определенного свойства. Так вот, у него она была взведена на «три пятнадцать». В финале, прошу прощения, все увидели как выглядит «брызжащая радость». Лучше, наверное, говорить «брызги шампанского».

– Какая разница как говорить? Его же лечить надо! Он же насиловать пойдет! – В голосе Гейши звучало негодование. – Кто-нибудь из вас хоть додумался дурку вызвать?

– Нет, – растерялся Егор, – все просто порадовались, что ушел.

– Рано порадовались. Подрастет немного и начнет безобразничать, гад.

– А ты ведь права. Я даже не подумал.

– Глупый, – оттаивала Гейша, ласково хлопывая маленькой ладонью по егорову лбу. – Совсем глупый!

Подушечки ее пальцев приятно касались век, неторопливо изучая географию лица, и они целовались.

- Надо бросать курить, - разглядывал в темноте готические пепельные огоньки сигареток Егор, - только мы с тобой безвольные, ничего у нас в этом смысле не выйдет. Вот ведь какую прилипчивую заразу человечество себе выдумало. И не радуется курению, и не помогает ничем, а фиг отлипнешь. Что уж о нас, убогоньких, говорить, если даже священники покуривают. Представляешь, шел мимо церкви, а в гаражах служитель культа перекуривал. Прямо как школьник за школой, сигарету кулачком маскировал, дым ладошками развеивал, по сторонам все время озирался, чтоб не засекли. Затянется и крестится побыстрому. Всегда удивлялся этой их способности креститься размашисто, будто комаров отгоняя. Бороденка, космы, униформа черная, все как полагается, только глаза у него были нестандартно озорные, не такие как у них у всех, проказливые были глазки и веселые.

- Когда ты все это успел заметить? Там же идти два шага.

- Покурить остановился, - виновато улыбнулся Егор, - и, по-моему, не зря. Еще кое-что занятное подглядел. Выходит из храма дуэт, мама с сыночком скорее всего, очень уж похожие. Лица скорбные, фигуры сторбленные, типичные прихожане. Ей лет за шестьдесят, ему за сорок примерно. Аккуратненькие такие шли, покорные. А когда мимо проходили, услышал, о чем говорят.

Они ругались! Можешь себе представить? Ядовито, матерно, тихо уничтожали друг друга.

- Давай не будем ссориться больше, - шептала Гейша.

- Давай. Будем только петь и смеяться как дети. Ладно? Нет, лучше будем плясать как бомжи у супермаркета. Вот счастливый народец!

- В магазин-то тебя зачем понесло, деньги что ли появились?

- От дождя прятался.

- И что за бомжи?

- Хорошие бомжики, влюбленные. Счастье - субстанция непредсказуемая, может возникнуть в самых неожиданных местах и у самых неординарных людей. Расцветет оно вдруг на какой-нибудь невероятной кашке и порадует всех вокруг, улыбки по нашим кислым физиономиям развесив. Плюгавые они, конечно, были, мокрые, пьяненькие. Ухватились за ручки вдвоем, и давай танцпол в лужах устраивать под аккомпанемент радио из магазинной колонки у входа. Счастливики. Знаешь, как им было хорошо!

- Догадываюсь. А мы с тобой влюбленные?

- Похоже на то. Предлагаешь пойти в луже поплясать?

- Да нет, - тихонько смеялась Гейша, - мне для счастья дождика не надо, у тебя под одеялом гораздо теплей, да и натанцевалась я уже сегодня. У меня сейчас счастье. Расскажи еще.

- Про кого?

- Про балалайку у тебя что-то там было.

Или про милиционера.

- Про балалайку сначала, потому что она там же, у супермаркета, сидела.

- Кто?

- Бабулька с балалайкой.

- Так бы и говорил, а то получается, что балалайка у тебя сидела.

- Опять дразнишься? А я тебя прощаю. Видишь, какой я великодушный!

- Пока не дослушаю, в общагу не поеду, можешь не надеяться.

- Тогда слушай. Бабку эту я и раньше замечал, но так близко лишь в этот раз увидел. Лет восемьдесят, наверняка. Удивительная старуха, тельце дряхлое, глазки слепенькие, а мозги ясные. Так остроумно пьяные пляски комментировала, что вокруг нее куча народа собралась и денег ей в коробочку тут же накидали. Эти пляшут, а она, в качестве озвучки, частушки с соленым словцом запузыривает. Блеск! Продавщица комуто в очереди рассказывала, что приходит бабуля перед квартплатой, высидит за пару дней копеечку на коммунальные счета и больше не появляется. Представляешь, какая молодец бабушка, не просто милостыньку кланчит, а как бы искусством зарабатывает! Говорят, дети ее померли, а внукам не до нее. Только в День победы в орде-

нах приходит и без балалайки. Спасенная родина почитает своих героев исключительно в массе, не конкретно. Война забывается быстро. Отдельно взятые слабеющие герои-победители спасаются от жестокостей нового поколения каждый самостоятельно. Их побеждает время. Понимаешь?

- Да. Жалко ее, все уже поумирали, а она все живет. Ты мне лучше расскажи, каким таким образом в милицию попал.

- И не попадал вовсе. Просто ждал Серегу в метро и смотрел, как по станции прохаживается мент с новенькой дубинкой. Подождет, пока схлынет поток народный, и с размаху как треснет по колонне с удовольствием, с отяжечкой. Успокоится, мышцами под кителем поиграет, дождетя следующей электрички, пропустит поток, и опять бьет колонну. Разминался служитель порядка, видимо давненько никого не бил. Вот что у него в голове происходило, о чем он думал? Да и думал ли вообще? О душе, к примеру? Страшно жить в стране, где за порядком смотрят люди без головного мозга.

- Злой ты, Егорушка.

- Да уж, недобрый. Но, мне кажется, справедливый. Я же понимаю, что бывает он и умненьким, и нежным, и благородным, и великодушным. Но это где-то там наверху, в другой жизни. А здесь он - тупая машина для избиений,

мыслящая спинным мозгом. Страшно, Гешечка, жутковато даже.

- Жить вообще страшно. Природа так устроена.

- Ага, природа зверей. Там вот, действительно, все друг дружку бьют и жрут постоянно. Вернее, пожирают слабеньких. А для этого процесса много ума не надо, инстинкта вполне достаточно. Но среди людей надо сдерживать себя, мы же не животные! Согласна?

- Надо подумать.

- Вот! Мысль отличает нас от зверушек, мысль и чувство. Противостояние животного и человеческого в людях – вот о чем призван поведать настоящий театр, как и любое другое искусство. Ярким, емким, интересным, потрясающим должен быть театр.

- При чем тут театр?

- Так я тебе о нем все это время рассказываю!

- Ясно! И люди в нем – актеры. Так?

- Так, так! Но только не такие, как в том шоу.

- Какой ты... – успевала пролепетать Гейша и засыпала, улыбаясь.

До рассвета Егор слушал тихое посапывание, вспоминая нерасказанные картинки. Смеялся над чудным поведением странноватой тети в пожизненном красном берете, прозванной сту-

дентами Красной шапочкой. Эта сквальга никак не желала выдавать ему ключ от аудитории и полчаса продержала у запертой двери целый поток вместе с деканом. Раньше она работала водителем троллейбуса, а теперь вот пополнила боевой отряд воинствующих вахтеров. А вы попробуйте просто так восемь часов просидеть на табурете у входа, скучно же. Но если насытить часы запрещенными, непусканием, назидательными текстами, комментариями внешнего вида и конфликтами разного уровня сложности, время пролетит незаметно.

Среда троллейбусных водителей выпускает иной раз на подмостки жизни уникальных персонажей. Чем-то похожий на Красную шапочку, но только небритый, управляющий единицей городского электротранспорта, везущей Егора на лекции, водила всю дорогу терзал микрофон, возмнив себя супердиджеем. Он не только объявлял остановки, но и рассказывал о местах пересадок, погодных прогнозах, грядущем повышении цен за проезд, критиковал не в меру расфуфыренных девушек, неумелых автолюбителей, бестолковых гаишников. И, не выключая, укладывал микрофон на динамик допотопного приемника, транслируя в салон безбожно хрипящие популярны хиты знаменитого уголовного радио.

В театральном гардеробе служил ровесник и полная противоположность экспрессивного во-

дидлы. Чопорно интеллигентный, аккуратно нарядный, до синевы выбритый мужчина средних лет никуда не торопился. Брал курточку, внимательно высматривал наличие петельки, нес ее к вешалке, долго изучал ряд крючков, как будто определяя, какого номера достойна эта одежда, снимал номерок, скрупулезно сличал его с числами над крючками, подвешивал куртку и, лирично вздыхая, шествовал с номерком в сторону зрителей. Совершенно закономерно в его сегменте гардероба скапливалась большая зрительская очередь.

Кажется, именно тогда, в гардеробе, Егор впервые попробовал примерить на себя чужие ритмы, пластику, манеры. Быстро вошел во вкус этих увлекательных упражнений, не понимая еще, что намертво отравился театром. Однажды чуть не получил по шее от пожилого горбуна, когда попробовал пройти за ним по улице изогнувшись и сторбившись. Горбуна такое поведение долговязого парня привело в бешенство, и он полквартала бежал за Егором, пытаясь ударить в прыжке.

О своих пластических экзерсисах Гейше не рассказывал, стеснялся. Почему-то было неловко сознаваться в мечтах о сцене, аплодисментах и популярности.

«Три минуты театрального поклона сто⁸ят месяцев сложной работы. Ради этого сто⁸ит жить!

– говорил себе Егор, – Вон какие у них счастливые лица в эти моменты. Люди, нашедшие призвание. Люди, делающие прекрасное дело. Люди, живущие осознанно. Не то, что миллионы остальных, существующих без сознания. А ты? Сможешь ведь, сможешь!» – продолжал размышления Егор, понимая, что еще никогда по-настоящему не выбирал путь. Жил как положено, функционировал как все, не жил полноценно, а банально обитал в этом мире, как принято у большинства. Разбуженная театром буйная головушка не хотела мириться с таким выводом и требовала выбора другого, пускай трудного, но обязательно благородного, достойного, даже священного пути.

13

Студенческий театр, куда поначалу завел его избранный путь, к подлинному актерству имел мало касательства. Играли там много, с упоением и жаром, но если уж быть объективным, в основном лишь играли в театр, имитируя общее дело ради общения.

Радующий сердце прелестной атмосферой братского единения, милый клуб одиноких, закомплексованных молодых людей и созревших к замужеству девушек использовал колоритный

театральный флер для развития коммуникативности, постижения межполовых основ мироздания и постоянных упражнений в человеческих отношениях. Он служил превосходным поводом к налаживанию новых знакомств, дружеских контактов, близких связей.

Какие затейливые закатывались капустники! Какие превосходные походы удавалось совершать! Как трогательно и значимо откровенничали! Скольких «молодюсек» наставили юные ветераны студенческой самодеятельности на путь истинный, жестко осуждая царящие в университете развратные непотребства!

Только вот мастерством актера практически не занимались, а если и брались за этюды, сразу начинали скучать. Тренинги и репетиции старались скорей завершить, перенести, отменить, чтоб заняться тем делом, ради которого, собственно говоря, и собирались – песнями, разговорами, прогулками, вечеринками. В общем, наедались качественным общением. В профессию оттуда выкарабкался только Егор.

14

Он ушел из университета, еще не став студентом театралки. Никто из близких и далеких не знал, каким непростым было это решение, но

иначе как пробовать поступать, он уже поступить не мог.

Больше всех уговаривал не дурить и досидеть два последних курса знайка-зазнайка Серега, перешедший на свободный режим обучения, как дурак с торбой носящийся со своей заредактированной до дыр книжкой, всеми доступными способами стараясь вернуть заблудшего в стойло. Устраивал, хитрюга, долгие душеспасительные беседы в деканате, клял на чем свет стоит театральную самоделку, упрашивал ее руководителя не давать Ланову ролей, собирал консилиумы собутыльничков, на которых красноречиво расписывал мрачные перспективы безрадостной егоркиной судьбы.

Убедить не понимающую серьезности момента легкомысленную Гейшу стать союзником в его благородном деле Сергей не сумел, как впрочем, и всех остальных несговорчивых собутыльничков. Егору выдали великодушное соизволение испытывать Фортуны и выбирать свой путь самостоятельно.

На вступительных испытаниях первого тура статный Егор чудовищно прочитал не твердо заученный кусок из «Онегина», две скучных басни Крылова, первую строку обидно прерванного вспотевшей комиссией любимого андреевского «Ангелочка» и был тут же триумфально допущен к конкурсу. Штаны на театре

ценны, особенно дефицитны брюки больших размеров. Фактура – дура. Две трети ролей мировой драматургии писаны на высоких мужчин, как раз на таких, которые редко заходят в театры, а еще реже идут в артисты.

Тем летом Егор отнес свой неожиданно легкий успех на сложном конкурсе к врожденной одаренности, искренне поблагодарил папку, порадовался верному направлению избранной стези, сделал комплимент собственному характеру, в последний раз пошлялся по клубам, и тщательно доучил «Онегина».

15

Стартовое собрание первокурсников принесло несколько судьбоносных впечатлений.

В лоснящемся от удовольствия и поблескивающим золотыми очечками декане актерского факультета Егор не сразу, но опознал (как все-таки молодит сцена!) мерзкого юношу-пупса из омерзительного театрального шоу. Молодцеватый, прилично питающийся, исполненный собственной значимости мужичок с высоким голосом и бабьим телом преподавал классический танец. Звали его Петр Васильевич, и фамилия соответствующая образу – Мешалкин. В отличие от зрительской, студенческую аудиторию, тут же

перекрещенный курсом, Петрушка не боялся. Он был в своем репертуаре. Конферировал собрание споро, уверенно рекомендовал педагогов, радостно перебивал выступающих, сбивая с мысли тупыми остротами.

– Добро пожаловать в новое поколение артистов театра драмы и кино! – остро выкрикивал каждое слово пританцовывающий ведущий. – Наш ВУЗ предоставляет к вашим потребностям просторные классы для занятий, светлые аудитории для лекций, большой спортивный зал для физического развития, а также долго не работавшие мужские и женские души! Мы эти души за лето отремонтировали, и вы этими душами можете воспользоваться!

Поток идиотского красноречия остановило появление запланировано опоздавшей профессора Рябушинской. Это была первая классическая театральная старуха из трех, повстречавшихся на его пути.

Заметил Евдокию Ивановну сначала только Егор. Она вошла тихо, встала за спинами хихикающих студентов, некоторое время лукаво наблюдала за фонтанирующим фигляром, усмехнулась в ответ на улыбку, пожала плечами, методично размяла от фильтра до краешка дешевую сигарету, раскрыла серебряную карманную пепельницу и закурила, кутаясь в клетчатую шаль.

Егор смотрел сверху на легкое сутулое тельце, чем-то напоминающее Гейшу. В кино и в спектаклях оно не казалось таким маленьким, почти подростковым. Лицо же, напротив, не выглядело таким морщинистым, прямо яблочко моченое. Никакой краски, только немного алой помады на узких губах. Никаких парикмахерских изысков, жиденькие седые волосы были гладко зачесаны назад и собраны в пучок; с экрана они не казались такими белыми.

– Смотри-смотри! Внимательно запоминай! Так на театре не работают, так только фокусы в балагане показывают. Понимаешь, о чем говорю?

– Да, – склонившись, шепнул ошарашенный Егор, польщенный таким доверительным вниманием к своей особе со стороны знаменитой актрисы.

Выдал ее табачный кашель. Петрушка моментально потускнел и при этом нервно разругивался. Он весь как будто одеревенел. Путаясь в званиях и должностях, скомкано представил собравшимся хозяйку школы и, оправдавшись неимоверной занятостью, запинаясь о собственные ноги, выскользнул за дверь. Рябушинская погасила окурок первой сигареты, закурила вторую, откашлялась, сотрясая стены голосовыми низами, присела на край стула и таким знакомым бархатным голосом произнесла:

- Опять понабрали бабья! Ну, да ладно. Про души вам уже все подробно рассказали. Советую пользоваться ими аккуратно, особенно женскими. Сейчас уже пойдете напиваться-знакомиться, не волнуйтесь, еще совсем чуть-чуть. Постарайтесь запомнить. Каждый год к нам в институт поступают, как минимум, один вор, один идиот и один хам. Некоторые доживают до выпуска. Мы их, естественно, пытаемся вычислить и выжать, но возможно это только при вашей помощи. Берегите свои ценности! Кстати говоря, и души тоже. Не потакайте этим троим, они ведь до театра доучиться могут. Постарайтесь сделать так, чтобы в театре их стало меньше. Понимаете, о чем говорю? И еще. Все вы из разных театров. Кто из традиционного, кто из авангардного, некоторые из столичного, многие из провинциального, большинство из хорошего, ну а кто-то из плохого. Дай вам бог научиться истинно вашему театру, слушайте себя и не доверяйте даже самым примелькавшимся рокам, типа моей, когда они станут навязывать ремесло вместо искусства, откровенное вранье вместо откровений, и наглость вместо смелости. Врать меньше надо! Понимаете, о чем?

16

События первых курсов промелькнули окошками встречного поезда. Егор не ожидал такой бешеной интенсивности учебного процесса, из которого свободное время исключалось напроочь. Он едва успевал приготовить этюды, выбрать отрывки, прочесть хоть часть необходимой литературы, заучить стихи для занятий по речи, вызубрить сложносочиненный ритмический рисунок в ногах для танца и движения, даже просто вовремя прибежать к началу обозначенного в расписании очередного семинара, лекции или урока по мастерству. И это притом, что большая часть общеобразовательных дисциплин была у него зачтена.

Университетская занятость показалась курортом. Здорово помогли старые наблюдения. Тратить время на долгое вдумчивое изучение поведенческих проявлений людей в реальной среде он уже не мог, пользовался воспоминаниями. Единственный выходной день был не менее насыщен разнообразными необходимостями. К жаркому неудовольствию Гейши, он почти всегда проводил воскресенье в институте. Виделись крайне редко, отчего каждая встреча превращалась в событие. Он привык к ним готовиться так же обстоятельно, как и к урокам Рябушинской. Рассказывал теперь только о школе, слова «ин-

ститут» в определении места, где учиться, старался не употреблять.

- Что сегодня? - вкрадчиво спрашивала Гейша, обвиняя собой его тело.

- С Бабой Дусей животных к показу готовили. Корова у меня хорошо удается, а вот варан не прет абсолютно. Пока народная артистка, лауреат всех премий, завкафедрой, профессор-перепрофессор, юбку не подвернула и почти час со мной, бестолковым, по площадке в газетах не проползала, ничего путного не вышло. Надо ведь не только схватить все повадки и характер зверюги, надо еще сделать так, чтобы что-то с ней произошло. Мой варан просто газеты жевал, а у нее он жрать хотел безумно, вот и пробовал на вкус все, что в клетке лежит, давился, отплеывался, кашлял. Покормить его забыли, понимаешь? Вот и налупасился грязных газет, бедолага, да поперхнулся вовремя. Так бы, наверное, помер от заворота кишок. В пьесе у драматурга обычно всего три-четыре события, а у нас, в актерском деле, они - на каждой секунде. Разные повороты, бесконечное количество случайностей, препятствий, неожиданностей. На сцене от любого фактика нарушается нормальное течение жизни. Происходит факт - и все меняется, действие становится другим, самочувствие преобразуется. Возникает новое осознание, новые задачи и новые оценки. Действовать надо, а не пережи-

вать. Наталкиваться на факты, правдиво реагировать, а не наигрывать «как лошадь Преживальского». Теперь варан у нас получается! – подробно докладывал Егор.

– А потом?

– Потом на движение пошли. Петруша Мешалкин опять пенку прикольную отмочил. Помнишь, у нас на параллельном курсе Кондрат, не помню фамилии, учится? Ну, это тот, который телеграммы в ректорат посылал из каждого большого города, пока ехал к нам поступать с Дальнего Востока из армии. Петр Васильевич еще лично его на вокзале встречал, думал, что статусного человека принимает, а к нему из вагона дембель похмельный вывалился. Ха! Так вот, Кондрашка с курсом проквасил всю ночь, и к третьей паре, вместе с такими же забулдыгами, нарядился в лосинки, в белые балетки и чистенькую футболочку. Ай, какие молодцы! Танчиком решили позаниматься ребяташки. Стоят, покачиваются, мордуленции опухшие, запашок на весь зал соответственный. Петя взялся его отчитывать. «Вы пьете, Кондратий! Вы пьете! Я не допущу Вас до занятий в таком состоянии!» – верещал так, что в ушах чесалось. Кондрашка медленно поднял понурую голову, веки набухшие как Вий приоткрыл, и тихо, но очень убедительно говорит: «Я тебе сейчас, сука, как дам понять. А потом еще разок дам понять...» А кула-

чок у него с петькину голову. Мешалкин пулей метнулся к аккомпаниатору, хлопнул в ладоши и заорал истерично: «Так. Все. Идем по кругу. Начали. И, раз-два-три! И, раз-два-три! И, раз-два-три!» Акт воспитания не состоялся.

- Мешалкин ваш - трус, а Кондрат у вас - хам. Оба противные.

- Согласен. Только Кондратий скоро доучится и свалит. По движению, речи, танцу и мастерству у него, между прочим, сплошные пятерки. А придурок Петруша продолжит студентов увечить. На том же уроке две девочки опять повредились. Не видит он, хоть и зрение у него прекрасное, очки-то только для солидности носит. Не умеет он видеть. Вон сколько по школе ходит изломанного им народа, - кривые шеи, сломанные ноги, растянутые мышцы, выбитые пальцы. Цирк уродов! Баба Дуся давно на него зуб точит, выгнать пытается, но главный этого мерзавца прикрывает постоянно. Так я и не разобрался в этой их иерархии влияний в ректорате.

- Главный, это кто?

- Чирский, главный режиссер театра драмы. На кафедре всего-то доцентом служит, третий курс ведет, на котором, кроме как на показы, не появляется. А все к нему с диким пиететом относятся. Иногда к нам приходит отрывки разбирать. Хорошо разбирает. Но он диагностик. Воспитывать и учить не умеет, а, может быть, не

хочет. Дульсинея, как она выражается, основные секретики профессии нам выдает, метод втолковывает, навык вырабатывает, а этот определит проблему и отправляет лечиться самостоятельно. На его курсе Мешалкин всем заправляет, и видим мы на каждом экзамене пятнадцать микромешалкиных. Повезло мне с учителем. Она хоть и крута на расправу, но справедлива и до самозабвения любит нас, дилетантиков слабоумных, это видно. Уничтожит, размажет, расплющит за какую-нибудь провинность, до слез доведет взрослого парня, а потом и говорит: «Что же это ты пробиваешься? Тебе ж на театре работать, там у единомышленников зубки гораздо острее моих будут. Не пробивайся! Моя задача – разболтать вам нервы и укрепить психику». Как она заражает своей увлеченностью! Прекрасная актриса, педагог, мастер! Потрясающая старуха!

- А ты ведь влюбился, гадина!

- Да. Влюбился по уши. Но основа этой любви абсолютно бесполоая, я и маму так люблю, и друга бы так любил. Надо бы хорошенько продумать тему о неполовых основах настоящей любви на базе асексуальности. Или, может быть, на базе надсексуальности, или асексуальности? Хм. Досоображаю – расскажу.

- Мыслитель.

- Так что тебе, Отелла, ничего не грозит.

– Я подумаю, Дездимон, – смеялась Гейша, ласково приглаживая подушечками пальцев пушистые егоровы запястья.

– А у тебя что происходит?

– Ничего интересного, ночами танцую, днем учусь.

Егор так и не простил себе слепоты тех трех лет. Как же так получилось, что он, такой мудрый, внимательный, глазастый, ничего не знал о Гейше? Даже настоящего имени, даже элементарных координат. Коллекционировал тысячи повадок, характеров и судеб совершенно чужих людей, а близкого человека не разглядел. Куриная слепота куриных мозгов.

Последний их вечер начинался как обычно. Дождаясь ее из клуба, он готовил самые отборные рассказы прошедшей недели. Щедрый урожай впечатлений никак не укладывался в короткий остаток ночи. Основной рассказ решил придержать, многое надо было еще осознать.

17

Он впервые мощно опоздал на урок к Дульсине. Что-то там напутала в расписании учебная часть, потом исправилась, оповестила курс, но до Егора эту информацию однокурсники не донесли. Видимо, сознательно. Вся

школа почитала его любимчиком Рябушинской. Кислая вонь примитивной интриги впервые наполнила пространство его чистенькой судьбы.

Баба Дуся с утра репетировала отрывки, а когда в дверь аудитории после обеда заглянул удивленный Егор, остановила урок, собрала ухмыляющихся студентов, затянулась свежей «Явкой» и начала экзекуцию:

– Вот и Ланов пришел. Весь изъёбся! В смысле, уработался, наверное. Коллега! Посмотрите, как независим и горд. Звезда курса! Говно ты еще пионерское, молодой человек, а не коллеги. Во все твои отрывки вводим других исполнителей! От моих уроков теперь свободен. Можешь дальше гулять!

Ноги Егора подломились, он не нашелся, что ответить, плюхнулся в углу, и до вечера мучительно смотрел, как его роли начинают репетировать другие. Жуть. Налаживая независимый стиль отношений с профессией, выразившийся в диалогах на равных с хорошими мастерами как с коллегами, безумно гордясь этой своей выдумкой, постоянно ее выпячивая, он совершенно забыл не то что бы о дружеских, но даже о приятельских связях с однокашниками. Благородную независимость сочли высокомерием. Вот и поплатился.

Разобрав последний отрывок, за все время ни разу не поглядевшая в его сторону, Баба Дуся

отпустила курс, развернулась, и резко скомандовала:

– Ладно уж, иди сюда, мягкий рельс!

Егор несмело двинулся в ее сторону, готовый к чему угодно, даже к оплеухе. Тихо сел рядом и долго дожидался окончания напряженного размышления великого мастера, бабушки русской сцены, профессора и лауреата, Евдокии Рябушинской, о нем, ничтожном и глупом студентике.

– Хорошо, что не ушел. Завтра вернешься в свои отрывки. Все я поняла, – неторопливо озвучивала мысли Дульсинея, помаргивая слезящимися глазками. – Прости ты меня, идиотку престарелую! За тебя не боюсь, выживешь в театре, скорей всего в режиссера вырастешь. Только головными ходами не увлекайся, пока актером работаешь. Мягкий увещатель – редкий режиссерский тип, но очень продуктивный. Актер-соглашатель, гуманный дипломат, примиряющий воюющих лидеров, – такая вот она пока, твоя дорога. О преподавании подумай, тебе пойдет. Театральный мастер и театральный учитель – независимые профессии. Об этом тоже подумай, если в театре не сложится. За курсик наш беспокоюсь. Кого же это я навоспитывала? Заметил, с каким ликованием они тебя топтали? Ни один не отказался. Гаденыши.

Утром он с блеском отработал отрывки, а вместо того, чтоб рвануть домой в обеденное время, и как всегда записать все это хозяйство, остался в институте заново знакомиться с курсом.

Зря беспокоилась Евдокия Ивановна, гаде-ныши оказались симпатичными наивными детьми, разве что иногда немного жестокими, как все дети. Ему тут же поведали страшную тайну учебного корпуса, в котором до революции располагался публичный дом. Гуляла эта легенда по впечатлительным студенческим головам с самого первого курса. Дом терпимости содержал отвратительный горбатый карлик, методично изби-вающий и отнимающий деньги у несчастных честных проституток. И вот однажды все они собрались и зарезали карлика. Двести лет назад это было, но по-прежнему каждую ночь жуткий кар-лик обходит все закоулки особняка, перестроен-ного в учебный театр с десятком аудиторий, разыскивая своих убийц, а из горба у него торчит нож. Почти все девчонки его видели, а одной он даже на грудь уселся, душисть пытался, пока она спала.

Для Егора стало открытием то, что ребята часто ночуют в аудиториях. Оказывается, перед сессиями ректор даже издает официальный приказ о позволении ночных репетиций, в остальное время помогают великодушные вахтерши. Вечером он решил заночевать в школе.

Нарепетировались в ту ночь до изжоги, на-
рассказывали друг другу массу занимательных
историй, по-щелячьи набесились и напились
всем коллективом из одной бутылки водки. «Ла-
бораторные ночи надо вводить в постоянную
практику» – решил Егор.

Ему взалхлеб и в красках рассказали, откуда
у Бабы Рябы взялся синий фингал под глазом, ко-
торый она и не пыталась маскировать, а только
смешила собеседников булгаковской фразой «Вот
до чего эти трамваи доводят!» и комично грозила
пальчиком небу. В трамвае она отважно подра-
лась с толстой молодой цыганкой, отбивая у той
подсевшую на гадание юную дурочку.

Глубоко за полночь народ начал разбре-
даться. Причем, не парочками по укромным уг-
лам, а по домам и в общагу. Парни, сговорив-
шись, каким маршрутом проводят девочек,
чмокнули остающихся, пожали руку Егору и ти-
хой ватагой отправились будить вахтершу. Во-
преки расхожему мнению о чрезвычайно свобод-
ных нравах как естественном элементе творче-
ского ВУЗа, родная театральная школа оказалась
вдруг неожиданно целомудренна. Высокая нрав-
ственность раскрепощенных натур.

«Университетские девахи давно бы уже
растасили самцов по койкам, а может быть и
легкую оргию нам устроили» – удивлялся Егор,

похрустывая в кармане целлулоидной упаковочной презервативов.

Аудитория, в которой проходят уроки по актерскому мастерству, недостатка в оригинальных постельных принадлежностях не испытывает. Егор соорудил себе царское ложе на реквизиторском диване с высоченной резной спинкой, выдвинув его в центр репетиционной площадки, развернув тылом к входной двери и накинув сверху черной бархатной кулисой. Угостил перед сном сигаретами устроившихся ночевать в соседней маленькой комнате, служившей костюмерной, трех зевающих однокурсниц, пообещал им хорошо запереться, и с наслаждением нырнул в диван.

Разбудил его непонятный звук. Поначалу предположил, что это вахтерские шаги так гулко разносятся по пустым коридорам. «Нашла время для обхода, три часа всего! – внутренне ворчал Егор и ворочал не успевшими разместиться на полочках мозга недавними впечатлениями, – Спала бы себе у своих обогревателей под лестницей и не будила приличных людей. Ходит она, шаги Командора наигрывает...»

Выглянув из-под импровизированного балдахина, он повел ухом в сторону коридора, оглядел подкрашенный бликами лунного ультрафиолета, красиво разбросанный по классу рек-

визит, улыбнулся кусочку луны за окошком и с хрустом потянулся, окончательно проснувшись.

Шаги приближались. Они замедлились у двери, некоторое время стояла гробовая тишина, а потом продолжились (кошмар!) уже внутри аудитории. Егор прекрасно помнил, как запер дверь и оставил ключ в замочной скважине. По спине поползла холодная змейка ужаса. Карлик!

Кто-то осторожно подошел к съезжившемуся Егору и, нарушая физические законы, склонился над ним сквозь диванную спинку, как будто ее и не было. Карлик! Стены класса отражали явный звук надсадного хрипловатого дыхания, в воздухе потянуло смрадом. Егора бесцеремонно разглядывали и никакие кулисы этому неприятному рассматриванию не мешали. Он почувствовал себя беспомощным, нелепым и голым, как на медосмотре в военкомате. Сразу припомнилось хорошо испытанное в детском саду средство от ночных страхов. Свернулся как кошка в клубок и сунул голову под подушку, крепко ухватившись кулаками за края лежащих на нем тряпок. Спрятался, мальчик. Через минуту мистический наблюдатель двинулся обратно к двери, также беспрепятственно ее миновал, постоял чуток в коридоре и медленно утопал куда-то вглубь особняка.

18

Этот прелестный эзотерический бред, дополненный жутковатыми нюансами и непременно в подобных повествованиях иронией, должен был стать стержневым номером очередного вечера с Гейшей. Но она выстроила программу их финального шоу иначе. С порога попросила ничего ей сегодня не рассказывать, отказалась переодеваться в домашнее, выставила коньяк на кухонный стол и огорошила:

- Я сегодня убрала твоего ребенка!

- Какого ребенка? Как убрала? - не понял Егор.

- В абортарии сегодня из меня выскребли твой плевочек!

- Ты что, была беременна?

- Да конечно же беременна, дурак, что тут непонятного? Жениться же отказался!

Егор рассвирепел. Он никак не мог припомнить разговора о женитьбе. Не было его, не было! Возможно где-то бегло, шутя и дурачась, он орал, что ему на роду написано быть холостяком, но в самом-то деле уже всерьез задумывался об их семейном будущем, которого без детеныша не представлял.

Уродский сериал какой-то получался, а он - в роли положительного жениха, обманутого коварной потаскухой. Неумело матерясь, Егор

швырял в смеющееся гейшино лицо оскорбления, отвечая на издевательские описания его длинных ног и короткого члена. Ругательства искал самые уничтожительные, какие только знал. Мысли варились в кипящей желчи. Он бы ударил ее, если б умел.

- Что ты потеешь? Через неделю можно, если у тебя, конечно, получится, другого сделать. Но только при условии, что будешь себя хорошо вести! – гаденько потешалась Гейша, холодно покальывая ненавидящими глазами.

- А потом ты пойдешь выскрести мой плевочек?

- И пойду! Тебя спрашивать не стану!

- Мне кажется, что в этих вопросах решение принадлежит двум. Да и не может оно быть связано с абортom. Уходи, пожалуйста.

К резко успокоившемуся и напитанному теперь неуместным равнодушием Егору возвращались мыслительные способности, голос был уверен и тверд.

- Ха! Опять в общагу провожать начал!

- Да нет. Ты туда сегодня одна пойдешь. И не появляйся у меня в жизни больше, пожалуйста. Понятно, о чем говорю?

Еще месяц потом Гейша пыталась вернуться к общению, приходила на все показы, ждала у подъезда, звонила на вахту и домой, передавала записки. Егор молчал, а когда сталки-

вался с ней лицом к лицу, попросту разворачивался и быстро уходил.

Неизвестно с чего решил, что не родился у него сын, мучительно придумывал ему имя, остановился на Егоре Егоровиче, что и начал записывать в церковные списки поминаний. Спи спокойно, плевочек!

Как бы поздно не заканчивались лабораторные встречи, ночевать в одиночку Егор больше не рисковал, всегда старался добраться домой, а если уж совсем обессиливал, спать решался только вповалку с оставшимися пацанами.

19

Время лечит любые напасти, что хорошо известно всем более-менее пострадавшим по жизни. В молодости оно излечивает быстрее. Об этом Егор читал, слышал, предполагал. Теперь осознал преувеличенную поверхностность расхожих утверждений о его целительных свойствах. Не лечит время, откладывает боль на потом, на старость. Потому-то у стариков такие побитые глаза. Долше жил – больше боли.

Курс полюбил его в два семестра. Егор Ланов стал безусловным любимчиком школы, то есть не только педагогов, но и студентов. Помогли этой редкости разрыв с Гейшей, смерть

плевочка и мамина смерть. Да, так просто, обычная мамина смерть.

Он напоминал себе главного героя анекдота про студента театралки, получившего телеграмму о похоронах прямо перед экзаменом по речи. Студент этот сначала на все лады и тональности повторял: «речь – речушка – речушечка», расстраивался: «что-то не звучу сегодня», а когда раскрыл телеграмму, затараторил новый текст: «дедушка умер – дедушка умер – дедушка умер», и опять расстроился: «что-то не звучу я сегодня».

Хоронили маму между лекцией по истории ИЗО и репетицией Гамлета. Занятия по танцу пришлось пропустить. Здорово поддержали, да чего уж там, практически все организовали и сделали, хорошие дальние родственники с незнакомыми лицами, унаследовавшие мамину квартиру.

Расстраивался, естественно. Вину неизбывную чувствовал. Вечерами детально восстанавливал все разговоры последних лет, все свои раздражения и все невыполненные обещания. Будто заготавливал болезненные переживания на будущее. Размеренно готовился к боли, а не испытывал ее.

20

Он входил во вкус роли одаренного лоботряса, пропускал не слишком значимые лекции и уроки, высвобождая, таким образом, время для занятий мастерством. Как же вовремя он осознал эту небольшую премудрость школы, прекратив хвататься сразу и за все! Юноша выросал в актера, не в нудного головастика или рассудочного карьериста, а в полноценно живущего, в очень непростого, эмоционально осмысляющего действительность, самозабвенно разгильдяйствующего в разумных пределах, трепетного и экспрессивного, впечатлительного и нервного, яркого, необычного человека.

Не выходит из хороших студентов приличных артистов. Не выходит почти никогда. Отлично освоивший институтскую программу, увешанный пятерками по философии, истории, литературе, иностранному языку и еще десятку обязательных дисциплин, обласканный повышенными стипендиями, проторчавший кучу часов в президиумах институтских собраний, объездивший по студенческому обмену массу заграниц с представительскими визитами, увенчанный красным дипломом, по всем статьям хороший ученик редко становится хорошим актером. В общепринятом понимании, только таким и уготована блистательная карьера на подмостках.

Ан, нет. В лучшем случае из них получаются «мешалкины».

Мастерами и любимцами публики становятся другие, неправильные, то есть те, кто вне норм. Не бесноватые гении, существующие отдельно от мира (у этих совсем уж оригинальный путь), а ясные, слегка вненормальные творцы, необычные даже для близкого круга. У каждого из них своя придурь и запрятанная в потемки души неприглядная тайна. Странно, но именно такими потемками питается очищающий свет. Гармония рождается из безобразного. Фекальные почвы питают цветы откровений. Егор старательно ковырялся в своем характере, усердно раскапывая пунктики гения, подтверждающие принадлежность к прослойке властителей дум, однако ничего подобного пока не находил.

На танец ходить он прекратил абсолютно, и даже был изгнан с репетиции госэкзамена за систематические пропуски. Расположился в первом ряду и принялся с интересом рассматривать ортопедическую хореографию в исполнении курса, состоящую из двадцати танцев разных времен и народов.

Цивилизация изрядно изгаживает человеческие тела. Лесенка тщедушных разноврослых ребят века цифровых технологий не имела даже близкого отношения к античному танцу, открывающему программу. Пародия на сиртаки сосед-

ствовала с комическим полонезом, парализованная средневековая павана сменялась пьяными русскими плясками, индийский эротический изврат шел рядом с целомудренным канканом.

Завершался умопомрачительный балет инвалидов сборной командой мальчиков всех выпускных курсов, действительно напоминающих российскую сборную по футболу, со свирепой спортивной грацией наярывающую армянский танец. Всерьез такое зрителю показывать нельзя. Надо было что-то предпринимать. Что же тут еще поделывать, кроме как постараться довести глупость до абсурда?

Егор быстренько сбегал в гримерку, сыскал там две коробки грима с гуммозом и после перерыва на сцену в прогон вышли истинные мужчины, гордые смуглолицые орлы с непомерными армянскими носами! Несколько невысоких мальчишек, втиснутые в ряд длинномерных коллег, выглядели как турки в армянском плену.

Ряба хохотала до упада! В буквальном смысле она осела от смеха на колени и потом долго восстанавливала строгое выражение лица. Грим, под аплодисменты счастливых исполнителей, отменили вместе с танцем.

Новые претендентки на серьезные отношения в его постели не залеживались. Уходящая Гейша, поганка, ловко посеяла на почве переполненных возвышенными устремлениями слабень-

ких мозгов ядовитые семена комплекса сексуальной неполноценности. Как безусый юнец он подолгу возился с линейкой, измеряя и в самом деле невеликий пенис. Мысленно ругался с отцом, наградившим сыночка таким позорным достоинством. Серьезно изучал прайс-листы густо разросшихся в интернете шарлатанских медицинских фирм; жулики в белых халатах гарантировали чудесное увеличение размера в зависимости от размеров кошелька. Слава Богу, что величина его финансового состояния была такой же скромной, и он не повелся на заманчивые предложения наглых переделывателей тел, поняв, наконец, что сам упрямо избегает повторных встреч с несколькими не обиженными ночью, а даже восторженными партнершами.

Егор продолжал любить Гейшу и терпеливо ждал продолжения. Соковыжималка выпускного семестра как нельзя лучше способствовала благотворному воздержанию.

Когда, замученный бессонной ночью, проведенной за скрупулезным анализом шекспировского текста, беспомощно пялясь поочередно то на репродукцию Сикстинской мадонны, то на фотку Сикстинской капеллы, Егор завалил экзамен по истории изобразительного искусства, бесталанно перепутав Рафаэля с Микеланджело, его начали дразнить хреновым искусствоведам, не умеющим отличить женщину от архитектуры.

Выступление на экзамене по вокалу остановила люто вознегодовавшая на него, непреклонно вставшая на защиту великого Чайковского, маленькая вокалистка из филармонии. Хотя вполне сносно и даже чистенько Егор начал мурлыкать романс «Растворил я окно», заученный еще в первом семестре первого курса.

Коварная Пахмутова не то что бы прямо передрала созвучия, запихнув их в свою «Беловежскую пуцу», но написала мелодию популярной песни уж больно похожей на романс гения русского симфонизма. Аккомпаниатор Миша в репетициях постоянно направлял съезжающего к советскому шлягеру Егора на правильный романсовый путь с помощью слов «пуца» или «окно». Надо было уловить малюсенькие отличия созвучий. Задача для вокалирующего оболтуса с неокрепшим слухом и недоразвитым аппаратом слишком серьезная.

Под этот номер в костюмерке был найден великолепный фрак с настоящей манишкой. Глаз не отвести, какая красота! Экзамен назвали «Поют драматические актеры». Помолчать бы им бы лучше, но до чего красивы, черти.

Импозантный Егор стоял у рояля и чувствовал, что поет уже и не «Пуцу», и не «Окно», а нечто третье, никем до него еще не исполнявшееся. Правая рука решила жить самостоятельно, она почему-то опустилась под рояльную крышку,

нащупала струны и принялась их судорожно дергать. И без того оригинальная структура авангардного произведения дополнилась веселенькими нотками «трень-брень». Филармоничка этого уже не вынесла. Трень-брень во фраке позорно отправился за дверь, переоделся в полосатый пиджак, напялил канотье, приклеил пошлые усишки, и через два номера вышел работать опереточный дуэт. Пел он громко, но противно.

В зачетку по сольному пению ему поставили «отлично». На обсуждении филармоническая гостья много хвалила молодого человека из дуэта и ругала мальчика с Чайковским, так и не поняв, что это один и тот же актер. Вот как громко поют красивые драматические артисты.

Провал прекрасно срепетированного, целый год трепетно рождаемого с Бабой Рябой обширного куска из «Гамлета», показанного в аудитории как заявка на постановку дипломного спектакля, сразил наповал и оказался трагичней (боже мой!) маминой смерти.

Мудрая Рябушинская в последний момент заменила недалекую партнершу и новая сцена с Офелией, сохранив мизансценический рисунок, перестала быть тягостной провинциальной драмой, приобретя подлинные трагедийные черты. Ах, как важен актеру партнер! Егор мучительно отрывал от своих плеч магнетические руки новой Офелии, отгоняя любимую от себя, утопающего в

водовороте мщения; пытался, таким образом, ее спасти.

Монолог получался всегда. На последних прогонах Ряба стала пускать особо назойливых однокурсников, с тем, чтобы работать не в пустой зал, и не стеснялась на комплименты, разбирая полеты. Обращала внимание на редчайшее для современного театра сочетание внутренних и внешних данных – фактура героя с нутром неврастеника.

А во время показа его напрочь вышибло из рабочего состояния. Пышущие жаром софиты вызвали незапланированный пот и высушили горло. Справляться с подобными напастями он уже умел, но принесенный ногами сорока зрителей грязный песок победить не смог. Дверь аудитории располагалась за задником и, чтобы попасть в зрительскую часть, люди шли через игровую площадку. Изрядное количество «половых» мизансцен обеспечило перенесение этой грязи с рук на лицо. Говорила же ему Баба Дуся: «отвыкай хвататься за грим». Песок уже хрустел на зубах, приходилось отплеиваться. Вместо высокой трагедии, как раз в монологе, вылезла дрянная истерика.

Быть или не быть? Конечно, нет! Егор не появлялся в школе три дня, твердо решив уходить. Наивный, ему тогда казалось, что от театра в себе можно так просто избавиться.

- Просыпайся, я тебе лекцию почитаю, - сказала, затягиваясь дежурной «Явкой», материализовавшаяся на краю его постели, непонятно каким образом появившаяся у него дома, профессор Рябушинская. Из кухонной двери в комнату заглядывало несколько рожниц довольных гадемышей. Ах, да. Вчера у него ночевал курс.

- Что, уходит наострился, гадина? А я на тебя спектакль придумала!

- Мне тяжело работать актером. Зачем же им быть, когда даже учиться трудно?

- Книжку «Война и мир» видел? Даже не спрашиваю, читал ли. В руках держал?

- Да. И читал.

- Много в ней слов?

- Да. Много.

- Бе, ме... Егорушка, ты меня не разочарывай. Я всегда уважительно относилась к твоим сообразительным способностям. Просыпайся уже поскорей. Представляешь, Лев Николаевич несколько раз ее от руки переписывал. Как понимаешь, не просто механически буковки копировал с бумажки на бумажку, а великую литературу созидал, целый мир отражал. Как думаешь, трудно ему было?

- Трудно.

- И тебе всегда будет нелегко. Дело у нас такое. И учиться придется всю жизнь. Будешь репетировать, рефлексирующий балбес? Народная

артистка России с хвостом задратым по библиотекам носится, материал на него ищет. А он разлегся в койке как Некрасов периода «Последних песен». Что молчишь, интеллигенция засратая?

- Буду, - смешливо выдохнул Егор.

- А вы чего там на кухне притаились, цуцки? Притихли они, ушки наострили, паршивцы! Отгружайте этого переживателя в душ, и мне какое-никакое креслице организуйте. Будем с вами первым курсом заниматься. Самое время, до выпуска немного осталось.

21

Успех артиста Ланова на учебной сцене был невероятным, со всеми сопутствующими атрибутами, - цветами, автографами, вырезыванием бритвочкой портрета из афиш, предложениями о распределении в хорошие театры, письмами от влюбленных школьниц, кражами подаренных цветов и подлыми проявлениями зависти неизвестных единомышленников.

Пару раз на спине пиджака он приносил домой сочный плевок, в моменты срочных переодеваний не находил важнейших элементов костюма или реквизит, аккуратно прибранные в мусорную корзину, однажды воспользовался извещкой вместо пудры во время грима, которую

кто-то заботливо пересыпал в знакомую коробочку. Глаза тогда, слава Богу, не пострадали, а вот лицо пришлось немного полечить. Как быстро вековые традиции театральных интриг и мелких пакостей поселяются в головах вчерашних возвышенных мечтателей о сцене!

Ему опять повезло, он воочию встретился и даже объяснился со своим таинственным недоброжелателем, многое поняв. Вредителем оказался друг, вернее тот парень, с которым Егор старался дружить.

Тоже успешный на курсе и такой же высокий, с резкими, слегка карикатурными чертами лица, некрасивый потомок знаменитой фамилии, Семен Чехов обладал редким амплуа. На сцене он был неврастеником. В закулисной жизни вел себя предупредительно, интересно, неконфликтно. Разве что иногда излишне жарко доказывал свою спорную правоту на репетициях и в разговорах о системе обучения. Сёма был хорошим партнером, развивался как отличный актер, но к третьему курсу заскучал и стал дожидаться диплома, пообещав Рябушинской, что ноги его в ихнем гадском театре не будет никогда.

На курсе разыгрывалась новая занимательная игрушка. Все ребята и даже некоторые девчонки примеривали на себя образ главного героя серии популярных анекдотов про купца Савву Тимофеевича. Из институтских углов постоянно

неслись колоритные фразки: «Подавай, детка, водочку», «По батюшке траур справляю», «Наряжайся пастушкой и ступай в кабинет», «Девочек сенных подавайте», «И мне масла в задницу на десять рублей», «Уважь ужо купца первой гильдии», «Ступай-ка, любезнейший, на конюшню, да прикажи лошадям овсу задать». Одну из этих фразочек благодушный Егор и выдал в адрес Семена, сразу получив сильный удар кулаком по лицу.

– Я тебе не слуга, сволочь! – забрызгивал желчной слюной белоснежный костюм для спектакля трясущийся от злости Чехов. – Я тебе всю рожу об асфальт изотру! Мало тебе известки было? Если наступишь кому-нибудь, убью!

– Так это ты тот самый хам, о котором нам говорила Ряба на первом собрании? – поинтересовался потрясенный Егор и, не успев прикрыться, опять получил удар.

– Заткнись, падла! Ненавижу! – давился бешенством Семен.

Егор и не думал бить в ответ, просто не умел этого делать. Пацифистами рождаются, и только в процессе бытия узнают, как безвольное, на первый взгляд, непротивление злу насилием называется у мыслящих людей. К обыкновенному малодушию и трусости этот сложный принцип человеческих взаимоотношений никакого отношения не имеет, хотя драчливые хамы всегда от-

носят его к мягкотелости и слабому характеру. Били Егора к тому времени всего два раза, этот оказался третьим.

22

Четырнадцатый день рождения он праздновал с опухшим лицом, легким головокружением и переломанной перегородкой носа. Праздник выпал на день пограничника.

Сотня пьянящих погранцов в зеленых фуражечных нимбах двигалась утром из парка, по широкому пешеходному мосту, забивая пряжками ремней всех повстречавшихся штатских мужиков. Женщин и детей галантно пропускали. Вытянувшийся подросток был принят ими за призывника-уклониста и получил хорошую порцию побоев. О каком противлении говорить, когда на мосту осталось лежать не менее десяти изувеченных крепких мужчин?

А на двадцать первом году жизни его ограбили и раздели у ночного киоска, треснув чем-то тяжелым по голове. Голый по пояс, босой, в одних джинсах, он смотрел удивленно с земли на стаю довольных подростков, примеряющих его вещи. Ни один из них наверняка еще и не пробовал бриться. Самый коренастый еще немного попил поперченного дылду, удовлетворенно рас-

смотрел дефицитную по тем временам белую водолазку и возликовал: «Девчонке своей подарю, надо только кровь отстирать».

23

Замазывая синяк толстым слоем грима, Егор думал про галерею своих обидчиков. Пришел к выводу, что не бывает плохих людей. Подличают, свинячат и безобразничают, в сущности, хорошие люди. Пограничники, протрезвев, вернулись к своим маленьким детям и порядочным семьям, стали заботливыми сыновьями, нерешительными влюбленными, простодушными работягами, примерными патриотами, усидчивыми студентами и верными друзьями. Лишь немногие остались убежденными подонками. Нежно ухаживающий малолетний грабитель, наверное, быстро добился благосклонности юной прелестницы, и у них случилась трепетная первая близость. Проявившись как животные, они не перестали быть людьми. Как и он, после той жуткой истории с кошкой.

24

Вдоволь наигравшись с бродячим котенком на пустынной веранде детского сада, семилетний Егор неожиданно выпустил из себя ужасающее

зверство. Забрался по ажурной стенке повыше, занес над вылизывающимся пушистым кошачьим детенышем тяжелый кирпич, поточнее примерился и разжал руки. Тот приглушенный звук смерти вспоминать не хотел никогда, но помнил всю жизнь.

Сначала разревелся, потом его стошнило, затем долго сидел у трупа котенка и гладил его, вслед за этим вытащил неподвижную тушку в песочницу, пробовал разбудить, поиграть, пытался вылечить, поставив градусник из палочки. Потом опять расплакался и убежал. Господи, прости!

25

В последний раз отыграв аншлагового Гоголя на дипломной декаде, как всегда со вкусом, по-премьерски раскланявшись перед беснующимся залом, он не пошел в шумную гримуборную, свалил цветы на декорацию и забился за разобранными планшетам в кармане сцены. Слушал водопадный грохот аплодисментов, ясно осознавая, что ничего подобного больше не испытает. Непомерное отчаяние и сухие слезы распирала виски. Как же так?

Раскопала его Баба Дуся Рябушинская, ни слова не говоря, уволокла в гримерку, поправила размазанные краски на лице (так и не научился

не лапать грим!) и выпихнула в не желающую прекращаться двадцатиминутную овацию. Кое-как дотащив домой тяжеленную цветочную вязанку, Егор сел на кухне, и до утра думал о собственной хлипкости.

«Вечный слабенький мальчик. Застенчивый юноша с атрофированным волевым началом, объясняющий элементарную трусость высокими нравственными идеалами. Не помогай тебе грандиозная сильная старуха, расклеился и разнюнился бы уже давно. Как теперь станешь выживать на театре, гаденьш? Там у тебя бабушки не будет! Сам теперь должен бороться с мерзостью, чистить отношения, выбрасывать дрянь из искусства. А силенок-то нет. Каждый из нас расцветет великолепно на хорошо унавоженной чистенькой почве в светлой теплой теплице под приглядом заботливого садовника. А ты попробуй повыращивать прекрасные цветы откровений в одиночку на отвратительной холодной помолке!»

Ему очень хотелось рассказать об этих переживаниях Гейше. Год с огромным хвостом уж прошел со времени их разрыва. Егор давно ее простил. Он чувствовал, что они обязательно встретятся и продолжат общение.

За следующий день обошел все знакомые клубы, поскольку номера телефона записать не удосужился, а спрашивать на вахте общежития

про маленькую девочку по прозвищу Гейша было неловко. Оказалось, что в клубах она давным-давно не работает, бывшие работодатели вспоминали о ней с трудом и никаких координат выдать не смогли. В последнем клубешнике на окраине города, в который они приезжали вместе всего лишь раз, а потом долго обзывали его сельской дискотекой, все и выяснилось.

– Помню, помню. Прекрасно помню твою рыжую подружку. Она еще от приваток и потрахушек все время отказывалась, дурочка, – каркала черноглазая сухая хозяйка заведения Дора по кличке Бандерлог. – Пристукнули твою Гешку, доплясалась, допрыгалась!

Егор подскочил, будто укушенный собеседницей, пробился к бару, проглотил коньяк и, продравшись сквозь танцпол, переполненный извивающимися телами людского молодняка, выбежал из клуба. Подробности он слышать не хотел. Важно было одно: общение с Гейшей непременно продолжится, но уже за гробом. Вот ведь как.

Актерское дело – вненормально. Вожденный священный путь зашвырнул в самый провинциальный на свете театр имени Остров-

ского. Еще несколько лет назад Егор даже и не помыслил бы о том, чтоб поселиться в таком задрипанном городке. Бытовая устроенность – не самая большая жертва, приносимая молодыми отчаянными искателями мировой гармонии к алтарю великого искусства. В жарком вагоне его посетил удушающий приступ ностальгии по дому. Ехать надо было всего-то ночь, но если бы поезд хоть разок остановился, он бы, наверное, выскочил без оглядки.

Радужно встречавшая на перроне бывшая ученица Рябушинской, главный режиссер театра, Инна Градова, предложила пройтись до гостиницы пешком. Они шли по широкой ночной улице с погашенными фонарями, весело беседовали о режиссерском птичьем языке, на котором Инна ведет репетиции, и болтали так увлеченно, что чуть было не попали под шипованную резину колес вывернувшей из-за угла телеги с навозом, которую волокла худенькая лошадка, не обратившая внимания на предписания светофора. За все время прогулки так и не повстречали ни одного автомобиля.

По обе стороны дороги, до самой линии сумеречного горизонта, расстилалась долина низкорослых избушек на курьих ножках с приусадебными участками, садами и огородами. Гоготала домашняя птица, хрюкали свиньи, лаяли псы. Добро пожаловать в прошлый век!

- А в какой стороне центральная улица? - спросил Егор, стараясь определить направление движения для завтрашней ознакомительной прогулки.

- Мы по ней идем. Это проспект Ленина, - иронично сообщила Градова.

- А где гостиница? - смешался Егор.

- Перекрестка через три. Смотри внимательно.

Проследив направление указующего режиссерского жеста, он разглядел в полумраке перекрывающую улицу как шлагбаум широкую панельную пятиэтажку с четырьмя сияющими неоновыми буквами «НИЦА» над правым верхним углом полосатого фасада. Вот это да.

- А почему «НИЦА»?

- Как шутят у нас в театре, «гости» еще в прошлом году уехали, только «ница» и осталась! Буковки перегорели, друг мой. Экономия на ремонте электричества очень элегантно краски городу добавляет, в центре у нас есть магазин, который днем называется «Галантерея», а по ночам зовется «Галант». Когда поселишься, можешь смело говорить друзьям, что живешь теперь в Ницце! Городишко, признаюсь тебе, аховый. Два кинотеатра, переделанных под магазины, ресторан в гостинице, кафе на вокзале, дворец культуры, он же ночной клуб, парк той же самой культуры и театр - вот все городские развлечения

ния. Зачем им театр драмы, не понимаю. Здание отличное, в девятнадцатом веке купцы построили, ярмарки у них тут проходили. Акустика великолепная, ярусы, бельэтаж, балкон, копия Большой театр, только маленький. Но городу он не нужен. По здешним меркам ползала – переншлаг.

– Как же театр зарабатывает?

– Гастроли, выезды... Фестивали какие-нибудь планируем. Я вообще-то хочу сделать именно фестивальный театр. Как только пришла сюда в прошлом сезоне, половину дерьма из репертуара выкинула. Семь детских названий и четыре взрослых за прошлый год сделали! Так что работой завалим, не беспокойся. А качество у спектаклей должно быть фестивальное, шикарное должно быть качество. Представляешь, препетировали спокойно, премьеры отыграли в тихом родном городке, а потом – в Авиньон какой-нибудь, в Москву или в ту же Ниццу. А? Здорово? – распаялась Инна Сергеевна.

– Здорово! – кивал Егор, и никак не мог вытряхнуть из головы ехидное словечко «режисрица», определяющее такой тип театральных деятельниц.

«Курица – не птица, баба – не режиссер. Но попробуй. Поварись сезон в этом странном драматическом супе. Опыт получишь неоценимый!» – вспоминал он слова Дульсинеи, вполуха слушая

вошедшую в раж, коренастую, крепко сконструированную Градову, норвящую при каждом новом описании сумасшедших перспектив, открывающихся перед махоньким, но хорошим театром, допрыгнуть до его уха.

По безлюдному городу эхо разносило ее ликующий крик:

- Режиссура у меня ставит только столичная!

Получалось, что столицы теперь находятся в Омске, Томске, Новосибирске, Тюмени и Екатеринбурге, поскольку оттуда приезжают постановщики.

У входа в гостиницу, притомившаяся перечислением будущих успехов, она рассказала о том, с чего, собственно говоря, и надо бы было начать, да лучше бы в те времена, когда еще только сватала выпускника в свой коллектив.

Чудесное театральное здание в прошлом году сторело подчистую, репетиции проходят в ДК, а премьеры играют на гастрольных выездах! Приехал. Ни дня не поработав на профессиональной сцене, Егор Сергеевич Ланов стал артистом погорелого театра (кавычки здесь неуместны).

Утреннее знакомство с пространством будущей жизни изумило. Весь город ушел на работу! В дальних концах симпатичных, правда, сильно замусоренных улиц виднелись редкие си-

луэты случайных прохожих. Создавалось впечатление, что он один гуляет среди гигантских кинематографических декораций к фильму по пьесе Островского.

На многих улочках центра фрагментами сохранились булыжные мостовые ушедших времен. Иногда проезжающий, непривычный глазам жителя мегаполиса, задержавшийся в веках гужевой транспорт прекрасно дополнял эти ассоциации. Не будь за спинами кирпичных и деревянных особнячков искусственной горной гряды из ободранных хрущовок, можно было бы смело снимать столь редкие в современном историческом кино продолжительные общие планы и городские панорамы девятнадцатого века.

Центром композиции плана градостроительного служил когда-то прекрасный собор. Он и сейчас находился на своем месте, только здорово видоизмененный. В нем расположился завод. В алтарную часть, будто автобус в трамвай, врезался ржавый жестяной ангар, а вокруг, как легковушки, были разбросаны недавно отстроенные разноцветные корпуса. Из обезглавленной колокольни метров на пятнадцать торчала отвратительная труба, выдыхающая в небо клубы мутного дыма. Картинка страшно напоминала крупное дорожно-транспортное происшествие. Ухищрения всех литературных символистов всех

народов и эпох могли благополучно отдохнуть! Такой символики не переплунуть.

На самом деле театр зарабатывал детской темой, проводя по три-четыре выезда разными составами в день. Первая вводная роль Ивана-царевича из бессмертной «Царевны-лягушки» была приготовлена в две репетиции. Егора вбросили в репертуар, как хоккейную шайбу. Очень ценятся штаны на театре. Уже через месяц он работал Емелю, Солдата, Иванушку-дурачка, Скомороха, пушкинского Гвидона и выдуманного современным автором пакостного персонажа по имени Бабайка.

Край театральной географии пригрел на задворках цивилизации пятнадцать пожилых неудачников с напряженными лицами и драматичными судьбами. Театр драм.

Вторую театральную старуху, еще одну свою театральную повивальную бабку, он увидел на афишах в день приезда. На рекламу театр не скупился. Город был плотно уклеен премьерными полиграфическими плакатами с изможденным женским ликом и вымученной улыбкой. Подпись сообщала: «н.а. РФ Елизавета Лозовая в роли Мурзавецкой».

Приехала Елизавета Сергеевна в эту дыру из благополучной Прибалтики, когда оттуда погнали русских вместе с их театрами, соблазнившись на быстрое получение квартиры, и уже не-

сколько лет проживала в гостиничном люксе. Высокая, властная, убийственно остроумная, побаллетному подтянутая и строгая, всегда безукоризненно одетая, элегантная прима сочетала в себе эти качества с какой-то невообразимой скорбной наивностью, бровями домиком и старушечьей укоризной во взгляде.

Когда на сборе труппы завравшаяся Градова, уже оповестившая о постановочных планах и радостном согласии нескольких известнейших мэтров режиссуры на выпуск спектаклей в богом забытом театрике, никак не могла закончить тираду о том, что, по мнению московских критиков, коллектив работает совсем не на городском уровне, и даже не на уровне губернского театра, и даже не на столичном уровне, Лозовая сдержанно, но зычно дополнила: «видимо, на межгалактическом!», вызвав смеховую истерику заскучавших коллег.

Всяк по-своему, через тернии и успехи, с помощью невезения и стакана, при содействии интриг и по собственному недомыслию, хорошие актеры доскитались до этого театра имени Драмы.

Отмеченная высоким званием, как называла ее Елизавета Сергеевна, «инородная артистка» Инга Липатова, хоть и оспаривала страстными конфликтами у Лозовой положение премьерши, постоянно просила поставить себя в

очередь на одну с ней роль, чувствуя за собой пресловутый русский грешок и боясь подвести коллектив в трудную минутку. Говорила, что пивком увлекается.

Профессорская дочка, обладатель прекрасной квартиры в Замоскворечье, год проработавшая в мимансе Большого театра, отфутболенная всеми труппами Москвы, выпускница престижной театральной школы, Маша Аникст, выученная не сходящими с киноэкранов популярными педагогами, играла много, дотошно, радостно, а, получив «заслуженную», почти забросила бесполезные ежегодные показы на московских подмостках.

Дружную семью бездомных театральных скитальцев и самозабвенных картежников Вишневских провинциальный тупик не тяготил. Папа, мама и юный сынок проводили свободные вечера и ночи за серьезной игрой в недавно обретенном общежитии квартирного типа. Общага стала их первым домом, почти настоящим родовым гнездом, не идущим ни в какое сравнение с коммуналками и гостиницами, через которые пришлось пройти.

Тамара Вишневская, при полном попустительстве мужа, не пропускала случая взгромоздить на себя молоденького дебютанта, удивлялась в этом смысле несговорчивости Егора, и прямо в лоб выпрашивала, а не голубой ли он.

Местный уроженец, очень одаренный и сильно пьющий Иван Жукаев, страдал своеобразной падучей болезнью. Надрвавшись до свиного визга, он традиционно вываливался из окон. Все-таки сберегает пьяных специально приставленный Ангел-хранитель, рискованные хмельные полеты ни разу не вывели заразительно обаятельного «Ваньку Жукова» из репертуара. «Бедному Ванюшке везде камушки», – резюмировала новое авиашоу Лозовая и разводила руками.

Дряхлое сценическое недоразумение по имени Анфиса Агафоновна, никогда не обучавшееся мастерству актера и абсолютно этим мастерством не владеющее, зато много игравшее в заводской агитбригаде, дождалось пенсии и постоянно стяжало новых ролей. На старости лет ее взяли в артистки и, цепко схвативши удачу за хвост, она делилась со всеми мечтой о благородной смерти на сцене в главной роли.

Труппа стареющих «несчастливцевых» постоянно грызлась. Отнюдь не затем, чтоб добиться хороших ролей. Вот уж этого добра хватало всем. Тратя в лучшем случае три недели на репертиод, переставить успели почти весь мировой репертуар. Цапались из любви к процессу и чтобы форму бойцовскую не потерять.

Егора в этих битвах серьезным противником не воспринимали, во-первых – молод, во-вторых – покладист, в-третьих – красив, в-четвертых

– никому не конкурент; что позволило наладить ровные отношения с воюющими сторонами. Лидеры противоборствующих группировок одинаково заботливо опекали начинающего артиста.

Инна воевала со всеми, умудряясь стабильно недоплачивать даже прожженным заслуженным и народным, лихо экономя на суточных, костюмах, декорациях, гостиницах, транспорте, неприкрыто разворовывая постановочные бюджеты. Величали ее в коллективе Иннушкой, отражая взаимную брезгливую нелюбовь. Репетировать резвая режиссерша не хотела, вводы свежих дебютантов на место быстро выжатых каторжным производством и сбежавших артистических юниоров поручала помрежам, а новые постановки – приглашенным режиссерам, отпиливая от их гонораров весомые куски.

Быстрые миллионы легче всего сделать не на бриллиантах, а на зажигалках. Иннушка эффективно применяла теорию малых чисел успешного бизнеса и создавала вместо театра небольшую прибыльную фабрику по выпуску халтурных сценических поделок. Из репертуарных афиш, как пересохшая гуашь с декораций, осыпались отработанные названия, моментально заменяемые громкими премьерями недолговечных театральных опусов.

Заботливую симпатию примы Егор ощутил во время дебюта. Отыгравшая на выезде Царицу,

сказавшая за него половину текста и прятая за ставкой во время чужих сцен, чтобы удобнее было подсказывать необходимые действия парализованному первыми подмостками мальчишке, напрочь забывшему мизансцены, слова и направление движения, Елизавета Сергеевна подарила ему огромный декорационный гвоздь с пожеланием успеха.

- Весьма оригинальная тракточка канонического образа. С дебютом! Немного дебильный у вас получился Царевич, забывчивый, зажатый, - лукаво подбадривала Лозовая расстроенного Егора в автобусе на обратном пути, - и то верно, нормальный человек на лягушке не женится!

Вспомнив секретки Рябушинской, вызубрив нехитрый событийный ряд, опираясь на костыли музыкальных акцентов, следующий спектакль он сыграл если и не отлично, то уж, во всяком случае, не стыдно. На десятом выезде они уже вовсю развлекались незаметными зрителю внутренними актерскими приколами.

К широкой заднице бутафорской лягушки был приклеен клочок бумажки с надписью «пук». Расколовшийся Егор оправдал сдавленный хохот, как бы сдерживаемыми рыданиями незадачливого Царевича, до глубин души потрясенного перспективами брака со столь необычной невестой. В следующий раз на том же месте он опять

разглядел ту же бумажку, но только приколоченную гвоздиком. Опять поплыл, и опять замаскировал смех под слезы.

Лягушачий зад постоянно преподносил сюрпризы, на нем красовались то реальные модные стринги, то гламурная татуировка, то портретик Градовой из программки. Особенно расшеимила и чуть не увела со сцены десятидолларовая купюра, как в стриптизе втиснутая под резинку стрингов.

Лозовая научила старинному рецепту от расколов – давить на пальцы ног или на пятки всем весом тела. Средство подействовало прекрасно, Егор был сообразительным и благодарным учеником. Внимание мгновенно переключалось на ноги, отвлекая от незапланированных смеховых реакций.

Страшная месьть Ивана-царевица подготавливалась Егором методично и по всем школьным законам. Он тщательно поработал над образом, чуть изменил оценки, интонации, пластику, замедлил ритмы. По сцене теперь заторможено ходил царский сын Иван-алигофрен, удивленно разглядывая задок бутафорской невесты. Ему очень хотелось с ней жить (понятно в каком смысле), но он никак не мог взять в толк, как это сделать.

Выписанную автором, двусмысленную фразу несчастного страдальца «Мама, как же я с

ней жить буду?» Елизавета Сергеевна еще стерпела, но когда у того из уголков рта потекла слюна вожделения, бросила коротко: «Сейчас вернусь, расскажу!» и убежала в кулисы смеяться.

27

Много позже, совсем в другом театре, и будучи уже совсем другим, Егор воспользовался этим действенным приемом, круто притормозив ритмы некрасовского Ласукова из «Осенней скуки». Хорошая получилась «Скука», уморительно смешная, популярная, аншлаговая. Кто бы мог подумать, что из такого нудного, пугающего коллектив материала можно вылепить такое любопытное, забавное, увлекательное и глубокое зрелище.

Спасибо режиссеру и сценографу. Великолепная и смелая трактовка двух постановочных умов не обижала автора, но ослепительно и сочно выявляла тему, заявленную в пьесе полтора столетия назад, для нас, сегодняшних.

Редчайший случай – пьеса без событий. Барин задремал после обеда, и вся усадьба сразу погрузилась в сон. Так бы и дрыхли смачно все в том доме до утра, если бы хозяин не пробудился ранним вечером. Ну и что? Проснулся, начал придирааться, устраивать выволочки домашним,

стараясь снова не заснуть и чем-нибудь заняться. Эка невидаль! Занятий полноценных не придумал. Припомнил шубу, гнившую в сенях с весны. Попробовал устроить скандал дармоедам, получилось вяло и неинтересно. Еще немного побубнил, посетовал на жизнь и вновь заснул. Не случилось ничего!

Талантливый художник поселил заспанных до одури героев в гигантскую шубу. Сшитая по всем законам портняжного дела, но только в сто размеров больше, дырявая и кое-где ползущая по швам, лежащая в центре площадки с двумя десятками разбросанных подушек, эта шуба служила персонажам домом и постелью. Из продранных прорех, как большие насекомые, появлялись домоправительница, повар, дворецкий, кучер, портной, скотница и сенной мальчик. Прямо на ногах почти никто из них не стоял, все норовили прикорнуть при случае, вернуться в негу сна, мешал им барин. Да и тому хотелось лечь. Что он и делал, далее скандалил лежа.

Молодость Ласукова пригласилась на время лермонтовского «Маскарада». Вот вам и весомое обоснование режиссерского решения вывести на сцену прекрасные ласуковские сны в исполнении артистов театра оперы и балета. Мелодичные нити хачатуряновской мазурки и ноктюрна собирали контрастные сцены в единое полотно. Стареющему герою снился маскарад! Настоящая,

блистательная, наполненная событиями жизнь происходила у него в чудесном пространстве сна, он был в нем полноценен, ярк и реален. Реальная реальность тяготила.

«А может быть, в Дворянском собрании теперь бал, музыка... И мы были молоды, и в кавалерии служили, и на балах танцевали, и шпорами там побрякивали... да то ли еще делывали?.. а теперь? эх, эх, эх! молодость прожили, силу пропили и доживаем век с Гаврюшкой да с Анисьей...»

Начинался спектакль живописной картинкой. Еще не разузнавший ничего про шубу, зритель видел мягкое, охристо-белое пространство, напоминающее русскую равнину в сумерках, слегка припорошенную сypлющимся сверху медленным осенним снегом. Уже потом зал понимал, что с колосников летят подушечные перья. В финале безголовая шуба поднималась, раскидывала полые рукава по сторонам и топила героя в своих жутковатых объятиях. Зрители в этот момент ахали.

«Царевна-лягушка» служила для артистов первого в жизни Егора театра любимым полигоном остроумных розыгрышей, иногда

небезобидных подначек, милых проказ и озорного баловства, без которого артистическое существование невозможно.

В начальных диалогах с Иваном тексты невестушки, заколдованной в бутафорскую лягушку с истерзанными ягодицами, озвучивала Маша Аникст из-за задника, выходящая потом великолепной Василисой Премудрой. На очередном выезде в этих сценах начался полнейший кавардак.

Егор не слышал своих реплик, утопающих в несущемся из зала родительском гоготе. Поглядев в сторону задника, сам чуть было не расхохотался. Монтировщики не стали подвешивать мягкую декорацию, поскольку никаких колосников клубная сцена не предусматривала, задником служил киноэкран. За прозрачным экраном, хорошо освещенная сбоку шаловливым солнышком, пробивавшимся из открытой в гримерную двери, стояла актриса, задрав царский сарафан под самую грудь, поправляла колготки и старательно выговаривала текст. Скрытая камера.

Тот выездной спектакль вообще оказался урожайным на комические впечатления, произошедшие не только на сцене. Перед началом спектакля в женской гримерке шла небольшая пикировка народных. У зеркал сидели актрисы, превращая лица в сказочные маски с длинными

ресницами, роскошными косами, фееричными кокошниками и алыми лубочными щеками.

Распахнутое настежь низкое окошко транслировало бесконечно скучное реалисти-шоу «Сельская улица». Сбоку торчал театральный автобус, заглядывали любопытные поселковые мужички, уже обсудившие с водилой достоинства и недостатки ходовой части дышащей на ладан машины. Такое внимание льстило гастролершам, они перестали ругаться и рассеянно постреливали глазками в сторону окна.

По грунтовой дороге, мнящей себя улицей, шла здоровенная баба в сером застиранном халате, цветастой косынке, и с двумя полными ведрами в руках. Ватным облаком она подплывала к окну. Взгромоздив на подоконник глобусные груди, поставила ведра с дурно пахнущей мешаниной, обвела актрис медленным взглядом изпод опухших век, криво улыбнулась и пробасила:

- Гы-ы. Артистки херовы! Нагримировались как говны! Тьфу!

Об автографе не могло быть и речи. Полноценная работающая женщина, делающая реальное дело, в частности, прущая сейчас домой свиный корм из столовки, осуждала шалопутных и однозначно безнравственных накрашенных девок, которые ничего не умеют, кроме как плясать да краситься, а еще позволяют себе наглость флиртовать с нормальными деревенскими мужи-

ками, паскуды. Выразив эту несложную мысль еще более односложными матерками, она отогнала похмельный сельский генофонд от развратного окна и оставила полинявших актрис погибать в пучинах блуда.

Репертуарный лист артиста Ланова каждый месяц пополнялся несколькими колоссальными ролями, которых актеры нормальных театров дожидаются десятилетия. Паратов, Эквус, Хлестаков, Журден и переросток-пионер Миша из эксцентрической современной комедии для взрослых, – неплохой результат двух сезонов, не правда ли? И это только герои специально поставленных «на него» пьес, не считая ролей второго плана и вводов. Есть чем гордиться, правда же?

Нет, неправда! Положа руку на сердце, результатик-то с душком. Так роли в истинном театре не готовят, так только фокусы в дешевом балагане репетируют. О каком таком фестивальном будущем грезил режисрица Градова, когда на сцене шли не спектакли, а костюмированные литературные чтения?

В плохом театре хорошо работать невозможно. Как не изворачивайся, либо партнеры слегка придушат трепетную музу, либо режиссер пристукнет эфемерное создание авангардным постановочным приемом, либо же сам, от натуги, так испугаешь Мельпомену, что взовьется она

над погорелым дрянным театром и улетит куда подальше.

Егор, если вы успели заметить, обладал мягким, но въедливым и непокорным характером. Изредка отвлекаясь на мимолетные любовные необходимости, целыми днями донкихотствовал. Пацифистская терпимость все-таки не трусость. Не мог он примириться с постоянным враньем и всеми силами старался победить глобальную фальшь. Добивался дополнительных репетиций, изматывал постановщиков вопросами, заставлял коллег проходить куски в гримерке перед выходом, выступал на собраниях с убийственной критикой процесса, удивляясь собственной оголтелой отваге. Мартышкин труд, Сизифу и не снившийся.

Если уж не в силах переломить систему, старайся выжить в ней достойно.

По большому счету, лишь два человека в городе профессионально занимались театром. Старый да малый. Все свободные вечера Егор проводил за кофе и разбором своих ролей в номере Лозовой, заставленном приготовленной к переезду упакованной мебелью; со дня на день планировалось заселение в долгожданную квартиру.

Даже в самой халтурной подделке под театр можно найти место для неподдельных открытий и правдивого полета духа. Есть монологи,

паузы, оценки. Правда, есть еще и партнеры, подрезающие на взлете и тянущие вниз за крылья. Вот с кем совладать труднее всего.

Ничегошеньки не знают многие активно практикующие актеры о взаимодействии и общении, когда видишь, как дано, но относишься, как задано. Не владеют открытыми Станиславским флюидами отдачи-восприятия чувства и мысли, изобретая собственные, эстрадно-балетные методы работы. Поэтому и врут ужасно. Нет у них привычной необходимости что-то отдавать партнеру, чувствовать его спиной, всей психофизикой следить за ним. Собою заняты ребята. Общение понимают только «глаз в глаз».

Елизавета Сергеевна советовала, если уж не получается договориться, устраивать им постоянные неожиданности, смещая акцент или вводя свежую интонацию, провоцируя тем самым на живые реакции. А когда даже этот секретик не помогает, просто-напросто играть «за себя и за того парня», то есть отживать не поданное партнером, а то, что он должен подавать.

- Смотри на то, что тебе выдано в партнеры, но относись, как задано. Любить тебя от этого больше не станут, а даже наоборот, зато перед искусством будет не совестно. Держись, пожалуйста. В премьерство не свались или в привычку. Ты здесь затем, чтоб потрясать, а не антраша опереточные длинными ножками выделыв-

вать, – вздыхала Лозовая, с мучительным сочувствием оглядывая ученика.

Какая же помойка плескалась в головах артистов несчастного театра! Закулисное сарафанное радио ежедневно транслировало жареные новости о развитии романа извращенной старухи с порочным отроком. Черви омерзительных подробностей их противоестественной связи переползали из разговора в разговор, разлагая и без того некрепкие умы зловонных сплетников.

29

К новогодней кампании проворно сляпали «Золушку». Знамо дело, Егору досталась роль Принца. Обычный утренник с подарками, Дедом Морозом, Снегурочкой, начальным дивертисментом в фойе и знакомой сказочкой на сцене. От Деда отбиться не удалось, считалось, что публика-дура не разглядит за дедовской бородой героя будущего спектакля, тем более что костюм прекрасно уместается под шубой.

Режиссер очень гордился сценой преобразования героини из замарашки в милую куколку перед поездкой на бал. И действительно, он виртуозно срепетировал момент чудесного переодевания, простого театрального чуда, когда одетая в рванину Золушка лишь на мгновение исчезала

из луча прожектора и сразу возвращалась, но только уже в воздушном белом бальном платье, а сверху на нее сыпался прелестный дождик из звездочек глянцевых конфетти.

Градовская алчность поставила одну из «Золушек» на десять часов утра первого января. Хоть и тревожно ей было, но не могла Иннушка отказаться; целых три детских дома брали спектакль на стопроцентную гарантию, да еще и платили наличными. Под такую оказию и «левую» билетную книжку не грех напечатать. В состав собрала наименее пьющих. Авось, пронесет.

Утро наступившего года не предвещало ничего дурного. Исполнители собрались вовремя, никто не опоздал. Кто-то с помощью грима, ну а многие посредством шампанского побеждали на лицах следы бессонной праздничной ночи и обильной выпивки. Вошедшие двадцать минут назад в театральное здание узкоглазые маски театра «Кабуки» возвращались к традициям русского реалистического театра.

Возникшая перед самым началом небольшая проблема быстро решилась, не испортив светлого новогоднего настроения. На работу не пришла реквизиторша, в задачу которой входило сидеть на колосниках и в нужный момент сыпать на Золушку блески. Спасла ситуацию не занятая сегодня, восторженно встретившая Новый год с работниками цехов прямо на сцене в театре,

хмельная от счастья, Анфиса Агафоновна Фролова. Ей вручили лукошко с конфетти, записали на бумажке реплики и отправили наверх.

Спектакль шел на одном дыхании, возвышенное настроение артистов передавалось восхищенному залу и, отразившись, удваивалось. По кулисам пробежала новость о том, что на балконе сидит довольный постановщик. Пришло время коронной сцены. Осветитель сработал филигранно, чудо почти случилось. С ювелирной точностью переодевшаяся героиня тоже была вне всяких похвал. Только конфетти почему-то не сыпалось.

Опьяненная не только впечатлениями, Анфиса просто задремала, «развезло» тетушку. Снизу был хорошо виден ее сгорбленный силуэт на мостках. Жарко над сценой, знаете ли, от софитов и прожекторов. Бежать на колосники не было никакого смысла, ведущий туда витиеватый лестничный клубок огибал всю сценическую коробку, проходя через чердак, понадобилось бы минут пять, за которые сцена бы прошла. Она и так уже проходила, удивленная Золушка начала песенку.

Тожe не слишком трезвый помреж Юра выдумал спасительное решение, приволок из кармана «карандаш» – узкий длинный шест, используемый монтировщиками декораций для закидывания падуг и кулис, чтоб по сто раз не го-

нять туда-сюда штанкеты. Этим шестом они с Егором и стали тыкать в спящую красавицу, забравшись на осветительную ферму за правым порталом. И ведь разбудили. Эх, лучше бы уж спала спасительница!

Чего уж тут миндальничать, попросту говоря, блеванула Анфиса Агафоновна большим водопадом с небес, аккуратно на поющую Золушку. Все выпитое и съеденное старушкой в прошлую ночь теперь растекалось по белому бальному платью. Тут-то и вспомнила Анфиса о своей благородной миссии, начала было сыпать конфетти, да не удержала корзинку. Обляпанная слизистой дрянью и резаной фольгой горемычная героиня такого коварства не ожидала, ей еще и лукошком по башке прилетело. Золушка вернулась в состояние замарашки. Как теперь ехать на бал? В зале хихикали. Близкий к инфаркту режиссер орал с балкона: «Закройте занавес!», а виновница переполоха опять сладко спала.

Егор с великим удовольствием рассказывал новым знакомым эту байку, обросшую дополнительными потешными нюансами, ставшую жемчужиной его обширной коллекции застольных театральных рассказней, крайне редко озвучивая трагический финал комической истории.

Похоронили уволенную из театра актрису Фролову в феврале, ровно через месяц после случившегося. Не смогла она пережить позора. А

впрочем, наверняка сумела бы со срамом совладать, оставаясь в театре. Не оставили. Увольнение разрушило голубую мечту Анфисы Агафоновны, а другой мечты у никудышной, но все же актрисы не было. Жалко.

30

Единственная в жизни проба на главную роль в большом кино была Егором безнадежно провалена. С трудом выкроив семьдесят часов в плотном графике спектаклей и репетиций, он поехал на прославленную студию. Вызвали по фотке из отдела актерского учета, все же верно он поступил, разбросав портреты по всем киностудиям России.

Неприятно удивил бестолковый язык популярных киношников, применяющих при объяснении задач слова «веселее», «поработай глазами», «люби сильнее», «погрусти», «обижайся», «быстро задумайся», «немного порадуйся». Не владели деятели кино «первым курсом», без которого не сложить приличной артистической карьеры, а режиссерским слогом и подавно. О целенаправленном действии, задачах и сверхзадачах даже слыхом не слыхивали.

Баламутный режиссер с порога обезоружил:

- Только не мучай меня вашими драматическими примочками, типа «А что я здесь делаю?» и прочими театральными глупостями. Сценарий прочитал? Любишь ты ее по-всякому, по-разному, вот и все действие!

- А чего же мне добиваться в пробной сцене? - спросил Егор.

- Девку добивайся. Вон она какая у нас аппетитная! Что непонятного?

Непонятно было все. Как может позитивный болван снимать высокую историю любви военных лет? Кто выдумал пробовать утонченного артиста Ланова на роль шкафоподобного мужлана? Как вообще можно полюбить уже утвержденную на главную женскую роль помогающую в пробах мясистую буренку, превышающую партнера по весу раза в два, богато грудастую и широкозадую? Что делать с ее угреватым носом, грузными неповоротливыми ногами и обвислыми ягодищами? Бред.

31

Вернувшемуся с проб Егору доложили последние рейтинговые известия закулисных пересудов. Лозовая отказывалась приходить на спектакли и, закрывшись в новой квартире, выла.

– Она воеет, Егор Сергеевич! Соседи даже милицию вызывали, думали, кто-то собаку оставил. Воеет уже три дня! – плакала, разгримировываясь, Маша Аникст. – Давайте к ней сходим, может быть, вам откроет.

Елизавета Сергеевна распахнула дверь сразу, будто дожидалась его в прихожей, впустила в дом, молча приготовила кофе. По всей квартире громоздилась не желающая распаковываться мебель. Их обожаемые кресла стояли у окна с широким низким подоконником, играющим роль журнального столика, заставленного пепельницами, кофейными чашками, подсвечниками, пустыми сигаретными пачками, распечатками пьес, в которых играл Егор. За окном дымилась труба завода-храма.

В тот вечер он не произнес ни слова, говорила только любимая «крестная», пугая сердце изболевшимся лицом и угасающими глазами, вбивая в память смысл каждой фразы:

– Обещай мне, что уедешь из этого смрада, как только развяжешься с Иннушкой. Вторые составы есть во всех твоих работах. Градова набрала новых наивных выпускников, третьего дня поселила в «Ницу». Самое время уйти. Откажись от долгов по зарплате, тогда легче отпустит, а может, и отрабатывать не заставит. Беги отсюда, Егорушка! Завтра я вернусь в театр, а ты уходи. Уходи чаще! Бросай бездушие, оставляй бездар-

ность, покидай низменное. Мне уже с этой подводной лодки не выбраться, а ты уходи! – обводила невидящим взглядом квартиру старуха. – Уходи, чтоб однажды прийти! Иди туда, где ты необходим. Туда, где твое! А теперь – иди...

32

Второй, и последний в карьере, театр ролями сначала не баловал. Егор не придумал ничего оригинального в плане продолжения драматических странствий и вернулся домой.

Всесильный главный режиссер Аркадий Львович Чирский за это время получил столичное театральное здание с вековой славой, зубастым коллективом известных всей стране народных артистов, ушлым директором, частыми гастролями за рубежом, и уехал из города вместе со своими «рвотными порошками».

Руководил театром теперь Георгий Александрович Бенуа, со скрипом принявший в переполненную труппу хотя и фактурного, но абсолютно незнакомого ему актера с запятнанной четырьмя сезонами в слабом театре репутацией. Принял в память о Рябушинской.

Одевался Бенуа исключительно в черное, выпуская в сезон всего лишь два ослепляющих чистотой спектакля. Но какие! Напоминающий

мудрого сказочного грача или ворона, заложив руки за спину, он прогуливался по гулкому залу в течение многомесячных репетиций, почти не глядя на сцену, будто доктор, выслушивая куски. Тестировал эпизоды на звук, уничтожая фальшивые ноты. Остановив прогон, что-то нашептывал исполнителям, тербил аккуратную эспаньолку, ссутулившись, прохаживался по авансцене и ничего не показывал, выдавая в эфир потрясающе точные, действенные, конструктивные замечания. Работать с ним было легко и увлекательно, но только при условии, если актер был готов к репетиции.

Внимание Георгия ценилось. Он никогда не орал и не применял дисциплинарных мер, он просто переставал замечать провинившегося. Такого наказания боялись. Лишенный внимания однозначно проваливал роли, не в силах самостоятельно постигнуть многогранную структуру, затейливые мизансценические лабиринты и сложнейшую звуковую партитуру многослойных полотен молчаливого мастера, что неминуемо вело к прощанию с трушпой.

У Егора начиналось десятилетие премьер, самый безоблачный период в карьере расцветающего артиста. Начиналось непросто – микронными рольками в идущих названиях, десятикратным отсматриванием спектаклей, в которых

не занят, и попрошайничеством о присутствии на репетициях новых шедевров.

В театре можно было не появляться неделями, поджидая свежего распределения. Такая удачная занятость, приводящая в восторг некоторых молодых егоровых коллег по труппе, тревожила и заставляла искать себе применения. Он привык ежедневно заниматься театром.

Ввязался поначалу в радиийное актерство. Записал семь рассказов и большой радиоспектакль, выдержавший несколько эфиров на чопорной «говорильной» радиостанции. Получил букет дифирамбов, приличный гонорар и два комплиментарных письма от слушателей, после чего к театру у микрофона совершенно охладел. Условием получения возможности прозвучать в художественном вещании было обязательное участие в записи бесконечного числа рекламных роликов и дикторских текстов, а также ведение глупых программ, типа «Концерта по заявкам», с зачитыванием писем малограмотных радиослушателей, поправленных необразованными редакторами. К откровенному искусству, которым грешил, суматошный микс искусственных звуков имел самое отдаленное приближение.

Самостоятельно срепетировал «Записки сумасшедшего», моноспектакль «вокруг табурета». На роль табурета назначил прекрасный белый венский стул. Радовался такой форме

творческой самореализации, пока не понял, что работает местами приличный по атмосфере, а все же тривиальный, мизансценически ущербный, радиоспектакль с наивными потугами на полноценное действие и раз от разу пустеющим залом. Такие вот записки нереализованных актеров идут по разным городам и весям десятками каждый вечер. Торжественно вернул венский стул театральному мебельному цеху, клятвенно пообещав без режиссера за моноспектакли больше никогда не браться.

Резонно рассудив, что раз уж все равно сидит в театре, то лучше уж торчать месяцами на репетициях и спектаклях, чем в буфете, взялся ходить в театральное здание, как на работу или в школу. Постепенно его стали выписывать в расписании, хотя приказы о распределении фамилией Ланов похвастать не могли. В какой-то момент забеспокоился, как бы это не сочли вульгарным высиживанием ролей. А впрочем, что же это было, если не высиживание? Конфузился, но ходил. Играть хотел так, что аж зубы сводило.

Бесплодные поиски единственной возлюбленной забросил, возложив надежды на счастливое провидение, у которого гораздо больше возможностей для организации неожиданной роковой встречи. А пока его всецело устраивали одноразовые барышни, приводимые в дом успешным развестись, опять жениться и вновь развес-

тись, вернувшись к тусовочно-клубной жизни уже доцентом кафедры информатики, но все таким же разбитным Серегой. Вроде бы и не по статусу, и уже не по возрасту было метящему в профессуры кандидату наук шляться по ночным шоу, да и карьеру подломить могли, когда б застучали продвинутого педагога со студентками в злачном местечке, а не мог Сергей никак успокоиться, наедался досыта десертами финального периода юношеской гиперсексуальности. Егор с ним в клубы не ходил, опасаясь разбудить болезненные воспоминания.

33

Третью свою театральную старуху уже довольно взросленький внучок опознал сразу, нисколько не удивившись ее стремительному водворению в театре. Должна же быть у человека бабушка! Слава богу, нашлась!

Прилетела бабуля на рассвете, напоив лукаво-грубоватой иронией потерявшего дар речи, приставленного для переноски чемоданов в аэропорту, длинного и стеснительного, относительно молодого артиста. Ласково обозванный «несуемым носителем» и «тоскующим несунном», высокий лирик чуть не крякнул от удовольствия,

услышав в речи измученной перелетом народной артистки родные словечки «гаденьши», «пакостники», «паршивцы», а также уничтожительное новообразование «авиадряни». Эпитеты относились ко всем участникам «небесного свинства», учиненного над ней нерадивыми авиаторами.

- Не образы, а просто образины несусветные! Када оне по городу шаромыжничают, так ить не так заметны. Растворяются немного в среде приличных человеческих лиц. Вернее, морды им свет от ликов нормальных людей немного подсвечивает. А тута - в ероплан полумрачный и махонькой, меньше автобуса, на соседней помойке подобранный, заплаканный-залатанный, напихались всем темным стадом и обрадовались. Плебс! - громыхала бабуля на весь аэровокзал и окрестности, не без труда усаживая свое дородное тело в небольшой автомобильчик.

- Да и вы, парни, тоже хороши! Крупная актриса современности с небес к вам спустилась, а вы ей мелкий таксомотор прошлого века подаете. Издеваетесь над старушкой? Что молчишь, сутулый руководитель заграничной колесницы? Тебе-то самому не жмет кольчужка? - ехидно обращалась гостья к сидящему за рулем Бенуа.

- Екатерина Петровна Романова. Артист Ланов. Знакомьтесь, - сдержанно смеялся счастливый Георгий.

– То, что артист, это я еще в багажном терминале поняла. Как же он грациозно мое барахлишко сортировал и как переносил-подносил-перекладывал, сплошное загляденье! Артист! А как зовут?

– Егор, – выдохнул смущенный носитель.

– Катя, – ответила веселая бабушка, точно сымитировав его интонацию. – Не подумай, пожалуйста, друг дорогой, что это мой снобизм заговорил или апломб разбушевался. Я, признаться, артистка изрядно «апломбированная», однако же, народ свой трепетно обожаю, только вот плебейских проявлений этого народа не терплю. Кроме меня, в нашем злосчастном авиасудне (настаиваю на медицинском значении слова) не было ни одного трезвого человека! Пьяненькие заботливые родители угощали сопливых деток пивом, отчего те орали громче положенного. Поселяне и поселянки наливались водочкой, флиртовали, пели, переругивались, ржали. Косая стюардесса, как вокзальная буфетчица, чуть ли не матом отказывала в дополнительных стаканчиках, требуя купить хоть одну бутылку загруженного на борт горячительного, а не жрать только свое...

– Я так полагаю, что это еще не все? – перебил Бенуа, намекая на полную готовность к началу движения. – Может быть, уже поедем? По дороге дорасскажешь.

- Всегда говорила, что режиссеры - народец пакостный и наглый, помогут на пятак, а нагадят до пенсии, - весело бранилась Романова, - езжай ты куда хочешь, у меня разговор с молодым человеком. Понимать надо! Вот о чем я сейчас говорила?

- Авиадряни, образины, ероплан, судно, стадо, плебс, пьяные дети, пьяные поселяне, пьяные поселянки, косая стюардесса, стаканчики, - отрапортовал Георгий Александрович, выезжая со стоянки. Егор был потрясен, он не запомнил даже половины из цепочки.

- Вот-вот, - продолжила бабуля, - представляете, два татуированных воздыхателя сначала сцепились в проходе у туалета, определяя в честном поединке, кому достанется уже ничего не соображающая анемичная красotka, потом выпили друг за дружку, а потом опять смазали друг дружку по рожам. В результате девонька подарила любовь обоим. По очереди сводили ее в туалет, пристроили спать обратно в кресло, сразу задружили на века, шумно кляня проклятую «мусАрню», отобравшую перья при досмотре, и славя воровской закон. Вот бы все повеселились, будь у них ножи! Скотобаза! В хвостовой части безостановочно ели пахучую железнодорожную курицу из фольги, закусывали вареными яйцами и взопревшей колбаской. С каждым часом полета гвалт усиливался...

– Неужели не нашлось в твоём пьяном самолете ни одного приличного человеческого лица? – недоверчиво поинтересовался Георгий.

– Не было лиц, только их терпеливые тени в кресла вжимались, переживая праздник народный, безудержный и беспощадный. Знаешь, о чем я подумала? А ведь для большинства этот перелет оказался настоящим праздником. Не так уж часто они летают, и всякий раз это становится радостным событием. А какой же праздник без водяры?

– Вот, Егор, сейчас Вы наблюдаете великолепную способность Екатерины Петровны не только к яркому карикатурному обобщению произошедших событий, но и к вдумчивому анализу случившегося, придающему повествованию драматургический объем, – говорил Бенуа, не отрывая глаз от дороги. – Мне почему-то кажется, что мы находимся еще в самом начале интереснейшего рассказа, в котором прозвучит излюбленная тема актрисы Романовой – сочетание в человеке возвышенного и низменного. Вы ведь заметили, что в экспликацию уже введены некие «тени» нормальных людей? Речь наверняка пойдет о стаде и личности, об интеллигентности и хамстве, о благородстве и подлости.

– Пойдет-пойдет, можешь не сомневаться! Были люди в самолете, были. Мало того, людей-то было реально больше. Но они прятались от

разоравшегося плебейства, чувствовавшего себя большинством. Профессорские бородки и учительские очки маскировались книжками, молодежная аудитория спасалась музыкальными затычками для ушей, сильные мужчины делали вид, что спят. Истинное большинство терпело, сдерживалось, мирилось. В общем, вело себя полюдски.

- Самое место для главного события, - буркнул Георгий, круто выворачивая руль на повороте, - такое событие называют еще и поворотным.

- Точно! Я решила встряхнуть эту летающую колымагу хорошенько! Пошла к пилотам. Насмешила их поначалу, как бы испугавшись, что штурвалом никто не рулит. А то я не в курсе про автопилот! Ребятки оказались понятливыми, коньяком угостили, автограф вытребовали, при первой ямке обещали подсобить. Тоже паршивцы! Просила чуть-чуть повибрировать фюзеляжем, а они небольшое крутое пике нам устроили, гадины! Вырубили чего-то там и носом вниз, с нарастающим гулом! У-у-у! Даже мне поверилось. Но как интересно перераспределились роли! Орущие и поющие заткнулись, заплакали, растворились, будто их и не было, а терпеливые мужчины с молодыми людьми, моментально проснулись, вышли из тени и взялись носиться по салону, пристегивая перепуганных людей рем-

нями безопасности. Уж пристегнули, так пристегнули! Молодцы! Минут десять не могла выпутаться. Вот. Оставшийся час полета продолжался в тишине. Задумались все! Задумались!

- Потрясающе! - выпалил Егор, начисто позабыв о смущениях.

- Да. Хорошо я их потрясла! Зато теперь знают, к чему человеку голова на плечах, - смеялась Романова, помпезно возводя указательный палец правой руки в небо.

- И это все? - спросил Георгий.

- Все! Можете выдавать комплименты. До чего же я прекрасна! Полюбуйтесь на меня! Какая еще дама моего возраста сумеет так элегантно взять и повернуть глаза сотни людей вглубь души?

- Все? Неужели? Екатерина Петровна, с нами молодой актер и я настаиваю на разоблачении вашей магии, - почти серьезно требовал Георгий Александрович.

- Если не будешь навязывать мне Памеллу, которую не сыграла только уж совсем ленивая народная старуха, разоблачусь!

- Что ж тогда сыграешь на дебют?

- Миссис Туз из Олби! Там и для нашего молодого носителя ролька найдется, Джека он воплотит как никто другой. Вот и второе условие. Согласен? Сколько лет ты его маринуешь?

- Года два.

- Пора бы уже!
- Сам знаю, что пора.
- Так согласен?
- Практически, да! Развенчивайся!

Из последней части диалога Егор не понял ничего. Вернее, убедил себя в том, что не понял. О чем это они? Вроде бы и о нем, а вроде бы и нет. Роль Джека Фостера в пьесе «Все в саду» он помнил прекрасно, мечтал ее сыграть при случае, как и еще добрый десяток других героев этого автора. Неужели они сейчас решили его судьбу и возьмут теперь в настоящий репертуар? При чем же здесь разоблачение?

Екатерина Петровна долго молчала, сосредоточенно изучая озадаченное лицо Егора.

- Как звали твоего отца? - тихо спросила Романова.

- Сергей, - также тихо промывчал Егор.

- Егор Сергеевич! Прости меня за ложь! В своем рассказике я крепко налгала. Нет, не подумай, авиадряни были именно такими, как я описала, и бесновалась пьяная скотобаза именно так. Но только никого я не трясла! Да и кто меня пустит к пилотам, сам посуди. Сидела, как и все в тени, среди теней. Слаба я для подобных подвигов по жизни. А могла бы! Но призвание наше - потрясать тот самый плебс хоть на секунду, пребывая в придуманных мирах, а не воевать с ним в реальной жизни. Согласен, коллега?

- Да, - благодарно улыбнулся Егор, и у него потеплело в подреберье.

Оставшееся время пути было занято оглушительно смешными романовскими рассказами о гастрольных ляпсусах, идиотских оговорках, разнообразных расколах и розыгрышах.

Салон автомобильчика задрезжал от хохота, когда она поведала историю получения звания народной. Хорошо, что расторопный директор отправил в министерство представление на актрису Романову, блистательно исполнившую роль Надежды Константиновны Крупской, сразу после первой премьеры. После второй пьесу забытого ныне драматурга сняли с репертуара. Дело в том, что в сцене, происходящей в знаменитом Разливе, на подмостках образовалось сразу два Владимира Ильича! Первый Ленин, знакомый зрителю с самого начала спектакля, во втором акте столкнулся нос к носу с выбравшемся из шалаша заспанным самозванцем. Зал сначала хихикнул, а потом ахнул и присмирел. Спас ситуацию постановщик революционного спектакля. Он грохнулся в обморок. Грохнулся тоже революционно, с балкона в ряды, помяв шеи нескольким зрителям, сломав ребра и подняв невообразимую суматоху, что отвлекло всех от сцены. Бумаги на звания для режиссера и двух исполнительниц главной роли министерство вернуло без

комментариев. А вот Крупской повезло, о ней просто не вспомнили и подмахнули все бумажки.

Егор въехал в прогрессивное десятилетие успеха в компании с задумчивым режиссером и новой театральной няней, лихо травя закулисные байки. Где же кружка? Нашлась! На ее роль распределили крышечку от термоса, извлекли из багажника походные романовские бутерброды, и еще час жадно упивались общением, сидя в машине у подножия гостиницы. Трагикомедия об Анфисе Агафоновне и Золушке в исполнении Егора Ланова была признана лучшей в собрании актерских небывальщин и былин всех времен и народов.

34

Следующие десять лет он лишь готовил шикарные роли, самозабвенно репетировал, много играл, не тратя силы ни на что иное. Событийный ряд судьбы расцветшего премьеры труппы складывался только из репетиций, спектаклей, гастролей. Родимый тихий дом Егора служил теперь то кабинетом, то ночлежным домом. Ни друга, ни любимой так и не случилось.

Недоуменно и совсем не завистливо карьерно преуспевший, игравший Фостера, Раскольникова, Тартюфа, Ласукова, Глумова, популяр-

ный артист Ланов смотрел на то, чем живут коллеги по театру вне театра.

«Самозабвение в искусстве этим не знакомо, у каждого – набор важнейших дел, не менее значимых, чем служение на сцене. Нет, не служение, работа. Хотя трудятся честно, не фальшиво, и даже в Откровение впадают часто. Хватает ведь им сил на то и на другое!» – раздумывал Егор.

Сильная сложилась труппа, профессиональная, крепкая, без идеалистических соплей, любительской самоотверженности, дилетантского братства, максималистской самоотреченности. Священнодействовать пытались только молодые, выдерживаемые Бенуа вне значимых ролей.

Елена Всеволодовна Сапогова играла мало, но успешно. Дружила с городским начальством, планомерно пополняла обширные запасы высоких званий и наград, заседала в оргкомитетах и жюри десятка разных фестивалей, активно депутатствовала, председательствовала в Союзе театральных деятелей, занималась речью и риторикой с правительственными чиновниками. Плюс ко всему, вытаскивала из неприглядных передрыг единственного сына, одаренного красным дипломом на курсе Мешалкина и премированного не менее престижным и полезным свидетельством об окончании заочного режиссерского отделения того же ВУЗа.

Классический буфетный артист, не поставивший ни одного спектакля, много лет самозабвенно балдел, тусовался, куролесил. Массовые праздники городской администрации, конкурсы красоты, дни города и дни Победы режиссер Андрей Сапогов выстраивал по одному, заученному в институте, принципу банального дивертисмента, занимая в каждой новой смете три позиции – автора сценария, продюсера, постановщика. Пожалуй, излишне говорить о том, что куратором или генеральным продюсером проектов выступала мама. В театре почти не появлялся, но в списках числился, зарплатку получал.

А еще он много лет жестоко, до увечий, избивал людей, в основном, новых знакомых и, прежде всего, приبلудившихся к тусовочному стаду свеженьких наивных барышень. Суды выигрывались при мамином содействии, Андрей утихомиривался на время, меньше нагличал и хамил, но всякий год, помимо мелких драк и административных разбирательств, знакомая судья бралась за дело очередной отколошмаченной им «деффки». Имен обиженных не помнил, с веселым шиком присваивал им номера. Четвертая перепугала не на шутку, пришлось продать автомобиль и загородный дом, теперь он строил новый.

Заза Абашидзе исправно волок приличный героический репертуар романтических драм, ан-

тичных пьес, классических фарсов и современных европейских комедий. Эфир ведущего телеканала был завоеван Зазой всего год назад, и теперь, помимо погоды в новостях и собственной кулинарной программы, «говорящая голова» с баклажановой небритостью подбородка и сросшимися у переносицы, воронеными бровями, черными маслинами волооких глаз и нефтяными волнами тщательно уложенных волос, торчала в экране с утра до вечера. Телевизионная известность привлекала к нему случайные дамские взоры, оканчивающиеся непродолжительными романами.

Быстро утративший позиции на институтской кафедре, потерявший почти все должности, оставшийся рядовым руководителем курса, не занимаемый в новых названиях, постаревший и подослепший Петр Мешалкин воцарился в университетском театре. Поговаривали, что он разогнал студентов и создал там своеобразную платную репетиторскую базу для абитуриентов, гарантирующую поступление в театралку.

Вдовец Женя Кольчатый без вторых составов тащил на своем горбу трех сказочных героев детского репертуара и трех малолетних дочерей. Как веник летал по молочным кухням, родительским собраниям, музыкальным школам и спортивным секциям, искусно сочетая ворох отцов-

ских забот с выездными спектаклями и стационарными утренниками.

Лидеры разновозрастных малых оппозиционных групп коллектива: Ольга Боголюбова, Антон Зуев, Варвара Лютая, Николай Надточий, Андрей Новицкий, Руслан Хамдамов, Степан Викторов – делили досуг между выпивкой и семьей. Конструктивный жизненный принцип «Ты лучше пей, да дело разумея!», актуальный для многих российских начинаний, не подводил. Сварливая семья и бытовое пьянство – суррогатные воплощения возвышенной любви и крепкой дружбы. Они любили и дружили, как могли, как принято, без взлетов и падений.

Кто-то из них и вышиб Романову, прозванную Императрицей Катей, не только из спектакля «Все в саду», а вообще со сцены. Уже к концу первого акта лицо миссис Туз напоминало елочную игрушку в серебряных блестках. Технологии театральных гнусностей все эти годы развивались и совершенствовались, теряя мелкие черты. Недоброжелатели теперь гадили всерьез, по-взрослому. Затем, чтобы стекло не распознали в пудре, необходимо взять электрокофемолку и изготовить пудру из стекла. Мельчайшие стеклянные частицы проникнут в поры и всю жизнь будут зудеть, нарывать, воспаляться, отвлекая противника от борьбы. Императрицу свергли ра-

зом, для верности добавив в пудру крысиный dust с еще каким-то неизвестным ядом.

Полгода тщетно пролечив лицо, Екатерина Петровна навсегда оставила подмышки, набрала курс актеров театра драмы и кино в институте, отказалась возглавить кафедру, вмиг подряхлела, и с тех пор не улыбалась.

Егора на свои уроки пускала, позволяла участвовать в разборе, а вот в репетиции встречать пока запрещала. Зато щедро тратила часы на подробные дискуссии о методике преподавания и о применении школьного метода в театре. Еще больше времени расходовалось ими после занятий на анализ репетируемых в тот момент новых образов, а также на подчистку рисунка других лановских ролей в уже идущих много лет спектаклях.

Вошедшая в привычку, иступленная работа зрелого актера над собой в истинном «творческом процессе переживания» во все свободные минуты до и после театра, (сердечное спасибо, Станиславский!), пополам с переживаниями о несчастной Романовой не оставляла никакой возможности даже слегка насладиться когда-то ожидаемыми симптомами большого успеха.

35

Ах, как хотел Егор во время оно порадоваться популярности, поковырять известностью, а может быть и мирно выспаться на лаврах. Теперь повышенное внимание со стороны незнакомых людей удивляло, раздражало, мешало. Но чаще оставалось просто незамеченным, слишком уж он был занят более важным, существенным, перво-степенным. Желание быть узнаваемым, любимым публикой, иссякло напрочь. Цветы, автографы, афиши, интервью к его душе уже не пробивались. Как человек воспитанный он вежливо их принимал, и начал относиться к ним, как к неотъемлемой, не очень симпатичной, условности профессии. Грели только финальные аплодисменты на поклоне.

По дороге к театру постоянно встречал знакомого со школы, блаженного уродца Вову. Тот работал в регистратуре детской поликлиники, расположившейся в соседнем дворе и, видимо, возвращался на рабочее место с обеда. Вова Егора не узнавал.

Широкое лицо изломанного в раннем детстве, с трудом передвигающегося, неуклюже крутящего диспропорционально развитыми конечностями, смешно приволакивающего сухую левую ступню и загребающего пространство кривыми руками разной длины, несчастного по сути

человека, всегда сияло удовольствием и счастьем. Он сохранил детскую способность радоваться белому, зеленому, желтому и синему цвету в природе, сдержанно умилялся воде, ветру, снегу, ласково касался молодой листвы, подмигивал небу, взглядывал на солнце. Или же, перешагнув рубеж взросления, он просто научился это делать?

Жизнь его началась в боли и унижениях. Благополучная школа свирепо ополчилась на эстетически чужеродного, пусть и хорошего ученика. Сложно представить, сколько нервов потратила хрупкая мать мальчишки «с ограниченными возможностями» на борьбу. Воевать пришлось с не признающими собственных фактурных уродливостей, пугающими истощенно-скелетной грацией или водянисто-пухлой весомостью, разношерстными бойцами педагогического фронта, ограничивающими и без того малые возможности паренька. Премного диспропорциональные, очевидные уродства учителей ой как заметны на ладном фончике их стройненьких учеников. Кто бы говорил!

Порою школьный фронт уродов одерживал победу и Вову ненадолго отправляли в интернат. Но, все-таки, он доучился. И чуть не обзавелся золотой медалью; чего-то там у них на выпуске не получилось, поскольку в интернате были тройки.

«Теперь живет и радуется, – размышлял Егор, – и ведь никто его не тюкает, как раньше. Живет ясно, просто, делом понятным и полезным занят. Дай Бог ему здоровья! А я так не умею. Приблизительно счастлив только лишь когда на репетиции чего-нибудь срастется или в спектакле внятно проживу. И все! Природу-то давно не замечаю, не то что радоваться, ощутить ее нет сил. Совсем не так я представлял себе актерство. А, может быть, я изменился?»

36

– Егор Сергеевич, просыпайтесь! Весь неуемный коллектив сидит уже в вагоне-ресторане. Да. И с нетерпением алчет вашего прибытия! Если замешкаемся, то рискуем проводить торжественную часть в среде нетрезвых поселян и поселянок. Высокое жюри присудило вам премию за лучшую мужскую роль! Да-да. Примите поздравления! Коллеги этот случай отмечают. Особо резвые уже наотмечались, – низкий голос Бенуа звучал патетически-иронично.

– Который час? – спросил Егор.

– У вас есть пять минут, а время суток в этой ситуации не важно.

В дверях прогретого купе стоял Георгий, впуская в душное пространство пропитанную

железнодорожными ароматами коридорную свежесть. Глаза режиссера транслировали из-под очков такой несвойственный ему отеческий восторг. За окном мелькали окошки встречного поезда. На столике позвякивали ложками придуманные двести лет назад, не желающие покидать современность, граненые паровозные стаканы в металлических подстаканниках. Тонко поскрипывали стенки полка и перегородок.

- Так что, действительно гран-при?

- Большая премия, не сомневайтесь. Завтра вам придется опять полететь на фестиваль. Олби уже заменили, билеты приобрели, гостиницу забронировали. И даже весь коньяк пооткрывали, дожидаясь пробуждения звезды. Назрела угроза остаться без любимого напитка. Вставайте, пожалуйста!

Еще не окончательно проснувшийся лауреат, одеваясь, обнаружил на столике незнакомую увесистую общую тетрадь в старомодной дерматиновой обложке, открыл ее на первой странице и обомлел. Витиеватый почерк Рябушинской обдал теплом и светом институтских лет.

«У парня умирает отец. Юноша узнает, что папина душа не упокоена, поскольку почил он не своей смертью, а был отравлен собственным братом, и мама тут же вышла замуж за отравителя. Парнишка то ли сходит с ума, то ли прики-

дывается сумасшедшим. Ясное дело – такие переживания. Во всяком случае, он решает вывести всю эту мерзость на чистую воду и как-то отомстить. В результате – куча смертей. Мальчишкина невеста сходит с ума и тонет. Друзья оказываются предателями. Отравитель тем временем приготовил яд уже и для юного мстителя. Но вмешивается провидение, яд случайно выпивает мама. Интрига раскрывается, мерзавца настигает месть, параллельно гибнет еще несколько человек, в том числе и герой. Короче, все умерли. Подгнило что-то в датском королевстве. Такую верхушечную, детективную тракточку шекспировской истории поставит даже средний режиссер. На то он и средний, чтоб вульгарно, пошло, прямо дудеть сюжет и пересказывать наружную канву событий. Мне с Лановым такие вульгаризмы не годятся. Мы с ним поглубже будем... – твердо писала Баба Дуся».

От поразительного чтения отвлек вновь заглянувший в купе Бенуа.

– Нашли подарок?

– Что это?

– Записки Рябушинской о «Гамлете». Ваше имя там почти на каждой странице. Мешалкин раскопал в архиве ВУЗа. Рассказывает, что хранил тетрадь два года, оправдывается желанием издать. Мне совершенно не понятно, зачем он медлил столько времени, и что его подвигло выдать

это нам сейчас. И на том спасибо! Прочтете повнимательней, поговорим. Но уж не обессудьте, я сделал себе копию.

- Так я могу это забрать?

- Конечно. На правах наследника. Из текста это ясно видно.

37

Режиссера Семена Чехова Егор увидел на репетициях церемонии вручения фестивальных наград. Сёма не то что бы очень опсовел или сильно заматерел за эти годы, он как-то весомо оборзел. Солидный постановщик церемонии, модный эстрадный продюсер, был замечен изда- лека. Всеобщее внимание и почитание ему шло.

Три дня, с толком, чувством, расстановкой, аккуратно и матерно, но не желчно, он отчитывал многочисленную группу закулисных администраторов, сдержанно грозил подчиненным увольнением, ловко жонглировал выступлениями набивших оскомину ньюсмейкеров и неизвестных лауреатов, жестко управлял техническими службами, единолично рулил сотнями людей.

Красивее не стал, но шарма гламурного набрался. Как он был одет! Джинсы, пиджаки, сорочки, жилеты элитарных брендов менял ежедневно. А перстни, браслеты, очки и часы?! А но-

утбук, смартфон, автомобиль?! А стрижка?! Красота! Настоящий сильный режиссер, помпезный персонаж тусовки, реальный хозяин жизни. Такие водятся только в столице.

Ранее не свойственная ему, слегка сварливая, подчеркнута акающая речь Семена отличалась от нормативного произношения как говор московских таксистов от идеальной подачи новостийных текстов федеральными телеведущими. Острая речевая характеристика выявляла признаки истинной звезды. Окружающие провинциалы должны были почувствовать, что рядом особенный человек, не им чета. Это, наверное, трудно, не будучи реально известным, постоянно поддерживать образ знаменитого, состоятельного и состоявшегося мужчины. А впрочем, у каждой профессии свои технологии.

Семен великодушно обрадовался возникновению однокашника, залеченный годами институтский конфликт не вспомнил, и предложил продолжить разговор после прогона связок для телеверсии финала фестиваля. Егору было интересно, чем грезит бывший однокурсник, чем живет, к чему стремится. Отработав вручение, они уселись в напоминающий БМП, здоровенный сёмин «Хаммер».

– Сейчас поедем на Ходынку. Надеюсь, эта ночь у вас свободна, господин лауреат?

– Да. Что там будет?

- Там будет еще одна моя репетиция. Не бойся, нам хватит времени поболтать спокойно, вторые режиссеры ее проведут, - быстро объяснил Семен, толком ничего не объяснив.

На выдавшем виды Ходыньском поле, закопанном в асфальтово-бетонный панцирь взлетно-посадочных полос бывшего аэродрома, репетировали посвященное юбилею столицы, недавно вошедшее в картину городского уклада праздничное шествие благодарных вассалов и простого люда, адресованное деятельному, падкому на лесть, любимому градоначальнику. Чего только не затевалось неугомонными москвичами на Ходынке. И вот опять.

Плоское пространство было расчерчено прекрасно видимыми в шифоновых сумерках наступающей ночи жирными белыми полосами, обозначающими в пропорции «один к одному» Тверскую улицу со всеми переулками, номерами домов, названиями магазинов, перекрестками, киосками и светофорами от Пушкинской улицы до Манежной площади. Вот это размах!

Сотни автобусов привезли туда тысячи участников - детских и профессиональных хореографических ансамблей, оркестров, спортивных групп, солдат в парадной форме всех родов войск, цирковые номера и целые аттракционы с животными, гимнастами, клоунами. Плюс к этому, паноптикум ростовых кукол, экзальтиро-

ванных статистов и тонны реквизита. На старте нетерпеливо урчали моторами, фыркали бензином и били резиновыми копытами не окончательно оформленные декорированные машины с нарядными длинномерными платформами, уже готовые начать движение. Мистический синтез советской первомайской демонстрации восьмидесятых и современного бразильского карнавала. Ух!

Егор впервые, и в последний раз в жизни, посетил настоящий голливудский съемочный трейлер, используемый группой под гримуборную для занятых в проекте шоу-звезд, а также под буфет для небольшого круга избранных. Ланов стал почетным гостем этого картонного Олимпа и, выходя покурить, ловил на себе завистливые взгляды десяти вторых режиссеров, к Олимпу не допущенных.

Сёма рассказал о семье. Модельная жена, идиотка, свалила. Отстригла, падла, небольшой кусочек состояния; погналась, наивная, за нефтяным купцом, а тот ее не то что в жены не возвел, так даже старую семью не бросил. Теперь в официальных полюбовницах сидит. Чехов вовремя успел произвести и выпестовать сына, в Объединенном королевстве учится мальчишка.

Как только Егор принимался рассказывать о своей реальности, беседа плавно скатывалась к новым фактам чеховской биографии, к свежим

проектам, женитьбам, любовницам. На сей раз Семен утверждался в решении облагодетельствовать девушку честную, простую, недалекую, добрую. Новоиспеченный Пигмалион никак не мог ее найти. Советовался, может, выудить из провинции? Помимо руководимой им карманной коммерческой фирмы для столичных властей, у Чехова еще работало личное гастрольное агентство, поставляющее антрепризные халтуры в города-миллионники. Денег хватало.

Егор советовал смотреть по сторонам пошибе, множить круги общения, бог даст, и сыщется. Что тут еще порекомендуешь? Не менять же образ жизни. Советовал и кис. Восторженной напыщенности бывшего знакомого понять и разделить он не умел.

Издыхающее общение спас крупный секьюрити-привратник. Шествие с номерами, оказывается, прогнали уже два раза, отпустили коллективы по домам, пристроили машины ночевать на поле, но в суматохе потеряли слона.

- Как потеряли, он же слон! - грозно гаркнул постановщик.

- Цирковые уехали, оставили дрессировщика, который заснул в контейнере с бананами, потому что все нажрались! И не дрессировщиком он оказался, просто за животными убирает и кормит. Вот проснулся, извиняется, но слона нет, - помаргивая рыжими ресницами, докладывал

отважный охранник несомненно заученный со слов перетрусившей режиссерской группы текст объяснений крутому руководителю проекта. Пришлось поехать на поиски.

Нашли мятежное животное в нескончаемых рядах помоек аэровокзала. Горемыка выжидал хоботом из контейнеров какую-то съестную дрянь. Пользуясь неразберихой нарастающей ругани, не попрощавшись, Егор прыгнул в первое такси. Как истинный приезжий, опрометчиво пообещал любую плату за проезд, выдал у гостиницы желторотому московскому рвачу заоблачную сумму, доспал остаток ночи и повез домой весомый приз с тяжелым сонмом громоздких непоняток о мироустройстве.

38

Обоснованное дружбой с поверженной Императрицей закулисное прозвище Принц, присвоенное еще в период долгого высиживания больших ролей, когда фактурному актеру выдавались в работу только излюбленные драматургическими сказочниками бесполое и бесхарактерные дети августейших особ разных народов, оказалось пророческим.

Доска приказов на служебном входе вскоре украсилась распределением ролей в спектакле

«Гамлет». Роль Принца датского досталась Е.С.Ланову. Соратники по сцене жарко поздравляли. Какая удача!

Сам же счастливец, мастеровитый признанный актер снаружи и робкий инфантильный юноша внутри, был напуган до оторопи. Егор страшился не сыграть, как подобает. А вдруг не същутся в его скромном естестве необходимые для выращивания великой личности загадочные складочки души, едва заметные морщинки сердца, которыми питаются зерна героев? Ни разу в жизни он не мстил и не боролся, и не любил он так, и не страдал. Отнюдь не выдающийся характер. Случись с ним что-либо похожее, зачах бы в воспаленной боли или бесславно утонул в слезах. А тут.

Полный набор героических (как, впрочем, и низменных) зачатков дремлет в каждом из нас. Ты попробуй их прояви! Единомышленник в таком труде бесценен. Доступная немногим тайна репетиций куда интимнее, чем страсть любовников, сильнее, чем материнская любовь и, может быть, повыше жажды жизни. Зачатие ролей происходит в кругу чужих тебе людей, с которыми ты удивительно срастаешься на время. Поди тут, проясни, кто автор роли.

Эффективно освоивший интеллектуальные и волевые методы приведения себя в творческое самочувствие, старательно выуженные из

разных театральных систем, Егор не сумел бы лаконично сформулировать суть профессии, он ее только ощущал. Словами этих ощущений не поведать.

Высшая близость нескольких ненормальных Созидателей, замысляющих иную реальность, взявших на себя смелость конструировать сгущенную модель мира, не может опираться на математические нормы реальности, на бытовые основы; она жива всем самым лучшим в тебе, чистым и мудрым. Осознать, как это работает нельзя, возможно только почувствовать.

Гамлет продирался в мир сквозь нудные застольные читки, мелькал между строк десятка различных переводов шекспировского текста, прятался под обложками книг «Младшие современники Шекспира» и «Тайна Великого Феникса», был ярко виден из записок Рябушинской, ускользал от затяжных коллективных споров, проглядывал через задачи Бенуа, разваливался при разборе, вновь собирался в емкий образ, когда за анализ бралась Екатерина Петровна.

Белая родовая горячка завершилась с выходом из-за стола. Как только стали проходить куски ногами, рожденный в муках, вымотавший нервы, сценический ребенок окреп, бросил фальшивить, начал обрастать повадками, проявлять характер, потрясать откровениями.

Задуманные столько лет назад идеи Дульсинеи воплощались. Георгий Александрович нашел им, как обычно, непростые выразительные формы. В особенности удачно, даже колоссально, получалась сцена фантастической материализации тени Гамлета-отца, чудесный момент перехода мятущейся обиженной души погибшего мстителя в реальность, в тело Гамлета-сына.

Егор сыграл два непохожих, абсолютно разных образа в одном спектакле. Отец, как Высший разум, пришел в действительность исправить вывих, и в молодом беззаботном студенте резко разбушевались взрослые страсти. Никакого сумасшествия, только обида, боль и месть. С какой бы это стати целомудренный парень взялся бы резко корчить из себя безжалостного, опытного, мудрого, изобретательного мстителя? Конечно, папа в нем звучал. Юнец проявился как зрелый мужчина. Отцовский дух двигал его поступками.

Работая над «Гамлетом», Егор прислушивался иногда к себе, пытаясь обнаружить голос своего отца. В глубинах собственного существа он слышал только тишину. Не знал о том, что молоденький курсант Серега Ланов нелепо утонул, впервые встретив Балтийское море, в обидном неведении ни о возможной семье, ни о рожденном сыне.

Так и заслуженному артисту России, Егору Сергеевичу Ланову, никогда не будет дано узнать про подрастающего где-то в окрестных пятиэтажках у полосатой гостиницы, отмеченной почти уже сгоревшими неоновыми буквами «НИЦА», длинноногого мальчика с коротким пенисом и белесым леском густых волосков на запястьях.

39

- А где туалет? Я в туалет, - лепетал заблудившийся в кулисной части сценической площадки Дворца спорта очень юный зритель большого новогоднего шоу.

Гигантские декорационные станки и софитные фермы делали фигурку маленького человека еще более мелкой. В таком окружении он выглядел воробьем, или даже птенцом воробья на лапе у сфинкса.

- Хочу туалет! - растянулись детские губы в восторженной улыбке.

- Ах, какие у нас зрители веселые по кулисам бродят! Смелые такие и требовательные, - заразился мальчишкиным ликованием Егор, надевая громоздкий и, как говорили костюмеры, феерический сюртук.

- Туалет, - продолжил мальчик, как новое лакомство, пробуя на вкус недавно познанное слово, - туу-аа-лет!

- Как тебя зовут?

- Туалет, - тихо прошептал гость закули-сья, и через паузу напряженных воспоминаний добавил: - Саша.

- Ясненько! Зовут тебя «Туалетсаша»! Правильно?

- Нет! Просто Саша! - заливался смехом карапуз, и во все глаза таращился на интересно говорящего смешного дядьку в сказочном костюме.

- Эх, Саша, Саша, не с той ты стороны зашел! Здесь только гримуборные и всякие карманы сцены, а туалеты все с другой стороны. Ты тут один путешествуешь?

- Нет, с мамой.

- А где же мама?

- Там...

Он махал руками по сторонам, оглядывался в разные стороны, несколько не расстроенный положением потерянного ребенка, комично морщил лоб, удивленно пожимал плечами и улыбался.

- Где там?

- Там! А ты кто?

- Апрель.

- Апрель?

- Апрель. Ты сказку видел?

- Да.

- Тогда скажи, кто сделал так, чтобы весь лед растаял?

- Апрель, - уверенно произнес малыш и вновь наморщил лоб.

- Так это я и есть!

- Ух, ты!

В опасной близости к электрическим щиткам, запинаясь о сплетенье проводов, будто мокрая орлица в сторону гнезда, из бархатного лабиринта вылетела растрепанная родительница.

- Так вот ты где! Пойдем скорей, - щебетала счастливая мама. - Спасибо Вам, что Вы его нашли!

- Такой не пропадет, он сам нашелся, - улыбнулся Егор.

- Туалет, - настойчиво напомнил вновь обретенный блудный сын.

Минуту мальчик думал, а потом добавил:

- Апрель.

- Какой еще апрель? - не поняла мама.

- Апрель сегодня - это я, - все шире улыбаясь, пояснил Егор.

- Очень приятно! Светлана Викторовна.

- А с вашим коммуникатором мы уже познакомились. Ну, Саша, топай в туалет!

- Туалет, - опять чирикнул пацаненок.

- Уважаемый Александр! Пока ты упражняешься в риторике, может случиться непоправимое. Танец телепузиков вы уже просмотрели, вот он и закончился, слышишь? А у нас еще есть цирковые акробаты, воздушные гимнасты, клоуны и куклы! В мокрых штанишках воспринимать искусство не годится. Так что, быстренько в туалет, и в зал! Договорились?

- Договорились! Апрель!

- Каким же болтуном растет, - умильно сокрушалась молодая мама.

- Вы с проводами там осторожней, - предупреждал Егор их напоследок. - Пройти за сценой будет ближе, это верно. Удачи вам!

Но мама с маменькиным сынком немного замешкалась на свою голову. Со сцены за кулисы уже вываливались телепузики - огромные ростовые куклы, изображающие героев западного детского сериала, изготовленные из металлических каркасов, поролона и плюшевой ткани. Перед выходом в них упаковывали несчастных студентов. Во время номера атмосфера в пузе телепузика раскалялась градусов до сорока, а то и больше. Теперь ребята сбрасывали тяжелые головы, срочно помогали друг другу расстегнуть тугие застёжки на спинах, выпрыгивали из объемных теплых тел и, схватив специально приготовленную минералку, остывали.

Саша потрясенно смотрел на ужасное зрелище, не слушая маминых уговоров. Особенно пристально он оглядывал понурюю тушку самого близкого к нему, обезглавленного телегероя, и вдруг пронзительным коровьим ревом прокричал:

– Мама! Телепузика убили!

До слез напуганная мамаша, обеспокоенный Егор, взмыленные студенты и готовящиеся к выходу акробаты наперебой утешали разревевшегося детеныша. А тот испытывал подлинное горе, возможно, первое в маленькой жизни. Старался, но не мог успокоиться. И ведь был прав. У него на глазах человек покинул туловище, а тело без живой начинки ужасает.

Кажется, это был последний детский спектакль в карьере артиста Ланова. Дирекция посчитала излишне расточительным тратить репетиционное время возрастного актера, мощно занятого в серьезных проектах, на приготовление дешурных сказочных поделок.

40

Кардинальные жизненные перемены возникают незаметно, как раз в тот самый период, когда ты наконец-то ощутишь удачную незыблемость сложившейся основы. Но ведь в основе этой

- время, а времена идут, они проходят. Интенсивно растущий человек безостановочно проходит свое время, и вот уже идет по новым временам. Простые мудрецы не видят в этом драмы, радуются мировым новостям, мирятся с малопонятным свежим поколением, с его диковинными внешними признаками, странными ритмами, авангардными чертами.

Репетирующий финальный спектакль в их театре, режиссер Бенуа изменил всем своим принципам, методам и привычкам. Выпуская «Ключки из записок сумасшедшего», он очень торопился, видимо тоже предчувствовал скорую смену времен.

В жизни Егора вновь появились Гоголь и Поприщин. Спектакль родился в несколько застольных вечеров. Непривычно экспрессивный режиссер давно его придумал и теперь обосновывал замысел хлестко, ярко, даже нервно. Некая сумасшедшинка сопутствовала их репетиционным застольям. Уже на первую читку Георгий вызвал весь постановочный коллектив, а по ее окончании разразился многодневным монологом.

«Вам хочется узнать, зачем сейчас «Записки»? Хотя всем нам давно и хорошо известно, «что у алжирского дея под самым носом шишка». Да и болтовня гаденьких собачонок не удивляет ныне даже самых впечатлительных подростков, поскольку школа безапелляционно и

уныло уже поведала им о пристрастии странного классика девятнадцатого века к разнообразной мистике и всяческой чертовщине. Задумчивая мистика двухсотлетнего классика на фоне сегодняшних видеострашилок и 3D-ужасов действительно воспринимается как нечто обыденное, постное, прозаичное.

Так почему же эту небольшую гоголевскую повесть в сотый раз упрямо волокут на сцену на протяжении сотен лет? Емкая и лаконичная форма? Необозримые горизонты для постановочных трактовок? Яркий герой? Возможность сыграть пограничные состояния личности? Комическая трагедия? Ироничная драма? Масса тривиальных, хорошо узнаваемых образов? Хорошая тысяча бытовых нюансов, за которые так удобно хватываться, достигая органичного существования? При этом, не меньшее количество ассоциативных обобщений и диковинных символов, которые как не играй, все равно получится весомо и значимо.

Да, именно так. Но, прежде всего – автор. Прежде всего – тема. «Записки» актуальны именно ей. Актуальны нам, сегодняшним. Гоголя активно издают и ставят в периоды относительной стабильности общества, когда, изрядно наевшись и наевшись революций, непритязательный российский люд вдруг начинает задумываться об основах этой стабильности и своем

месте в фундаменте сложившейся жизни. Ярким тому доказательством служит грандиозный постановочный бум восьмидесятых годов прошлого века, когда во многих городах в один вечер шло несколько «Записок» на сценах разных театров.

Титулярный советник, коллежский регистратор, губернский секретарь, столоначальник, мелкий чиновник, служащий или МЕНЕДЖЕР – все это новые русские разных времен. В конце концов, не так уж важно, как зовется эта общественная группа в разные эпохи. Она – в основе стабильности.

Не узенькая прослойка жирноватых состоятельных господ, существующая на этом свете всегда, во всех больших или малых общественных системах. Речь идет о сложившемся в современной России последних лет многомиллионном классе офисных служащих. Условно говоря, о креативном классе. Хотя, ничего в них нет креативного. Речь идет о классе молодых служащих, чья молодость весьма относительна (многим-то уже за сорок). Это прилично образованные люди «без локтей». Просто хорошие и абсолютно не пробивные. Люди, запертые в прихожей жизни. Ах, как сложно найти из нее выход! Да и возможно ли? Вот она, пресловутая переключка эпох. У нас, похоже, опять сложилось поколение «поприщинных». Или только складывается? Так ли уж

безрадостно и уныло его будущее? А у нынешних «поприщинных» как-то иначе?

Конечно же, на новом этапе общественного демократического развития России мелкая чиновничья братия существенно видоизменилась. Но офис необходим, он вечен.

Менеджер сегодня – это неожиданная смесь коллежского регистратора с приказчиком в купеческой лавке. Менеджеры теперь чаще всего служат не громоздкой и безжалостной государственной машине, а более или менее самодурствующему хозяину более или менее крупной «фирмёшки». Иерархия в подобных коллективах не менее жесткая, а чаще – очень жестокая. Никакие одаренности и прекрасные профессиональные качества значения не имеют. Занятно, но именно там часто звучат слова о перспективах роста, личностном развитии, карьерном успехе. Так ли уж прогрессивно и радостно менеджерское завтра? Опять «подгнило что-то в датском королевстве»?

Какое место отводится христианским ценностям в перспективах роста, развитии и успехе современной России? На каких основах собираются строить светлое российское завтра наши очередные великие руководители и на чем базируется прогресс нынешних амбициозных национальных проектов? Как все это хозяйство повлияет на судьбу конкретной (еще не сошедшей с

ума) личности? Не случится ли так, как двести лет назад, когда период стабильности с легоньким запашком безысходности уверенно перешел в годы разложения, в эпоху окисления, как назвал ее Достоевский?

Все эти вопросы можно и нужно задавать вам, творческому коллективу. Но упаси вас господь впрямую иллюстрировать постановочными средствами те выводы (пусть даже самые верные), к которым мы придем. Спектакль делаем, а не аналитическую программу для ТВ, понимаете? В центре нашего повествования – личность; ее отношения с внешним миром и с собой. Личность одаренная, цельная, интересная, утонченная. Ну, а о внешнем мире мы еще поговорим.

По жанру это – исповедь. Если хотите, драма ищущего духа. Трагедия безысходности. Безумие самоанализа и въедливый анализ внешних факторов. Вот видите, как все серьезно! «Хожение души по мытарствам», – еще одно спасибо Достоевскому за точность формулировок!

«Записки сумасшедшего» – пожалуй, единственное произведение Гоголя, где труднейший анализ реальности совершает не автор, а герой. Анализ этот может происходить только на грани психического равновесия, ведь речь идет о смысловой бесконечности, о глубинах сознания, которые открываются человеку, к сожалению, только в состоянии безумия.

Это ни в коем случае не моноспектакль. На сцене предполагается постоянное присутствие двух героев (Поприщин и Мавра). На самом деле, зритель увидит практически всех персонажей, заявленных автором, а также все жанровые картинки (наиболее значимые действенные факты), которые осмысляет и переживает Поприщин.

Зримое отражение мира в мысли. Визуализация переживаний. Аккуратное использование в сценическом действии приемов театра кукол и театра теней в сочетании с анимацией предметов бытовой среды должно помочь в создании сложного по структуре, но ясного по восприятию, оригинального театрального повествования.

Исходное событие, как водится, находится за рамками нашего повествования. Мы видим Поприщина уже перешедшим грань нормальности. Десятилетия безысходности уже сделали свое дело. Перспектив роста, личностного развития и карьерного успеха не будет никогда, это ясно. Кризис надежд и ожиданий уже свершился. Исходное, как все в этом мире, элементарно. Поприщину не платят (сокращают, задерживают) жалование.

Хотелось бы обратить внимание на то, что окончательное определение исходного события мы с вами найдем в процессе репетирования, и оно может разительно отличаться от предвари-

тельного. Важно одно – в жизни этого человека случилась «последняя капля».

Все последующие события на уровень событий не выходят. Это скорей – действенные факты, которые воспаленное сознание доращивает до степени полноценных событий. Вот, прислушайтесь, призадумайтесь...

Разговор собачонок. Встреча с дочерью директора департамента. Конфликт с начальником отделения. Посещение театра. Подглядывание в будуар Софи. Кража писем собачонок. Известие о свадьбе любимой и камер-юнкера Теплова. Газетная новость об отсутствии короля в Испании. В Испании есть король – этот король я! Посещение департамента в статусе короля. Прогулка инкогнито по Невскому. Пошив мантии. Переезд в «Испанию», знакомство со странными обычаями и государственным канцлером. Канцлер оказался великим инквизитором. Полет (уход из этого мира).

Все это для героя очень событийно. Он постоянно ищет выход. В любви, в повышении статуса, в возвышении. И находит единственно возможный – в возвращении туда, откуда явился в этот мир. Туда, где Матушка.

А вот и вульгарное изложение великого сюжета, по методу Рябушинской, – менеджера много лет не повышали в должности (последнее

время ему даже понижали зарплату), он сошел с ума и умер.

В отличие от наиболее знаковых героев «Петербургских повестей», Ковалева и Башмакина, наш Поприщин не примитивен, он не придурок. Хотя заложенная в повесть потрясающая по своей точности клиническая картина сумасшествия уже сыграла злую шутку со многими постановщиками. Придурок и душевнобольной – вовсе не одно и то же. Он так же придавлен фундаментальной стабильностью, так же коряв, жалок, бесперспективен и слаб. Но. Он постоянно ищет выход. Пусть даже за гранью реальности.

Сценографу необходимо добиться ясного и точного образа прихожей. Возможна прямая стилизация сценического пространства под людскую комнату городской усадьбы девятнадцатого века.

Обязательно присутствие большого кованого сундука, на котором спит и в котором хранит свои пожитки Мавра, а также большой напольной вешалки с мундирами, зонтом, головными уборами, шинелью. Весомая деревянная бочка, разнокалиберная мебель, самовар и дрова – вполне уместны. И, конечно же, понадобится большое количество разнообразных сапог с разными голенищами, Гоголь все-таки.

Принципиально присутствие в оформлении полых ставок с наклеенными на них обоями (стены). Рисунок обоев – вертикальные полосы и

цветочный орнамент в стиле «русский классицизм». Подобные недорогие обои несколько задержались в веках, и по-прежнему продаются в наших хозяйственных магазинах. К финалу спектакля Поприщин разорвет эти стены в клочки. За стенами, естественно – «черный кабинет» – глубокая темная бездна и «звездочка сверкает в дали».

В нашем сценическом пространстве будут куклы. Много кукол! Их присутствие в спектакле вполне обосновано. Второй герой повествования – Мавра – не только бессловесная тень Поприщина, но и активный участник происходящего. То есть она бессловесна, но не бездейственна. Вполне резонно допустить, что Мавра не только чистит сапоги, приносит умываться, занимается прочими домашними тривиальностями, но еще и мастерит незатейливых лоскутных кукол для продажи.

Кстати говоря, за двести лет подобные куклы без лиц и продающие их «мавры» не особенно-то изменились. Летом прошлого года на городском празднике в «Литературном квартале» мне случилось с ними увидеться. Причем, это не было этнографической инсценировкой, несколько теток со стертыми лицами действительно пришли продать десяток-другой куколок и не хотя рассказали, что умение их делать унаследовали от бабушек.

Идея трехчастного строения мироздания, заложенная в этом простеньком предмете, является своеобразным отражением отголоска суждений наших предков об окружающем мире. По их представлениям, нижняя часть декора куклы говорит о соприкосновении со средой обитания мрачных сил – «навью», средняя часть – с материальной средой окружающего мира – «явью», головной убор – с небом, «правью» (сферой радости, счастья, правды). Вполне гоголевский мотив, как вы считаете?

А еще Мавра наверняка играет в куклы и Поприщин время от времени присоединяется к игре. Вот здесь-то зритель и увидит других героев гоголевской повести, персонажей мира, располагающегося за стенами прихожей. Куклы помогают Поприщину смоделировать свершившееся недавно событие, отжить произошедшее, переосмыслить его. В игру могут вовлекаться и предметы бытовой утвари. Почему бы сапожным щеткам не стать вдруг гаденькими собачонками, а круглой деревянной крышке от бочки, крепко пахнув квашеной капустой, не превратиться в луну, ведь «делает ее хромой бочар, и видно, что, дурак, никакого понятия не имеет о луне и оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос».

Большая надежда на наших мастеров-осветителей, поскольку спектакль предполагает

сложную световую партитуру, массу контровых и фронтальных световых эффектов, точечную нюансировку и тому подобное.

Если не будет возможности написать оригинальные музыкальные акценты и лейтмотив, будем использовать в этом качестве своеобразный микс из фрагментов сюиты Шнитке «Ревизская сказка» (возможно, в оркестровой редакции), или его же хореографической фантазии по мотивам Гоголя «Эскизы». Дополним музыку звуками сегодняшнего мира (обрывки электронных мелодий, джинглы радиостанций, звонки мобильных телефонов, заставки телепрограмм, характерные звуки работающей оргтехники).

Данный прием оправдан балансированием сознания героя на грани небытия, на грани времен. Пожалуй, этот микс может стать единственным намеком зрителю на то, что происходящее современно, своевременно и касается его напрямую. А впрочем, эту придумку необходимо проверить репетиционным периодом, в прогоне поглядим».

Динамичный репериод доказал актуальность практически всех прозрений искусного мастера. Автор-коллектив мощно, откровенно и честно воплотил замысел. Особенно неподражаема была Сапогова, игравшая Мавру, вцепившаяся в интересную работу, как маленькая девочка в давно ожидаемую куклу.

Елена Всеволодовна приносила в каждую репетицию удивительные находки и, почему-то плача, благодарила за распределение. Отличная актриса ежедневно находила в великом тексте колоссальные возможности для оживления не только кукол, но и костюмов, мебели, предметов. Ее стараниями на площадку вышли действительно все выписанные персонажи гоголевского шедевра.

Триумфальных премьер Бенуа не увидел, срочно уехал на похороны сына и сразу переселился в столицу, поближе к обезумевшей от потери, требующей постоянной заботы, бывшей жене. Спектакль выпускала Романова.

41

Город прижала жара, вот уже вторую неделю он жил ожиданием прохлады и хоть небольшого дождя. Тот июль вообще выдался необычайно знойным. Настолько солнечного месяца в жизни Егора больше не случилось.

Воспаленные горожане, почти опустошившие прилавки магазинчиков и киосков, торгующих напитками, продолжали носиться по своим неотложным делам, но уже не так резво, как обычно. Десять дней невероятного зноя замедлили ритмы традиционного городского сумбура.

Театр укатил на малые гастроли. В воздухе зависла акварельная дымка слоистого смога.

На подъездах к уже изрядно зацветшим озерам выстраивались километровые пробки. Переполненные ближние пляжи, с извечными воплями популярных шлягеров про кокосы и бананы, угощали отдыхающих длинными очередями за теплой газировкой, плотной укладкой разгоряченных тел на одном квадратном метре, краткими вспышками бытовой ругани и прозрачными надеждами на получение лодок или катамаранов. Пронзительно алые лица самых динамичных, уже успевших позагорать, соотечественников яркими фонариками маячили в серой сутолоке расплавленных улиц, вокзалов, супермаркетов и пешеходных переходов. Жарко.

Раскрасневшийся мегаполис оставался за спиной. Съемочная кавалькада из пяти машин ехала в глухой и уж наверняка не раскаленный мужской монастырь. Егора сунули в шумный микроавтобус к операторам, ассистентам и осветителям. Странно, но бравурная болтовня киношников ему абсолютно не мешала. Он вновь перечитывал столь понравившийся изначально сценарий, изучал раскадровку и вновь не разочаровывался.

Роль монаха в рекламе – не бог весть какая великая удача для приличного актера. Но он очень хотел хорошо сыграть эти тридцать-сорок

секунд экранного времени. Даже безропотно согласился участвовать в кастинге из двадцати лиц.

Сюжет был прост и очарователен: утром монах идет к роднику за водой с деревянными ведрами, подвешивает полные ведра на коромысло, слушает пение птиц, скрип деревянных мостков под своими ногами, по ведру стекает капля, падает на тропинку, из лужицы мгновенно вырастает прекрасный цветок во весь экран, а в фоновой части кадра виднеется черная фигурка монаха с коромыслом, подходящая к храму. Чудо чистой воды.

За автомобильным окошком мелькали заводские корпуса, рекламные щиты, автозаправки, транспортные развязки, газопроводы, переезды. Было приятно наблюдать, как эти признаки цивилизации постепенно уступали место сосновым лесам, болотам, березовым рощам, мелким речушкам и бесконечным полям.

Несколько часов пути не пугали. Смутное предвкушение чего-то светлого и очень хорошего уводило мысли Егора от вялых впечатлений долгого путешествия засушливым днем. В душе воцарялась атмосфера покоя, а глаза все чаще поднимались к безоблачному небу. Как у его любимого Леонида Андреева: «печать иного чувства, не передаваемого словами, не определяемого мыслью и доступного для понимания лишь такому же чувству».

Жить было очень хорошо. Киношники тоже присмирели. «Наверное, именно эти ощущения испытывают тихие паломники, ежедневно приезжающие к монастырским святыням» – подумал Егор.

Удивительно красивое и несуетное село встречало свежими ароматами лугов. Расположилось оно на реке с каким-то татарским именем. Как утверждал встретивший их солидный заказчик рекламного ролика, отец Алексей, измученные цивилизацией горожане находят здесь долгожданное умиротворение и утоление жажды.

- Кстати говоря, не только физической – вкрадчиво вещал Алексей, пристально разглядывая съемочную группу.

Они шли по берегу узкой реки мимо часовни, символизирующей волшебное обретение чудотворной иконы, прокладывали себе путь в чопорном шествии огромной стаи гусей во всю улицу и вежливо слушали уже несколько раз прочитанные ими в пути рассказы игумена Алексея о чуде давних времен.

В дни появления иконы из-под холма ударила струя ледяной воды. Местные жители тут же оценили ее необыкновенный вкус и чистоту (хорошей воды в болотистом крае отродясь не водилось), связав появление родника с удивительным пришествием иконы. Точнее будет сказать не пришествием, а «пришлытием», как выра-

зился игумен. Все тут же заметили, что водица не только снимает усталость, вселяя в сердце радость, но и помогает от разных немощей и недугов. За сотни лет, прошедших с тех времен, эти свойства родниковой святой воды подтверждались тысячами документальных свидетельств, и по сей день неиссякаемый источник помогает людям от разнообразных напастей. Стоит только взглянуть на сельские автостоянки, буквально запруженные заграничными автомобилями жаждущих пилигримов. Но главное в том, что монастырь, как истинный источник умиротворения, все-таки врачует души, вселяя в человека чувства гармонии и чистоты, не разбирая, на чем он сюда приехал.

А святыни монастыря – всероссийской почитаемости (и икона, и родник), об этом написано в книжке Алексия. Хоть Егор и не знал, что такое «всероссийская почитаемость», но звучало убедительно, хотелось благоговеть.

Специально нанятые настоятелем геодезисты разведали, что водяного пласта, которым питается родник, хватит еще лет на двести. Поэтому монахи всей братией решили пробурить рядышком скважину, поставили оборудование, заказали дизайн бутылок и этикеток, а теперь вот ролик снимают, чтобы водичка продавалась получше.

Игумен гордился своей предприимчивостью. Торговать святой водой из родника грешно,

а вот пробурить дырку в тот же пласт и продавать уже как бы другую воду, но добываемую в непосредственной близости от чудотворного источника – не грех никакой, а даже во славу господа. Храм они начинают строить еще один, намного выше старой церкви, денег на стройку теперь много понадобится. И мужиков из окрестных деревень на работы наймут, те хоть пить поменьше станут, делом займутся.

Ой, как много занятого и важного не увидел бы Егор в своей жизни, если бы знаменитый тятп-ляп-режиссер утвердил на эту роль какого-нибудь другого актера. Удивительная тогда получилась съемочная экспедиция. Каждая встреча, фраза, персонаж, изумляли и доставляли массу неизведанных впечатлений. Особенно непостижим был Алексей.

Ездил игумен на специально переделанной под объемы его тела (два задних кресла в одно) белой «Волге». Ни в какие другие автомобили он не умещался, поскольку был не просто толст, а необъятен и тяжел, килограммов на двести тянул, как минимум. Свойственное почти всем толстякам уютное добродушие в лице Алексея даже не проглядывало. Он просверливал заплывшими глазками каждого собеседника, грозно-брезгливо хмурился и пробуждал у группы необъяснимый трепет, смятение, страх. Какое уж тут умиротворение, сплошная тревога и жуть. Перед посеще-

нием родника потребовал показать ему грим и костюм, хотя снимать собирались следующим утром.

Сидя на гриме и приклеиваясь к бороде, Егор рассмешил группу прелестной по своей точности фразочкой давнего университетского приятеля Виталика Штока: «Господь един, только вот провайдеры у него разные». А этот наверняка считает, что Бога нужно бояться, а не дружить с ним.

Вблизи родника, под крышей соснового бора, беззаботно щебетал птичий хор, под ногами скрипели деревянные ступени. В гриме и костюме Егор спускался к источнику. Сквозь широкие кроны пробивались ласковые солнечные блики, воздух был прозрачен и тих. Глоток прохладной, чистой, сверкающей воды. Свежо.

От источника поехали ужинать в игуменское подворье. Мало кто из приехавших видел такое количество ковров и золоченой мебели. В этом доме было очень много громадных предметов. Посреди огромной столовой стоял широченный стол, богато сервированный на двадцать персон, сильно напоминающий хозяина дома. Высокий камин был уставлен портретами эстрадных звезд с автографами, стены увешаны иконами в тяжелых окладах и живописью на библейские сюжеты в массивных багетах. Половину одной стены занимал гигантский плазмен-

ный телевизор, а по углам расставлены узкие призмы колонок квадросистемы.

– У меня сегодня день ангела, – смиренно пропел Алексей высоким тенорком. И, превратившись в растерянного ребенка, продолжил, окончательно смутившись: – Стол, конечно же, постный, но пиво сегодня можно. Так вот получилось. Я сейчас благословлю вас на съемку, а потом давайте посидим, поговорим.

Группа радостно выдохнула и мигом бросилась излишне приторно, немного фальшиво, поздравлять именинника. А тот стоял у стола, рассеянно принимал поздравления, глуповато теребил домашний подрясник, все время поправлял крест и виновато озирался вокруг. Он вернулся домой с работы и к нему приехали гости.

Один из диалогов стандартной процедуры благословения Егора передернул. Каждый участник завтрашней съемки подходил к Алексею, представлялся, быстро крестился и целовал руку. Когда очередь дошла до молоденького фотографа Игоря, почти никогда не снимающего с шеи оттопыренную камеру, впечатляющую мощным стволом объектива, похожего на небольшой гранатомет, игумен спросил, улыбаясь:

– Крещен?

– Нет. И не собираюсь! – задорно кукарекнул Игорек.

- А что ж не покрестись? Я вот хотел попросить завтра пофотографировать в алтаре.

- Пофотографируем, почему бы нет?

- Туда некрещеным нельзя. Что ж не покрестись?

- Да мне и так хорошо.

- Ладно, буду молиться о том, чтоб тебе стало плохо.

Благодушная радость и трогательная растерянность исчезли с игуменского лица быстро, будто их кто-то выключил, и опять засверлили грозно-брезгливые глазки, а в интонациях зазвучала истерика:

- Может быть, тогда воцерковишься. В съемке участвуй, а в алтарь не пойдешь!

Трапеза добавила в уже и так грандиозную коллекцию монастырских впечатлений много нового. Только перед ее началом Егору было позволено снять грим и переодеться.

«Вот тебе и пост, вот это я понимаю, - думал Егор на третьей перемене, - наверное, именно так трапезничали русские промышленники царских времен, целые дни проводя в рестораторских кабинетах».

Алексий благодушно рассказывал из каких продуктов с его подворья приготавливалось каждое яство, как непросто и радостно держать большое хозяйство, а молодые послушники все приносили и приносили новые блюда.

В определенный момент ужина гости осоловели. Выезжали-то они ранним утром, а теперь за окошками зависала ночь. Интереснейший разговор о творчестве, о том, что «все это, в сущности, ересь и жалкое уподобление себя Создателю, но если это Ему во славу – тогда можно», двигался медленно. Сказать о том, что творчество – это вовсе не уподобление Создателю, а скорее постижение Им созданного, Егор не решился, испугавшись перспектив продолжительной дискуссии.

Когда хозяин великодушно разрешил покурить у птичьего двора, люди набросились на продюсера Гришу, требуя немедленного, обещанного еще днем, размещения в загадочной гостинице для паломников. Выспаться надо, снимать же планировали на рассвете. Пятидесятилетний Гриша что-то невнятно блял о тотальном зомбировании масс и предлагал всем вместе попросить о ночлеге. Они не знали, что вырваться из игуменского гостеприимства им не удастся еще два часа.

Вернувшись в столовую, обнаружили Алексея поющим в караоке «Осенний поцелуй после жаркого лета». На плазменной стене прыгали американские пляжные девки в откровенных бикини, и сиял красным цветом шрифт текстовой подсказки певцу. К финалу песни наивный хлебосол-мучитель заснул, уложив голову на

живот. Крепко сжимающая радиотелефон рука упала с подлокотника в сторону, но телефон удержала.

Алексий засыпал таким образом, неожиданно прервав разговор, в течение дня несколько раз – в машине, на скамейке у часовни, в храме. Занимало это не более пяти минут.

Вот и теперь, разбуженный звонком, он весело взглянул на вошедших гостей, коротко махнул в сторону стола, уставленного сладкими блюдами вперемешку с арбузными ломтями, и принялся решать какой-то безотлагательный вопрос.

Потом много пели и опять ели. Игумен вел себя как хвастливый ребенок, демонстрирующий новую дорогую игрушку. Он простодушно делился со странными городскими людьми своей радостью, не замечая растущего раздражения. Народ уже сдерживался из последних сил. Наконец, Егор решился предложить финальную песню. Высокий тенор засыпающего певца чистенько вывел три с половиной минуты патетических созвучий газмановских «Офицеров» и попытка караоке закончилась.

Переполненная разносолами и не менее щедрыми впечатлениями, сонно пошучивая над ситуацией, группа загрузилась в машины и двинулась к храму, на задворках которого обнаружился незамеченный ею раньше дощатый одно-

этажный сарай с одним окном. Это покосившееся строение называлось гостиницей. Самые сообразительные кинематографисты, моментально оценили уровень предлагаемого комфорта, помянули шепотливым матерком Алексея, и отправились ночевать в автомобиле.

Единственная спальная комната, примерно на сто койкомест, ударила в ноздри вошедших плотным запахом несвежего человеческого белья, пота, жареной картошки, березовых дров и воска. Вдоль стен, в два ряда, стояли двухъярусные металлические кровати, угол занимали маленькие разномастные иконы и несколько скромных лампад, на подоконнике светился десяток свечей, у входа потрескивала узкая печка.

Паломников было немного. Вместе со своими помятыми и, в основном, увечными телами, они привезли сюда измученные души, неизбывные скорби, ужасные горести, безрадостную жизнь. Да не привезли вовсе, большинство явно пришло пешком. Юных людей среди них не было. На койках сопели или бубнили молитвы старики и старухи, забинтованные платками безликие женщины, корявые дядьки в клочковатых бородах, попискивала пара младенцев.

Егор недоумевал. Ясно, что излишний комфорт гостинице для паломников ни к чему, но зачем же ей быть такой смрадной? Странно-

приимный дом вполне может быть чистым. Это же не тюрьма.

«Неисповедимы твои пути, Алексей – внутренне усмехнулся Егор, припомнив интерьеры и уклад жизни игуменского дома. – Все эти несчастные странники и мы, странные городские, очень даже понятны, удивительно странен их пастырь».

Остаток ночи залежалая сырая подушка кололась перьями, маслянистая смесь неприятных запахов мешала глубоко вздохнуть, а в голове крутился «осенний поцелуй после жаркого лета», как в караоке, проиллюстрированный обрывками картинок прошедшего дня.

Солнечную летнюю благодать снимали хмурым промозглым утром. Небо было затянуто блеклой стекловатой облаков, не оставляющих надежды на солнечный просвет. Хорошо, что Егор еще накануне сговорился с оператором о ракурсах и тщательно изучил раскадровку. Природа артиста бывает много сильнее самого замысловатого режиссерского рисунка. А этого режиссера, проворочавшегося ночь на заднем сидении своего «Джипа», вообще постигло скорбное бесчувствие.

– Снимайте уже как хотите. Солнце перед монтажом нарисуем, цифра же, – отвечал модный телевизионный персонаж на любой вопрос,

пристально глядя то на часы, то в небо, то в монитор. Сценарий он оставил в машине.

Отсматривая снятый материал, Егор удивился. Во всех дублях присутствовали контровые солнечные блики! Он бог бы поклясться, что во время съемки их не было. Чудо чистой воды! Кадры были емкими, многослойными, удивительно гармоничными. Ни в одном своем крупном плане он не разглядел фальши.

Обратный путь оказался намного короче. Солнце выглянуло как только начали упаковывать отражатели, софиты, тележки и операторский кран. Оно уже не пропадало, заново раскаля остывающий было мир.

Как-то уравновесила Егора та поездка. Насытила потрясающими впечатлениями. Казалось бы, ничего особенного не произошло, а вот ведь – стало легче и безмятежнее, что ли. Все в этом свете виделось просто и ясно. Бурная повседневная суета часто заставляет забывать самое важное, и как прекрасно, что случается, порой, об этом подумать. Жить тогда стало свежо.

Нежданно-негаданно на театральный трон вскарабкалась Елена Сапогова. Трон назывался худсоветом. Власть перешла из режиссерских рук

в акриловые коготки актрисы. Должна ж она была к кому-то перейти.

Елена Всеволодовна быстро изобрела себе тавтологическую должность «художественный руководитель художественного совета театра», чиновный опыт кулуарной борьбы не прошел даром. И внешне, вроде бы, ничто не изменилось. На деле поменялось все.

Одним из первых подзаконных актов послушного хозяйке органа коллективного самоуправления было решение о замене директора. Ныне процессом управлял упитанный отставной хозяйственник из министерства обороны. Да, перспективы стоят жертв. Елене нужен был «родной директор» и, как не цеплялся Андрей Сапогов за свою скандальную свободу, всеми силами отвращая перспективную невесту, а все-таки женился на пышнотелой генеральской дочке.

Рулить налаженными механизмами на первых порах легко. За год в театре не провели ни одной репетиции. А зачем? Прекрасно жили на репертуаре Бенуа. И на гастроли ездили, и фестивальные конфетки получали, пока не осознали вдруг, что зал пустеет. На главного никто из худсовета не годился, решили пользоваться заезжих режиссеров, а также собственные творческие кадры.

Идущий много лет на крепко вбитых постановочных гвоздях, даже очень хороший спек-

такль все же требует режиссерского присмотра. Делать этого театральные управленцы не умели, о приглашении Романовой никто не смел и пикнуть. Да и к чему держать в афише столько драм в театре драмы?

Сложные нетленки Георгия Бенуа от сезона к сезону выщелкивались из репертуара, заменяясь простыми, громкими и зрелищными названиями. Времена-то трансформировались, не надо держаться за прошлое, зритель уже другой, нудятину не ест, пускай повеселится.

Мелодрамы, фарсы, детективы, мюзиклы и комедии сапоговско-мешалкинский клан ставил по-сериальному быстро, не задумываясь о художественной ценности произведений. В компетенции художественного совета влияние на творческий процесс не входило. Никаких прав на художественные рекомендации постановщикам марионеточный «советский орган» не имел. Ничего необычного. Помните шекспировские тексты про гниль и датское королевство? Вот-вот. Действительно, переменились времена. Бывает.

К финалу перемен Егор играл только «Записки». Не могла Сапогова уничтожить этого спектакля, памятуя о своем единственном в карьере, воистину заоблачном артистическом взлете. Работала Мавру так же потрясающе, как в дни премьер, назначала бесконечные дополнительные репетиции и прогоны, продолжала прино-

сильную массу свежих решений, трепетно относясь к базовому рисунку. То ли в благодарность за совместное творчество, то ли из неумения применить высокого неврастеника к утвердившимся на сцене легким жанрам, в новых постановках Сапогова, Мешалкина и Чирского не занимала, жалела.

43

Егор уже третий час томился над нетронутым ужином и неиспробованными напитками, сидя в VIP-зоне ночного клуба «Русский Формат», уныло поджидая вечно опаздывающего Серегу. Они опять повадились по пятницам клубиться в ночниках, но уже сообразно возрасту.

Степенные, дорого одетые, импозантно поседевшие мужчины все чаще и чаще проводили здесь ночи за неспешной беседой мемуарного свойства. Благо, что оригинальная выдумка талантливого дизайнера клубного интерьера как нельзя лучше соответствовала их теперешним запросам и ритмам.

Прозрачная в одну сторону, стеклянная стена тихого уютного пространства, стилизованного под рестораторский кабинет позапрошлого века на четыре «особо важных персоны», отсекала

бушующую громом и молниями дискотечную стихию, хорошо сохраняя живую картинку.

Едва уловимым фоном в кабинете похрустывала популярная классика великих русских композиторов. Покрутив колесико управления звуком трансляции, оставаясь незамеченным, из этого укрытия можно было спокойно посмотреть симпатичную программу, построенную на русскоязычных шлягерах и хитах ушедших лет. Когда же импульсивная картинка надоедала, стена просто задергивалась тяжелым бархатным занавесом, не отвлекая от прислушивания к голосу и от спокойного разглядывания лица собеседника.

Он так и поступил, благосклонно приняв сумбурные оправдания проблуждавшего среди танцующих дев, да так и не стяжавшего внимания, горстями поедающего из серебряной коробочки дорогие таблетки для пищеварения и мужского здоровья, не побежденного годами тусовщика. После ужина одержимый ловец дамских тел собирался опять «посафарить» и требовал, на сей раз, хорошенечко его поругать для успеха.

– Пойдем, прогуляемся? – сказал Сергей, смачно запивая отменно приготовленное мясо объемным бокалом красного вина. – И не закрывай ты больше, пожалуйста, эту злосчастную портьеру. Мне надо видеть мой театр военных дейст-

вий. Спорим, вон те две кобылки у сцены на меня западут? Одну пока поставлю в стойло, а другую буду взнуздывать, стегать, пришпоривать, – не до конца раздвинув занавес, украшенный золотой монограммой «RF-клуб», мечтательно планировал Серега. – Пойдешь?

– Да нет. Лучше я посижу, покурю.

– Ну, сиди, кури, пень замшелый. Повезло тебе со мной, девок прямо к столу доставляю.

– А ты не больно-то обольщайся, позорный поставщик девичьего товара! – привычно шутил Егор. – Мне твои безмозглые девки ни к чему, я о душе думаю, чего и вам, профессор, настоятельно рекомендую!

Ничуть не повзрослевшие с университетских времен, порочные и добрые, глаза Сережи забликовали радостными огоньками, в них проблеснула новая идея.

– Тогда припру тебе объектик для души, – интриговал Сергей у двери. – О душе должен размышлять мужчина поначалу, а уж когда произойдет, тогда и о душе не грех подумать. Не отлучайся.

– Ты, пакостник, меня в свой блуд не ввергнешь! Сегодня я исполнен чистотой! Нелепы твои низменные страсти! А твой потертый вид рождает жалость, истраханное тело – состраданье, морщинистые мысли – омерзенье! У нас, у

целомудренных людей. Молиться стану за тебя, несчастный, постаревший ловелас!

- Скотина!

- Бранись, бранись, заблудшее дитя порока! Но бранью молодые годы не вернуть. Закончишь дни свои в вокзальном туалете, рисуя на стенах мерзейшие картинки. Опомнись, низкое создание! Ты не самец, ты - человек!

- Ну, вот не сволочь, а? И это - самый лучший друг. Боюсь подумать, кто все остальные. Так что, вести тебе объектик?

- Веди. Начну ей проповедовать смиренность, умерщвление плоти и, может, в этот раз не проиграю.

- Лицемерный лицедей!

- Иди уже, потешай свой жалкий жребий, замызганный, плюгавый волокита!

- Ну, я тебе сейчас устрою!

Придвинув кресло к прозрачной стене, Егор торжествующе пронаблюдал немую сцену резкого отказа едва созревших кобылиц непристойным предложениям старого кобелирующего дядьки, приготовил к его появлению несколько издевательских фраз на тему дряхлого донжуанства, и закурил.

- Вот тебе твоя душа! - звякнул за спиной помилованный временем серегин голос, приятно напоминая высокими юношескими обертонами их первые диалоги на первом курсе.

В дверном проеме стояла Гейша! Живая!

Пока Сергей устраивал ей место у стола, Егор, надев очки, сканировал знакомый облик. Не изменилась! Все то же узкое лицо, веснушки и пушок над верхней губой. Морщины не заметны. Замазала? А может, подтянула? Не изменилась. Чудеса. Живая!

- Ты так и будешь там сидеть? Давайте пить, но я вино не пью. Столько лет тут работаю, а в кабинет вошла в первый раз. Ну, что ты там сидишь, иди сюда! Классно, вообще, придумано, конечно! Весь клуб орет, а у вас - тишина и покой. Егор, очнись, давай поговорим, - как и двадцать лет назад, у начинающей сердиться Гейши влажнели глаза.

Под веки заползал табачный дым, пульсар единственной мысли (живая!) медленно мерк, подсунутый серегиной рукой бокал с каждым глотком возвращал в реальность исчезнувшие на время предметы, удушающий паралич потрясения рассасывался, вновь обретенная мимика сооружала из губ подобие улыбки. Он закашлялся, уронил сигарету, поднял, погасил в карманную пепельницу, подтянул кресло к столу и прошипел:

- Привет.

- Ну, наконец-то, отошел, - обидно хохотала Гейша.

- За встречу! Вы тут посидите, а я пошел в дозор. Самец я, или нет? Одна уже пообещала! - раскланялся предупредительный Сергей, быстро вышел и аккуратно прикрыл дверь.

- Ты почему не умерла? - глухо спросил Егор, еще не до конца восстановивший способность складно говорить и мыслить.

- Вот новости! С какой бы это стати? А? - весело и театрально возмутилась Гейша.

- Мне Бандерлог сказала, что тебя убили.

- Не знаю никакого Бандерлога, это кто?

- Хозяйка клуба, Дора.

- А, понятно. Что, прямо так сказала, что убили?

- Нет, как-то по-другому. «Пристукнули твою Гешку, допрыгалась», кажется, так.

- Понятно. Какой же ты дурак! «Пристукнули» означает «побили», смерть тут ни при чем. Меня тогда, действительно, избили сильно. Дора умела находить самых гадских извращенцев, и сдавать им девок. Теперь ее уже нет, сама допрыгалась. А я в больницах провалялась месяц, но ребенка сохранила. Я ж про аборт врал.

- Моего?

- Нет, не твоего! Дурак дурацкий, твоего и быть не могло, неужели не понял? Думаешь, ты один у меня был такой красивенький? Сан Саныча я родила для Саши, он сейчас пока сидит, а

через два года выйдет. Но он – мой настоящий муж, понятно?

– Ясно. Где ребенок?

– Ребенку двадцать лет почти, балда! Вон, погляди, танцует у колонны. Опять напыхался, гадина. Вон тот, с пробритыми висками, с голым пузом, в майке. Пусть потанцует, деточка. Он у нас теперь опять работает, девчонку добрую завел, в школу обещает пойти.

– В какую школу?

– В среднюю, в девятый класс. Он у меня не доучился.

– Учиться в школе в двадцать лет? Не поздно?

– А что такого? – обиженная ревностная желчь заклокотала в гейшином вопросе.

– Тебя по-прежнему зовут Гейшей? – продолжил неприятное интервью трезвеющий и начинающий скучать Егор.

– Гешей.

– А где работаешь?

– Здесь. Я теперь – хореограф-постановщик. А ты?

– В театре.

– Молодец. Программы наши видел?

– Хорошие программы. Молодец.

– Хочешь, кто-нибудь из девочек сегодня Гейшей выйдет?

– Спасибо. Не хочу.

- А зря. Они у меня все этот номер знают. Классика жанра. Правда, хороший был номерок?

- Хороший.

- Ну, ладно, я пойду. Мог бы, кстати, и предложить рюмашечку водярки подружке юности суровой.

- Сейчас закажем.

- Да не успею я уже. Арт-директор наш устряпался шибко, самой придется всех на сцену выпускать. А если ты такой богатый, зашли в кулисы пузырек. Охранники передадут.

- Зачем охранники? Официанту закажу, он тебя знает?

- Прекрасно знает и доставит сразу. Но только, это, водочку, другого-то я не пью. Спасибо.

- Подожди. А почему ты не вернулась?

- Пожалела тебя, бедненького. Ты, в сущности, хороший, только очень странный. Жалко, иногда, таких доверчивых младенцев разводить. Хотя нет, вру, себя жалела. Квартирёшка мне твоя, естественно, была нужна, и через год уже была бы моей. Но это ж целый год терпеть кретинские рассказы о театре в жизни! Я бы с ума сошла! Тем более что ты уже подозревал. Подозревал или я ошибаюсь?

- Ошибаешься, Геша. Перед тобой сидит совершенный балда.

- Балда. Но ты везучий. Бога благодари за то, что я тебя оставила в покое. Пока!

- Мелодрама, - горько проговорил Егор.

- Что?

- Вся наша жизнь с тобой - вульгарная кривая мелодрама, написанная с похмелья бездарным провинциальным драматургом. Ни одного оригинального приема, да и стилистика - говно. Жалко нас.

- Да ну тебя. Как был дебиллом, так им и остался. Пойду я, ладно. Водку не забудь.

44

На место Сергея, жирным росчерком вычеркнутого из жизни вместе с непереносимой клубной атмосферой, вызывающей тяжелые приступы идиосинкразии, внезапно ввелся новый «как бы друг», Игорь Кургузов. Впервые кто-то сам захотел по-настоящему дружить с Егором, постоянно видеться, созваниваться, интересоваться состоянием, вытаскивать на общение, придумывать общие занятия.

Кургузов был актером их театра, с уходом Бенуа ему пришлось уйти. Кое-как пристроился на кафедре сценречи в институте, чего-то там вещал на радио, протискивался в кастинги на рекламные ролики, проваливался в кинопробах и

грезил сценой. Он все еще мечтал стать артистом! Сорокалетний утопист, наперекор жене и детям, продолжал пробиваться в профессию. Как выяснилось, именно он, будучи абитуриентом, вырезал из афиш учебного театра портреты Ланова и видел все спектакли выпускного курса Рябушинской не по разу. Егора почитал кумиром.

Успеха Игорь и не нюхал. Актерская судьба, злодейка, не просто поскупилась на удачу, а вовсе не дала ему шанса хоть раз снять овал. Не актуальны споры о системе, не надо помнить озарений разных театральных гуру от Михаила Чехова до Брука, когда играешь образ, именуемый «задняя часть коровы» или выходишь «телепузиком». Самая крупная роль длительной кургузовской карьеры – Шигалёв из «Бесов» Достоевского. Вы сразу вспомнили, кто это?

Егор был благодарен Игорю. Свободное время начинало растворять, вымывать, вытравливать из Ланова артиста. Тягостная праздность легко растляет деятельные натуры, а иногда приводит к сумасшествию, уж к личностным-то нарушениям почти всегда. Актер – лицо действующее, он либо играет, либо готовит роли. Гневит судьбу, уходит от благополучия, изматывает терпеливую семью, бросает страсти, жертвует досугом. И это все – во имя сцены. Творческая зависимость страшней алкоголизма. Актерское бездействие кошмарно. Актеры не умеют ничего дру-

гого, не вписываются в социум и гибнут. Егора Игорь спас.

Баня, кухня, лес и пляж – вот места действия, где часто виделись два друга по театральному несчастью. Вернее будет называть эти места пространствами для придумывания будущих поступков или обстоятельных воспоминаний о когда-то предпринятых действиях. Со стороны, пожалуй, выглядело комично, когда два зрелых дяденьки с корзинами собирали грибы, и на большой дистанции громогласно спорили о путях развития современного театра, поставленными голосами зычно посылая на десятки метров заковыристые профессиональные термины, вроде «сквозняка» и «сверхзадухи». На одной из таких вылазок в природу Кургузов озвучил идею о наборе курса.

45

Взросление артисту противопоказано. Егор и не заметил, как перемудрил, перерос, передрамматизировал свою профессию. Утрата наивности, вот как это называется. Пахнувшие пожелтевшей газеткой ветхие метафоры, вроде «окошек встречного поезда», так удачно и к месту отразившие первый период исканий и жертв юного

игреца, не годятся в описание его взрослой жизни.

За много лет сценический мальчишка опсовел, окреп, творчески возмужал и жизненно ослаб. Он прожил молодость моментом. Как в репетиции, большим куском. Одним периодом, как на прогоне. Прожил без боли, бед и нищеты. Прожил в отсутствие любви и дружбы. Старательно тянул свое личностное «сквозное действие» и задуманную в юности «сверхзадачу», виртуозно увильывая от, как ему казалось, мелких любовей, искренне не доверяя случайным дружеским экзерсисам. Увильнул и не доверил.

Всерьез посягнувши на Творчество, и своевольно возведши себя в ранг Созидателя, позволив себе иногда провоцировать размышления и чувства миллионов обыкновенных людей «о главном», один из обычных перестает быть таковым. Чаще всего он платит за возможность Откровения непоправимым одиночеством. Платит не за успех в этом непостижимом деле, а за самую возможность делать.

Пугливо Творчество, помоек-кабаков не любит. Священной тишиной питается. И даже самый громкий крик о сквернах мира задумывается в тиши ночного бреда, когда телесное забыто напрочь, а на земле перешептываются только новый Созидатель и вечный Творец. Не надо бы встречать в такие диалоги с буйфетной правдой

коммунальных нечистот. Пусть пообщаются наедине. Авось, и нам, убогоньким, расскажут, зачем мы здесь, да и что там будет завтра. Жена с приятелем ничто подобное понять не могут, а вот любимая и друг умеют.

Любит, дружит, верит и творит человек каким-то одним местом, еще не обнаруженным бездушными физиологами. Далеко не у каждого это место обильно, сил хватает лишь на что-то одно. Артист Ланов потратил жизнь на Творчество.

О, как бы было замечательно, когда б остался Егор вечным капризным внуком трех театральных старух, непосредственным, наивным, искренним, как в первые годы. Тем же самым солнечным и добрым социальным уродом, но только не осознающим этого, беззаботным и восторженным. Тогда и сапоговские легкие жанры вполне сгодились бы.

Не сумел он удержать свою суть на пороге юности, как три его бабки. Можно быть сколько угодно дряхлым снаружи, но продолжать разговор с миром на ясном языке простодушной непосредственности. Не вышло. Вырос из актерства. Наигрался.

Уже неделю ночи транслировали ему один и тот же многосерийный сон. Сновидений Егор

никогда не запоминал, единственное, что мог рассказать, так это хорошим был сегодня сон или плохим. Ни сюжетов, ни красок, ни образов память не сохраняла.

Только раз, в детстве, впечатленный маминым рассказом о временах ее военной юности и украденных хлебных карточках, Егорка испытал и запомнил настоящий ночной кошмар. Во сне карточки потерял, конечно же, он. Шел вдоль тысячной очереди серых людей, падал, подымался, опять шел и подышал от голода. А потом близко увидел теплый свежий хлеб, самый любимый, черный-круглый, с хрустящими горбушками. Схватил его, побежал, откусывая на ходу и глотая непрожеванные куски. Задышался, откусывал и никак не мог проглотить. Серая очередь потемнела, чернильной тучей понеслась за ним и уже почти настигала. А он все не мог проглотить хлебные куски. Закончился кошмар светом. Егор прибежал домой к маме и нырнул под одеяло. Очередь-туча бесполезно бесновалась за темным окошком, а в комнате сиял солнечный свет. На экране старого телевизора барахтались праздничные мультяшки, белая льняная скатерть слепила чистой пустотой, на холодильнике стояла маленькая пластмассовая елка, крепко пахнущая полиэтиленом, вся увешанная чудесными малюсенькими игрушками. В этой атмосфере он тогда и проснулся.

Теперешний сонный сериал удивлял связным сюжетом и отсутствием монтажных стыков, как в хорошей киноленте. Он повествовал об очень сутулом, практически горбатым парне, приносящем всем, попадающим в круг его общения, успех-удачу-счастье, в зависимости от частоты встреч и плотности контактов.

Сам же поставщик позитива был глубоко неудачливым, одиноким, не успевающим за счастливыми случаями, не умеющим воспользоваться грандиозными перспективами и многообещающими шансами. Абсолютно незнакомый Егору горбун даже снился себе в егоровых снах. Снился всегда обнаженным, с чем-то вроде рюкзака на плечах. Егор понимал, что это наверняка крылья, но только упакованные в горб.

Странные горбуны приносят счастье, надо только почаще прикасаться к их горбам, многовековая примета не врет. Только вот однажды они начинают замечать на головах близких или далеких, безумно дорогих их миру людей с прямыми спинами, большие или малые, дурно пахнущие рожки.

Герой сна разглядел человеческую рогасть в своих снах. Егору снилось, как тот просыпался, пробовал убежать, прятаться, отдирать от спины непонятный придаток. Парня находили, выуживали из нор, выволакивали на свет и все прикасались-прикасались-прикасались к горбу.

Даже самые любимые не могли себе в этом отказать. В последней серии он догадался посмотреть в ультрамариновое небо, где парило несколько подобных ему существ, и улетел, оставив далеко внизу рогатый частокол пешеходных душ. Сновиденческое кино потрясло богатством ракурсов, поразительной цветопередачей, четкой картинкой, виртуозными диалогами, изумительной режиссурой. К чему бы это?

47

На работу он старался ходить пешком. Дождаться нужного троллейбуса, втискиваться с двадцатью наиболее опаздывающими соотечественниками в плотно заполненный салон, вдыхать их выдохи, чувствовать мерзкие прикосновения локтей, сумок и бюстгальтеров пожилых женщин, слышать перед каждой остановкой вежливо-желчный вопрос «Выходить будешь?», вываливаться в толпу на большом перекрестке, вливаться в поток потенциальных автобусных пассажиров, вместе с ними ждать редкий автобус, штурмовать его «нерезиновое» пространство и еще три остановки вдыхать-чувствовать-слушать обычные проявления обыкновенных людей – все это на творческий лад не настраивает, да и вре-

мени занимает вдвое больше, чем пешая прогулка.

Обычно он шел через парк телецентра, только начинающий наполняться юными мамами с колясками, вялыми собачниками с проказливыми псами и синими опохмеляющимися мужиками с белыми пластиковыми стаканчиками в руках. Огибал воинскую часть, наблюдая бестолковые «мероприятия по приборке территории» в исполнении мешковатых сонных солдатиков, угощал попрошайничающих солдат сигаретами и даже деньгами. Проходил горбатой улочкой мимо бесцветной коробки здания суда, постоянно окруженной редкими группами то ли уголовников, то ли свидетелей, то ли оперативных работников (все на одно лицо). Доходил до рынка и часто специально отклонялся от маршрута, чтобы пройти по блошиной его части, где бойкие старухи и балагуристые мужики торговали всяким престарелым барахлом. Однажды даже купил смешную синтетическую елку в идеальном состоянии, точно такую же, какая была у них с мамой на старой квартире – нелепую, милую, пахнущую полиэтиленом. Этот запах стойко ассоциировался в его памяти с давними новогодними праздниками.

В самом финале пути быстренько заскакивал в маленький магазинчик-стекляшку, над входом которого торчала красная вывеска «Па-

вильон», – и все, больше ни единого слова. Какой павильон? При чем здесь павильон? С тем же эффектом можно было начертать, к примеру, «Мон плезир».

Хмурая от природы, улыбающаяся тетка тут же выкладывала на прилавок пачку его сигарет. В последний год пачки на день не хватало, и тетка спрашивала, интонационно сливая два слова в одно: «Однудве?».

Многолетний утренний диалог «добрый день – однудве – всего доброго» был ему гораздо приятнее бесконечных задушевно-лицемерных бесед с коллегами по театру. И тетка это чувствовала. Один раз даже прекратила матерный телефонный скандал, как только увидела его в дверях. Крохотное приветливое тепло на секунду возникало между ним и продавщицей из павильона. Но однажды она вдруг нарушила привычный ритуал.

– Гы. Чуть было не спросила, какие сигареты-то давать, – грубовато брякнула тетка, лукаво улыбнулась, причесала большой пятерней вытравленную белой краской щетку волос и застеснялась. Она ждала продолжения диалога.

Егор обалдел. Так ведь это никакая не теплая вежливость. Тетенька просто-напросто неровно дышит в его сторону и, наверное, решила, что пора бы им уже определиться в отношениях. Клинья бьет тетушка, или как это называется че-

ловеческим языком, кокетничает, заигрывает, флиртует. Да и не тетка она вовсе, лет тридцать семь, наверное, а значит, младше его. А он как раз выглядит моложе своих лет, стало быть, – полная гармония. Вот это да.

Такой тип женщин называют бабами. Они никогда не смотрели на него всерьез, поскольку бабе необходим мужик, а не вечный мальчишечка с непонятными словами, нервными мыслями, странными поступками.

С мужиком всегда все ясно, даже если гуляет, даже если пьет. Одна из актрис в примерке как-то выдала классическую бабскую формулу управления мужиком: «Хрен мужицкий за сто лет только на один миллиметр стирается, а выпивку и подрегулировать можно». Он понимал, конечно, смысл первой части этой фразы, транслирующей его собственное отношение к любовным изменам и убеждение в том, что гораздо важнее быть вместе, а не рядом, но тошнотворное впечатление запомнил.

Мужики и бабы семьдесят советских лет, в стране победившего Хама, успешно выращивали культ мужика. И ныне термины «парень» и «мужик» в России несут комплиментарный смысл, потеряв бранные уничижительные черты. Назвав приличного человека настоящим мужиком, лет сто тому назад можно было и по физиономии схлопотать, поскольку «настоящий мужик» – это

натуральное дерьмо, бестолочь и быдло. Занятно, но «девка» и «баба» так и остались оскорбительно-ругательными словами.

Он аккуратно избегал общения с явными мужиками и особенно с бабами. То, что Егор считал прекрасными достоинствами мужчин – интеллигентность, мысль, благородные устремления, сложность натуры, откровенную мудрость, утонченность манер, грамотную речь, – бабы почитали непоправимыми недостатками.

«Вот какие зрелые девушки теперь оказывают тебе внимание, раньше совсем другие тебе оказывали. Оказывали? Какой же ты, все-таки безмозглый болтун! Слишком уж затейливо выражаешь незатейливые мысли. Ты еще скажи – обслуживали!» – кисло иронизировал Егор.

Он вспомнил, как давно у него не было женщины и насколько она ему теперь не нужна. Отвык? Постарел? Стал «целым и мудрым», в смысле целомудренным? Исправная утренняя эрекция к сексуальности отношения не имеет. Сексуальность – в мозгах, в желаниях, жаждах и вожделениях души. Телесных удовольствий хочет именно душа. Она у Егора ничего подобного уже не запрашивала. Отбурлила кровушка, пятый десяток в разгаре и душа совсем другого просит. Сейчас бы он вытерпел рядом с собой только Гейшу.

На всякий случай Егор стал внимательней и корректней обходиться со своими приветливостями в сторону кассирш, вахтерш, кондукторш, уборщиц и сослуживиц. В павильоне с тех пор не появлялся.

48

Прекратить актерствовать трудно. Да и решиться перестать быть актером официально, то есть уволиться из театра, не так уж легко. Все утро Егор репетировал написание-подписание заявления об уходе. Продумывал реакцию на уговоры, справлялся у зеркала, не врут ли мимика с пластикой, сочинял тексты ответов на возможные вопросы (листов десять насочинял).

По дороге в театр думал об институте. Решил, что пришла пора нормально прибраться в аудитории, поубирать с подоконников бесполезный прошлогодний реквизит, и строго-настроено запретить выскальзывание из класса в курилку отдельно взятых разгильдяев в то время, когда другие детеныши работают отрывок. Не просто запретить, а вместе с Игорем, сурово, жестко и безжалостно, отслеживать выполнение запрета.

Они же этими попрыгушками волокут в процесс репетирования вульгарный бытовой бардак, буфет и околотеатральность. Надо им се-

годня озвучить эту фразу. Там, где чистое белье, чистое тело, чистое пространство, там и ясные помыслы, там и светлые чувства. Пускай хоть в школе ощутят чистый театр, обычных плановых театров по жизни еще нахлебаются.

Расслабились детки немного за второй курс, да и он-то хорош – попустил, позволил, разрешил. Впустил в свои уроки столь ненавистный ему театральный «тяп-ляп». Теперь вот приходится выдумывать, как бы эту гадость изгнать.

И Мишке Флаксерману (бедный ребенок, как же ему работать с такой фамилией?) надо подсказать, чтоб, играя хамоватого кушца в Островском, хлопнул бы оглушительно бархатным футляром, как только положит туда отвергнутое Негиной ожерелье. Да так, чтоб она вздрогнула, испугалась, съежилась, как от удара. Ах, как здорово у них это может получиться!

Уговаривать в театре никто не стал. Подписание прошло быстро, просто, равнодушно. Его не оставили! Этот фактик стал событием только для него. Показалось даже, что все необходимые бумажные формальности были заготовлены кадровиками заранее. Гаденыши! Это удивило, но не расстроило.

Из всех его уходов этот был самым радостным. Он впервые уходил с легким сердцем. Сердчишко не болело, но он его чувствовал; как-то непривычно булькало и барахталось в груди.

Пары театрального яда выветриваются из организма обычно только вместе с жизнью, а он жив!

Остановившись у перекрестка, где много лет назад дурашливый щенок гонял крысу, присел на ограждение, от которого тогда отклеивал трусливую Гейшу, улыбнулся и закурил. Жить было очень хорошо. Сердце успокоилось, поняв, что отвлекает от простых и вкусных ощущений бытия.

Уводящая от театра, горбатая улочка была густо покрашена снегом. Россыпи микроскопических солнц-отражений приятно покалывали глаза. Плотное синее небо в обрамлении мусорного багета сутулых домов, редких автомобилей и несуразных людских фигурок радовало. Улицы, в общем, не было. Уже несколько дней городские уборочные службы обходили ее стороной, и она превратилась в огромный свежий сугроб, исчерканный скромным орнаментом тонких тропинок. Прямо не улица, а немного подержанная, но чистенькая, фаянсовая ванна.

– Боже мой, как хорошо! – быстро нашептывал Егор. – Буду теперь долго-долго работать с детьми в институте. Нет, не работать. Учить? Да ремеслу их любой творческий подлец обучит, подобного народца на театре хватает. Но у меня это получается ничем не хуже, чем у подлецов, школу я даю крепкую. Жизни? Нет. Ведь жизнь, по сути, напрасна, как и театр. Буду говорить о

жизни. Вместе будем говорить, постигать, думать. Воспитывать в них что-то? А что? Во всяком случае, не локти и зубы. С приемами выживания в тухлой атмосфере театральные каверзы им предстоит разобрататься самостоятельно, этому не обучишь. А вот о том, как пробовать переделать атмосферу, как наполнять ее светом, как не увлечься бездарными дрязгами, как вычищать пространства и душу, как не забыть о главном, кое-что порассказать могу. Свету буду учить, обычному свету!

Внизу улицы образовалась и вприпрыжку зашпешила в сторону пустынного перекрестка яркая фигурка Деда Мороза. Вслед за ней из-за угла вынырнуло еще несколько таких же красных силуэтов.

- Вот как! Здравсьте! Давно не виделись! - уже не стесняясь, произнес он в голос; да и чего было стыдиться все это время, прохожих-то не было ни души. - Каюсь, в своих напряженных размышлениях о судьбе и методах ассенизации мирового порядка, - почти кричал в их сторону Егор, - я совершенно позабыл о том, что скоро Новый год! С наступающим! Один, два, три... Семь... Десять! Круто! Встретить Деда Мороза в канун Нового года один на один - хорошая примета, это я знаю. А если вас десять, то значит, все сложится в десять раз лучше! Ура!

При ближайшем рассмотрении прояснилось, что к нему движется все-таки группа Санта Клаусов. Коротенькие курточки с белой меховой оторочкой, невысокие сапоги, колпаки с огромными помпонами – все это отдавало теплой рождественской Европой.

– Студентики подрабатывают, вполне возможно, что и мои. Поди их распознай за этими заграничными бородами, – бурчал Егор, – как быстро прижились европейские праздники на нашей почве. А где же русские валенки, шубы, рукавицы, посохи, шапки? И где, в конце концов, мешок с подарками? А впрочем, верно. Мешок в костюме Санта Клауса не предусмотрен, как и подарки. На празднике этих может быть много, а вот наш Дед Мороз должен быть один. Чудесный, мощный, добрый старик. И фактуркой вы, дорогие мои, для этой роли пока не вышли, шибко уж она у вас мальчишеская. Куда торопиться, наморозитесь еще...

Беззаботные новогодние парни немного попихались, глянули по сторонам, выстроились вдоль тропинки, приспустили штаны и, явив миру свои «нехитрые сокровища», принялись пИсать-писАть на бликующую поверхность сугроба. Они усердно старались выписать фразу «С новым годом».

«Вот ведь лоботрясы! – внутренне хохотал Егор, – нет, чтоб тихо помочиться в подворотне.

Надо обязательно соорудить из этого шоу, прикол, праздник, да еще и поздравить всех таким оригинальным способом. Энергия в них бурлит, соки закипают, кровушка булькает, жизнь фонтанирует. Гаденьши...»

Годами наработанная привычка требовала найти определение произошедшему. Действительный факт? Событие? Событийный факт? Главное событие?

То, что случившееся имеет к нему самое непосредственное отношение, и каким-то образом дополняет событийный ряд его жизни, он знал наверняка, но как его поименовать? И тут вдруг понял (надо же, как все просто), а ведь это – ЗНАК.

В сердце опять булькнуло, там тоже что-то бурлило, но очень тихо и вкрадчиво. Он уронил сигарету, присел на корточки, посмотрел вверх и, не отрывая взгляда, лег на спину. Руки медленно раскинулись в стороны. Полной грудью вдохнул небо.

Как в дальнем детстве он опять парил над широкой бездной небес, держа на плечах невесомый шар земли. Слева, вверх тормашками, дурчась и покрикивая, перебрасывалась снежками великолепная десятка костюмированных мальчишек, вокруг них ажурными люстрами свисали деревья. Справа громоздились перевернутые скворечники домов, в гущу которых прилепился

его бывший театр и, мигая желтым, торчал подвешенный вниз головой светофор. Егор вновь летел над синим океаном неба, ничуть не боясь высоты.

- Господи, как хорошо! Получается, что жил я ради этой минуты? Только ее и ждал? Только к ней и стремился? Да... Спасибо! Теперь все ясно. Все светло. Все чисто. Спасибо! - полусхемтал-полудумал Егор.

Сверху было хорошо видно, как красивый старик лежал на снегу, раскинув руки. Рядом топталась стайка обескураженных пацанов в красно-белых атласных костюмах. Они растерянно мяли в руках дурацкие бороды-мочалки, боязливо разглядывали счастливое лицо старика, а под ногами у них путался невесть откуда взявшийся беспородный щенок.

Егор открыл глаза.

Солнечный день давал занавес. Эфемерный тюль юного снегопада задергивал городские пространства, потихонечку размывал краски реальности и ласково прикасался к десяти молодым встревоженным лицам.

© Сергей Платон (С.В.Платонов), автор.

Сергей Владимирович Платонов (литературный псевдоним Сергей Платон) – профессиональный актер, режиссер, автор. Учился на отделении актеров театра драмы и кино в ЯГТИ и на режиссерском отделении ВГУ им. Щукина. Преподавал практическую режиссуру в ЕГТИ.

Живет и работает в Екатеринбурге. Постановщик спектаклей и шоупрограмм. Разработчик многих рекламных проектов. Автор книг "Рекламная реальность", "Рекламмистика", «Инглубагла», пьесы "Существо", повести "Театральные каверзы", пьесы "Шаркунок", пьесы "Ремонт часов" (в соавторстве с Марией Улыбышевой), а также сценариев, статей, рассказов, миниатюр.

Финалист драматургического конкурса «Действующие лица» (пьеса «Существо»), Литературного конкурса «Белый шкаф» (повесть «Театральные каверзы»), «Каверинского литературного конкурса» (повесть «Стеклобой»).

www.s-platon.ru